

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

В августе 2009 года молодёжная общественная организация – Херсонский городской Центр молодёжных инициатив «Тотем», – начала проект «Диалог поколений». Его цель – признание и передача молодым людям жизненного опыта людей старшего поколения – тех, кто пережил войну, кто помнит самые трагические события 20-го века. В нашей организации мы создали мастерскую, которую назвали «Живая история». Мастерская – это своеобразная площадка для встреч и общения молодых и пожилых людей, во время которых мы хотим услышать настоящие, живые воспоминания. Во время этих встреч мы собираем аудиоматериал, на основе которого издаём альманах «Живая история» и создаём театральные спектакли по воспоминаниям жителей Херсона. Но главное – мы учимся не только слушать, но и слышать друг друга.

**ПРОЕКТ РЕАЛИЗУЕТСЯ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «МЕСТО ВСТРЕЧИ – ДИАЛОГ» ПРИ ПОДДЕРЖКЕ НЕМЕЦКОГО ФОНДА «ПАМЯТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, БУДУЩЕЕ»
WWW.STIFTUNG-EVZ.DE**

Целью этой программы является поддержка негосударственных организаций, которые способствуют улучшению социального и психологического состояния людей, пострадавших от тоталитарных режимов, в частности от нацизма, развитию диалога и взаимопонимания между этой категорией людей и молодёжью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ДЕТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.....	12
2. ДЕТИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.....	30
3. О ГЕРМАНИИ – ШЁПОТОМ.....	44
4. ВОССТАНОВЛЕНИЕ.....	50
5. КРИМИНАЛ.....	60
6. АРЕСТЫ. ДОПРОСЫ. ЛАГЕРЯ.....	64
7. ЛИДЕРЫ СССР.....	76
8. КИНО И ТЕАТР.....	82
9. МУЗЫКА И ТАНЦЫ.....	88
10. ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ.....	94
11. КНИГИ.....	98
12. ЗАГРАНИЦА.....	104

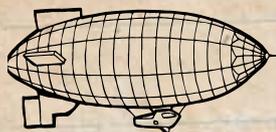
TREFFPUNKT МІСЦЕ ЗУСТРІЧІ
DIALOG: ДІАЛОГ

Програма підтримки Фонду EVZ

evz STIFTUNG
ERINNERUNG
VERANTWORTUNG
ZUKUNFT

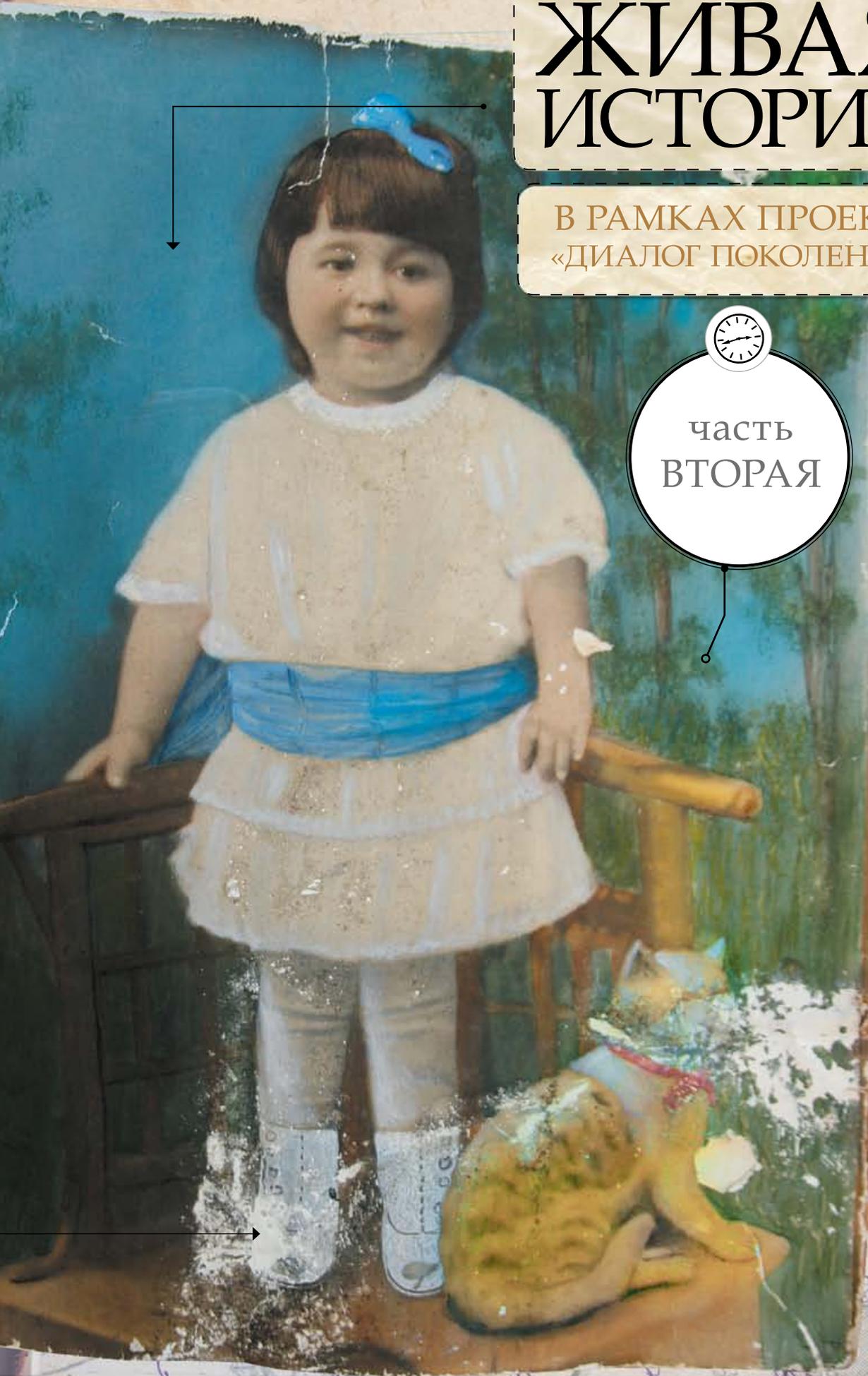
В то время жилось
каждому человеку
нормально, свободно
и беззаботно.
У нас не было
работы, войны и
страха. Мы жили
в мире и согласии.
Каждый человек
был свободен и
счастлив. Мы
любили свою
родину и друг
друга. Мы
жили в мире и
согласии.
Каждый человек
был свободен и
счастлив. Мы
любили свою
родину и друг
друга. Мы
жили в мире и
согласии.

АЛЬМАНАХ ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

В РАМКАХ ПРОЕКТА
«ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ»

часть
ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

«Живая история» – это не история, изложенная в учебниках и в статьях энциклопедий.

«Живая история» – это не архивная анкета и не профкомовская характеристика. Это история «первоисточников», которые сами могут уточнить детали и прокомментировать события. А этого не сделаешь ни в архиве, ни в библиотеке. Это история с живыми эмоциями, это история, способная вызвать катарсис. Это история, позволяющая молодому человеку посмотреть на противоречивые и зачастую трагические события глазами свидетеля, почувствовать (насколько это вообще возможно) себя в «их шкуре». Это история людей, которые обладают тем качеством, которого так не хватает сегодня – быть настоящими.

Почти год мы собирали воспоминания свидетелей прошлого столетия – людей, на чьих глазах происходили самые важные события XX века. Это и ветераны войны, и бывшие «остарбайтеры», и узники концлагерей, и «дети войны». Каждой услышанной нами истории жизни могло хватить на десятерых, а ведь это не истории министров, военачальников или народных артистов. Это истории обычных людей, на чьи плечи легла основная тяжесть века минувшего. Конечно, после этого понимаешь, что слово «обычный» здесь не совсем уместно. Но и слово «особенный» сюда тоже не совсем подходит. Эти люди живут рядом с нами – так же, как и мы, ходят в магазин, смотрят телевизор, пьют чай с печеньем. Заговорите с вашими пожилыми близкими, соседями, коллегами – и вы откроете для себя не только человека, но и эпоху. Нам всем следует помнить, что история никогда не кончается. Она подпирает современность и постоянно захватывает её. Поэтому верхней временной границы быть не может, и вчерашние фотографии и воспоминания – сегодня уже тоже история, ценность которой со временем будет только возрастать.

Николай Гоманюк,
кандидат социологических наук

Дибров

Олег Афанасьевич

1938 г.р. Родился в г. Тамань Краснодарского края, Россия. В Херсоне жил в период 1948-1955 г.г. и живёт с 1992 г.

стр. 24

Войну мы встретили в Тамани. Мы эвакуировались с мамой. Я помню, мы из Керчи плыли на пароходе «Одесский Горсовет», мы были сверху на открытой палубе, и когда пикировали немцы, мы прятались под скамейками из реек. Приплыли мы в Поты, это в Грузии, Аджария. А туда передали, что немцы потопили «Одесский Горсовет», и тут он на рейде появляется... Наши решили, что это немцы закамуфлировали свой военный корабль, и батареи по нам открыли огонь...

стр. 14

Я была чёрная, кучерявая, я два раза была в гестапо в Цюрупинске. Приехали на мотоциклах: «Юда, юда!» На мотоциклах туда отвозят и начинают бить, начинают издеваться: «Кто родители? Где родители?» А мать со старостой бегом по селу – собирают подписи, прибегают и вручают, и так было два раза. А потом хватило ума у матери – она подстригла меня, и я носила платочек, а глаза все равно чёрные, брови чёрные. У нас староста большую роль играл. У нас школа была – десятилетка большая, так он что даже сумел: закрыл школу, в школу мы не ходили, немецкую церковь сделал, и ходили все молиться за фюрера, чтобы не идти в Германию. И так он нас всех спас...

Катанова

Мария Григорьевна

1930 г.р. Родилась в с. Подстепное Херсонской обл. В Херсоне с 1951 г.

В текстах альманаха максимально сохранена манера речи при их минимальной литературной обработке. Для нас ценным является не только то, что говорит человек, но и то, как он это говорит. Так, во многих историях может показаться, что рассказчик путает прошедшее и настоящее время – но мы не стали вносить исправления, так как именно эта особенность повествования показывает, что прошлое имеет для этих людей такую же силу, как и настоящее. Рассказывая, они переживают события 60-70-ти летней давности так, как будто они происходят здесь и сейчас, и вместе с ними мы видим ожившие картины их прошлого. Именно это ощущение живой истории мы и хотели передать и сохранить.

Елена Афанасьева, директор ЦМИ «Тотем»

стр. 18

Немцев первых я видела: по нашей улице они шли – высокие, светлые, закатанные рукава, через плечо у них были бляхи железные какие-то и автоматы. Шли спокойно, как хозяева. У нас через два дома жили евреи – девочки, их сразу забрали, расстреляли. Моего дядю расстреляли, хоть он не еврей – он русский, но его расстреляли. Он передал записку, что его выдал их сосед. А там, где сейчас Парк Славы, была большая балка, и вот там под открытым небом были наши военнопленные. Мы с бабушкой ходили туда не один раз. Там было проволокой огорожено, и мы через проволоку бросали картошку...

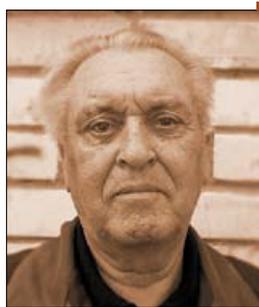
Красутская Александра Георгиевна

1935 г.р. Родилась и живёт в Херсоне.

Иванов Генрих Иванович

1931 г.р. Родился в Свердловской обл., Россия. В Херсоне с 1972 г.

стр. 15

Мы были воспитаны на книгах, которые писали наши писатели, было пионерское движение. Всю войну, несмотря на то, что у нас на доме звёздочка была (это у тех, кто ушёл на фронт), и мы были пацаны, и хотя и у себя надо было дрова пилить, мы помогали семьям погибших. Мы таскали воду, пилили дрова. Школа организовывала поездки по деревням, собирали клюкву, рябину, ягоду – и на фронт. Помню, у нас была лосиная шкура, так бабушка из этой шкуры срезала шерсть и на фронт вязала рукавицы, отправляли посылки – первому попавшемуся солдату передавали.

Костева Анна Константиновна

1939 г.р. Родилась и живёт в пос.Киндийка, Херсон.

Жирнова (Аркаева) Тамара Георгиевна

1928 г.р. Родилась в г.Оренбург, Россия. В Херсоне с 1944 г.

стр. 13

Нас погнали – поездами, подводами, машинами, пешком даже гнали. Идешь, ноги болят, плачешь, а мама говорит: «Не плачь, а то тоже поубивают». Идешь, плачешь, слёзы глотаешь. Потом мы проходили комиссию: там такой долгий коридор и кабинет, туда заходишь, и проверяют – кто смотрел голову, кто смотрел на тело, чтобы не было ран. Были такие люди, что какая-то рана или фурункул – так это бракованные, а куда их девали – мы не знали. Они брали только здоровых. Мы проходили комиссию, а в конце получали мешки, вся одежда сбрасывалась в мешок, и оно всё жёным, горелым воняло. Это у меня осталось в памяти – они дезинфекцию делали... И в Польше мы проходили контроль какой-то, нас раздевали всех наголо, и стояли мы все в очереди...

Силантьева Мария Кузьминична

1933 г.р. Родилась в г.Кемерово, Россия. В Херсоне с 1976 г.

стр. 25

День победы, конечно, помню. Я училась уже в 6-м классе, и мы с девчонками и ребятами ходили по улицам, поздравляли. В одни ворота мы постучали: «Поздравляем вас с праздником!», а оттуда женщина как закричит: «Какой праздник?! У меня погиб муж и сын на фронте! Какая победа?» Вот это я запомнила. Все празднуем, все радуемся, но когда и мужа и сына похоронила, оставила там – это день тяжёлый...

стр. 27

Мы приехали в Херсон, и меня сразу определили в телеграф, в секретную часть – в особый сектор, который охранялся, все правительственные телеграммы мы получали, а ещё были шифрованные – и если ты пропустишь хоть один знак, текст искажается. Нас проверяли через КГБ, это было тогда очень строго и очень важно. Мне было тогда полных 16 лет. День победы пришёлся на моё дежурство. 7 мая информация уже была – пришла правительственная телеграмма о капитуляции. Даже в газете писали, что первой об окончании войны узнала комсомолка Аркаева Тамара Георгиевна, представляете? У меня была переполнена душа – столько радости! Но про то, что победа, нельзя было говорить до 9 мая. Я никому не сказала. Я это носила в себе два дня, но зато летала, как на крылышках!

стр. 45

Когда я вернулась из Германии – это был июнь 1945 года. Дома нашего не было. Мы жили у крёстной, всё время боялись, что кто-то нас заберёт. Я увидела маму – казалось, что у неё такие руки гладкие! Она меня гладит, а у меня волос не было тогда, я была подстриженная. Она всё целовала руку, где у меня номер лагерный был...

Мы начали учиться, я пошла сама в школу, сама записалась. Я говорила, что хочу учиться, а они меня не понимали и позвали учительницу немецкого языка. Она со мной поговорила и сказала: «Эта девочка должна учиться, у неё всё вернётся». Она говорит: «На русском языке всё понимаешь?» Я говорю: «Иа, йа, ферштейн!»

**Матвиенко
Белона Акимовна**

1927 г.р. Родилась и живёт в Херсоне.

стр. 48

Сначала я рассказывала, что я в Германии была, но было какое-то осторожное отношение. И потом я поняла, что нужно молчать об этом, потому что не очень одобрительно к этому относились, с подозрением, потому что многие уехали добровольно. А то, что это было принудительно, и арестовывали, и направляли на принудительные работы – это как-то умалчивалось. Считалось, что мы чуть ли не изменники, что это порок какой-то у человека, если он попал в Германию. Однажды (дело было в 8-м классе) иду я в школу.

И встречает меня мужчина в скверике, представился, показал мне удостоверение работника КГБ и говорит: «Ты в школу не идёшь, ты идёшь со мной в КГБ»...

**Шаварина
Ольга Лазаревна**

1938 г.р.
Родилась в г.Киев.
В Херсоне с 1968 г.

**Мацюк
Вера Ивановна**

1931 г.р. Родилась в Ровенской обл.
В Херсоне с 1949 г.

стр. 47

Пришли до нас вже наші, сказали: «Ви були в Германії, ви винуваті, якщо не поїдете звідси – вас розстріляють». Дали нам подійомні гроші, і ми поїхали, всі-всі поїхали сім'ї, що були в Германії... А потом сестра моя двоюрідна в лісах корови пасла. В дедушки дівчати жили, їх шість було, і сестра написала мені бумажечку: „Прощай, сестричка, мене нема“. Дедушка залишився живий. Він розкажує, що прийшли удвох, коли дівчата спали, в нічних рубашках. Їх подняли, там був колодязь глибокий – і їх по одной в той колодязь покидали...

**Дружченко
Лидия Андреевна**

1946 г.р. Родилась в г.Черновцы.
В Херсоне с 1946 года

стр. 67

Когда вошли в Херсон наши, то первые шли НКВДшники. И сразу вопросы – почему вы в тыл не ушли, а тут остались? Бабушка рассказывает им, что у неё почки, делали операцию, идти не могла. А они – нет, вот ваш муж расстрелян, вы репрессированные, значит, вы враги народа, а вы ещё и верующие – вы дважды враги народа! И мою маму начали вызывать на допросы, от 9 утра до 5 вечера. Моя мама находилась на допросах полгода, это 61-я зона, подвалы по улице Кирова. Ложат пистолет рядом, говорят: «Мы тебя расстреляем прямо здесь, и никто и не узнает, что с тобой стало. Говори – почему ты осталась? Ты молодая, ты должна была это...» Маму били, но не так били, чтоб умер человек, а издевались. Бабушка это всё время ходила вокруг здания и молилась... Девочка 16 лет – что она могла сделать такого? Винуват потому, что ты есть...

стр. 33

В 1947 году была голодовка. Раньше у нас были козы, мы резали этих коз. А когда есть стало нечего совсем, я полез на чердак, достал козью кожу, посолил... Я был самый слабый, я первый начал эту кожу варить. А через овраг жили люди, так они умерли – вся семья умерла. За углом на улице люди кошку и собаку съели... Мама работала в госвинрассаднике, там давали на работающего 100-150 грамм хлеба – это на нас на пятерых. И в одном котелке (я даже помню этот неполный котелок) была какая-то крупа, вода – и всё. Вот так мы выжили...

**Кедровский
Владимир
Трофимович**

1934 г.р. Родился в Николаевской обл.
В Херсоне с 19?? г.

стр. 35

Развалины домов – это было место наших детских игр. Развалы эти первое время разбирали пленные немцы. У нас во дворе тоже бригада пленных немцев была. И вот один немец как-то, пожилой такой, в очках кругленьких, подозвал меня, погладил по голове, я так боялась подойти... А потом он заговорил со мной – немного русских слов, немного немецких, сказал, что он любит детей, что он учитель, и что Гитлер плохой, показывает – пах-пах. Я пошла бабушке рассказала, а бабушка взяла кусочек хлеба, сала положила, сказала: «Отнеси ему». Я отнесла ему, он мне потом дудочку сделал и подарил, потом какую-то крышечку от катулочка нашёл – подарил, а потом их перевели на другой объект.

Украинцева Ольга
Сигизмундовна

1922 г.р.
Родилась в г.Евпатория.
В Херсоне с 1925 г.

стр. 56

Я работала в управлении лагеря военнопленных. В Херсоне военнопленные восстанавливали завод, там не было ни одного нашего. Жили они в казармах, деревянные бараки им сделали – обычные казармы, как и мы когда-то жили. Они очень сачковали, очень много было среди них больных. Но, может, и условия такие были, но они, по-моему, сачковали хорошо. Но немцы там сами делали всё, старшие офицеры всем там заправляли. Ни охраны там не было – ничего. Мы бы разбежались, конечно, а они не разбежались.

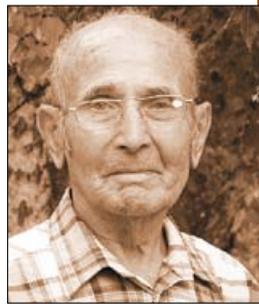
Кузнецова
Элеонора
Орестовна

1938 г.р.
Родилась в г.Одесса.
В Херсоне с 1939 г.

Дроботенко
Борис Никитович

1926 г.р. Родился в Красноярском крае, Россия.
С 1991 г. живёт в г.Скадовске Херсонской обл.

стр. 68

...В общем, мне приписали клевету на то, что в тюрьмах были в 1937 году, клеветнические анекдоты, клевету на колхозное строительство. В колхозы как сгоняли? Хошь – не хошь, а иди. Когда на суде я стал говорить: «У нас же свобода слова!» А судья: «Свобода слова в рамках». Я: «Но если стол на четырёх ножках, я не могу сказать, что стол на одной ножке!» А он мне: «Это к делу не относится». ...Тогда нужна была дешёвая рабочая сила. Строить на Севере – это нужно людей вербовать, нужно деньги большие платить, общежития надо. А тут взял, пригнал, четыре кола вбил – и стройте, живите. Ну вот мы и жили в палатках на севере в Якутии. Печка стоит, ногам тепло, а волосы примерзают к палатке...

Левченко Николай
Алексеевич

1945 г.р. Родился в г.Днепропетровск.
В Херсоне с 1946 г.

стр. 38

Была гордость, когда я в пионеры был принят. Это ж не так просто, это был настоящий экзамен. Сидели старики и старушки. Что в пионеры, что в комсомол, что в партию – всё время одни и те же вопросы, например, кто секретарь коммунистической партии Гондураса. Ёлки-палки, тут бы в своей стране разобраться, а там такие вопросы! Они читают в газетах и журналах, вычитывают и задают исподтишка. Из-за этого общий мандраж – как это так, если не пройдёшь... Этот галстук пионерский, значок октябрят... А потом такие сдвиги пошли, что галстуки начали прятать – это позже уже было. Начали не так к галстукам относиться пионеры, носили шиворот-навыворот. Где-то мы упустили...

стр. 86

...Были какие-то клубы, была самодеятельность, приезжали к нам филармония, оркестр. Вольф Мессинг приезжал, мне было лет 13-14. Появились такие плакаты – приезжает Вольф Мессинг, угадывает мысли, туманные воспоминания. Вышел он на сцену, вызвал человека и говорил, что тот думает, про прошлые годы. Вот такие люди к нам приезжали...

Вайнштейн
Эдуард
Борисович

1934 г.р. Родился и живёт в Херсоне.

стр. 63

Были такие две организации – «Чёрная кошка» и «Голубая лента», они свирепствовали в Херсоне, это было, когда я учился в техникуме, с 1945 по 1947 годы. И я один раз шёл из дома в техникум, по парку пешком. В парке света не было, и выходит навстречу мне мужик в фетровой шляпе, а, раз в шляпе, – известно, что жулик. Они с оружием были, они ходили в шляпах. Ну, я сразу руку сунул в карман, а в кармане у меня бутылка. Он посмотрел на меня, что я в шинели, да ещё и руку в карман засунул... И он мимо меня проскочил. А потом знаете, как побороли эту «Чёрную кошку»? Элементарно: вооружили рабочих завода Петровского, им разрешили стрелять, и ликвидировали очень быстро «кошку» эту.

Подольская
Лилия Степановна

1925 г.р. Родилась в г. Самара, Россия. В Херсон переехала в 1950 г.

стр. 74

...Когда я пришла после первого допроса в своё детское отделение в Тропинке, я поняла, кто из сотрудников побывал там, в КГБ. Лица были другие... Дело о «врачах-убийцах» – это, по сути, был «еврейский вопрос». Значительно позже рассказывали, что были готовы составы теплушек, готовились списки. Смерть Сталина мгновенно остановила этот процесс. Следовательно, даже ближайшему окружению была понятна вся абсурдность этого обвинения...

Лонский Сергей
Иосифович

1925 г.р. Родился в г. Кировограде. В Херсоне с 1930 г.

Емельянов
Михаил
Андреевич

1923 г.р. Родился в с. Совелово Тамбовской обл., Россия. В Херсоне с 1957 г.

стр. 101

Книга «Мастер и Маргарита» была запрещена, но её люди любыми путями приобретали. Так же и книги Солженицына доставали... Даже Есенин у нас до 50-х годов тоже был в запрете... И Ахматова попала тоже одно время под запрет, хотя это не контрреволюционная литература, она не призывала к свержению Советского Союза, но эта литература в те времена кого-то не устраивала. Тот же Зощенко и Ахматова – они не издавались, то есть не запрещено было, но и приобрести было нельзя.

Черников
Владимир Андреевич

1939 г.р. Родился в г. Свердловск, Россия. В Херсоне с 1946 г.

стр. 89

Выходил тогда журнал «Радио» плюс журнал «Юный техник», и там публиковались схемы, так что карманные приёмники все паяли. Мы слушали румын, когда они давали не свою музыку, а давали зарубежную. И Стамбул, как правило, давал зарубежную музыку – джаз, Пресли, Джо Дассен, ведь наши не слишком радовали музыкально озабоченную молодёжь. Зарубежных пластинок практически не было, разве что Луи Армстронга издавали...

стр. 78

Когда Сталин умер, и мы узнали об этом, я зашёл в часть, ребята сидят там – некоторые даже плакали. Я говорю: «Ребята, вы что, дураки? Свобода пришла!» И действительно – всё... Страшно до этого было: вот вы что-нибудь сказали, вот мы разговариваем, а кто-то донос написал, взяли – закрыли. Все боялись, страшно было.

Алексеев Леонид
Степанович

1928 г.р. Родился в г. Хмельницкий. В Херсоне с 1947 г.

стр. 105

Внешняя разведка – это зарубежье. Разведчиков готовили абсолютно отдельно, никаких групп – ничего. Я попросился в Херсон на неделю – жениться.

Меня отпустили. Приезжает через несколько дней мой куратор и говорит: «В два часа ночи приедет машина, и будем решать окончательно Ваш вопрос». Приехали. Помещение такое, лампа – абажур так сделан, что по краям не видно лиц тех, кто сидит, а я в центре, и я вижу только своего куратора. А я после войны ещё двадцать лет воевал во сне, и первый вопрос, который он задал: «Владимир Петрович, Вы знаете, что Вы во сне разговариваете?» Я говорю: «Да, знаю». Он: «А Вы знаете, что разведчик во сне говорит только на своём родном языке? Вы не годитесь на эту работу»...

Дорохов
Анатолий Петрович

1935 г.р. Родился в г.Москва,
Россия.
В Херсоне с 1935 г.

стр. 109

Мы, когда пришли в Японию, впервые увидели, что такое капитализм и что такое хозяйин-банкрот: громаднейший металлургический комбинат, тянется на километры, и нам сказали, что хозяйин банкрот. Вагонетка как шла наверх с грузом – так и осталась стоять. Паровоз шёл, тянул вагоны – так и оставили его, только вороны летают над ним. Мы были поражены этим. Когда была сильная агитация, чтобы уезжать из страны, но, когда люди побывали там и увидели, что это такое, то все дома живут.

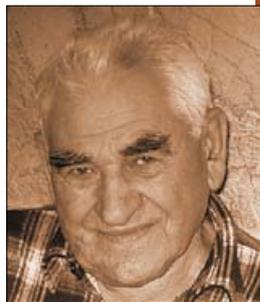
Казначеев
Владимир
Петрович

1928 г.р. Родился
в деревне Соловьяновка
Брянской обл., Россия.
В Херсоне с 1946 г.

Чуйченко
Иван
Степанович

1928 г.р.
Родился на Кубани,
в Ростовской области

стр. 79

Я помню, когда я был ещё пацаном, в каждой газете – Сталин, Сталин... Культ личности же развивался с 30-х годов. И вот однажды отец меня чуть не отлупасил за то, что я портрету Сталина в какой-то районной газете щелчок дал. А он меня: «Ты ещё раз при ком-нибудь так сделаешь – тюрьма и всё!» И уже тогда ненависть была...

Олейникова
Ганна Даниловна

1923 г.р. Родилась в
г.Миргород, Полтавская обл.
В Херсоне с 1941 г.

стр. 80

Сталин умер на моем дежурстве. Я работала телефонисткой на заводе «Сельмаш», и как раз моё дежурство было. Мужу звоню домой, говорю: «Что ты, уже все на ногах, ты тоже член партии!» А он говорит: «Ты ж меня в квартире закрыла!» А я настолько была патриот, что говорю: «Спускайся со второго этажа на простынях!» Вот такое было. Чистосердечная правда.

стр. 67

У нас були такі комуністи, що їх забирали на ГУЛАГ, то ж не вина була Сталіна, то місцева влада – хто були протів нього. При керівництві були такі, що безчесні люди, а хто правдивий був комуніст – то їх забирали і розстрілювали. Ми вже знали, що людей забирали. Боялися, знаєте, даже боялися друзів і родичів...

Бундуки
Вера Михайловна

1939 г.р. родилась и
живёт в селе Киндийка
Херсонской обл.

стр. 45

Нам же, как мы из Германии приехали... Боже, что тут творили с нами! Никак я не могла поступить учиться. Еле-еле потом уже поступила. В школе работала, сначала техработницей, потом поступила, стала учиться, библиотечный я окончила, стала библиотекарем. Как-то случайно получилось, что я смогла вот это окончить, вот так сразу нам не давали, нас и обзывали, и говорили про нас разное, и плакали мы...

Норченко
Вера
Лукьяновна

1926-2010, Херсон

Гаврилова
Людмила
Аврамовна

1931 г.р., Херсон

стр. 79

Я уже была в школе, я помню хорошо, что всё время передавали по радио, по приёмнику, как Сталин чувствует себя. Как-то народ страдал, все как-то старались услышать.... Красный пионерские галстуки были обшиты полосочкой чёрной, люди, можно сказать, ходили в трауре. Каждую весну до 1953 года было понижение цен, и люди это ждали – все знали, что будет на 20% дешевле, и все бежали утречком скупиться...

Губарева Любовь
Аврамовна

1927 г.р., Херсон

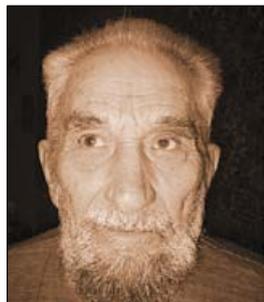
Шевченко
Анна Степановна

1937 г.р.,
родилась в Польше.
В Херсоне с 1961 г.

стр. 45

Приехали мы из Германии, а с нами очень так... Нельзя было никуда устроиться. Нельзя было сказать, что мы были в Германии, мы скрывали это... Я устроилась на почту и проработала там неделю, а потом пришли двое и вызвали заведующую и меня, и они меня спросили: «Вы были в Германии?» Я говорю: «Да, была». – «А почему Вы в анкете не написали?» А я говорю: «Я не знаю, не написала – да и всё». Меня на второй день рассчитали.

Врадий Юрий
Афанасьевич

1929 г.р., родился в
г. Голая Пристань
Херсонской обл.
В Херсоне с 1965 г.

стр. 84

У нас была учительница – она русский язык и литературу преподавала, и у неё какая-то связь была и в Оперном, и в Русском театре. И нас без билетов пропускали. Я и ещё несколько ребят – мы очень интересовались этим делом. Поэтому мы без неё как делали: первый акт заканчивается, люди выходят, а мы, хоть и в форме, но пилотку засунул за пояс – и прошёл. И, начиная со второго акта, уже смотрим всё. А первые акты мы не смотрели...

стр. 52

В 1946-м много посеяли. Всё делали, чтобы урожай бы хороший, а урожай собрали и весь вывезли. Людям не дали ничего, писали эти трудодни... На поезда грузили – и всё. А куда увозили? Мы откуда знаем, куда? Забирали в Россию, может быть... У нас был голод сумасшедший.

стр. 15

Помню, що якісь воєнні ходили і все щось спрашували у мамі: «Совети не приходілі?» або по-другому: «Бандерівці не приходили?». Помню як вивозили людей на Сибір. Бачила як тьотю Настю вивозили. Холодно вже було – або пізно осінню, або зимою. На підводі... В неї було скільки? – шестеро дітей і вона. Оце їдуть на підводі, ну які там можна пожитки взяти – без нічого, без чемоданов, без хліба. А по боках нідзірателі шли... І нічого ніхто не говорив.

**Гоманюк
Екатерина
Николаевна**

1941 г.р.,
Родилась в селе
Верба Ровенской обл.
В Херсоне с 1965 г.

**Афанасьев
Игорь Петрович**

1918 г.р., родился в
Петрограде (Санкт-
Петербург), Россия.
В Херсоне с 1957 г.

стр. 96

**Мы жили в городке Себе-
же** – это на самой границе, 12 километров – и уже Латвия. И вот в 1931 году у нас начали проводить радио по домам. В столовой поставили чёрную «тарелку». Очень чётко, ясно, отчётливо она всегда нам докладывала. Начинилось радио в 6 утра и заканчивалось в 12 ночи. И я помню, однажды у мамы спрашиваю: «Мама, когда там Кремлёвские куранты будут бить?» А она: «Так это ж до 12 часов нужно подождать». Так вот я ждал до 12 часов, когда отбили куранты. Сразу радио выключили, и я спать пошёл.

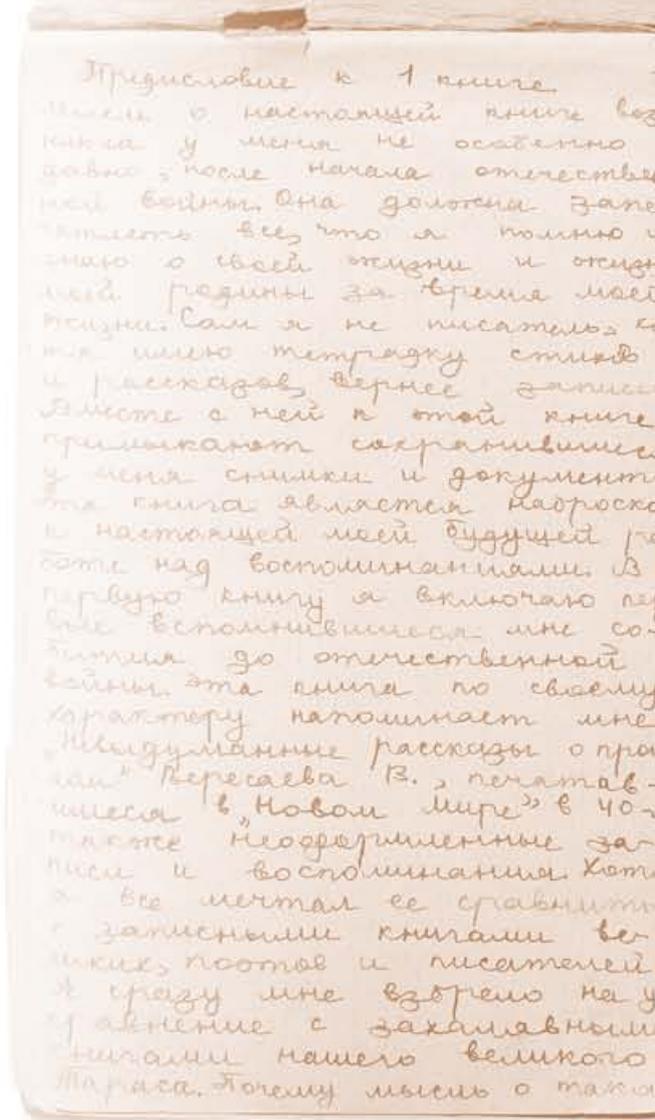

**Павлова
Валентина
Ивановна**

1927 г.р., село
Кардашинка
Голопристанского района
Херсонской обл.

стр. 75

Секретар райкома вступая, kaže: «Хто за те, щоб вислати цих жінок за межі України? Прошу підняти руку!» Ніхто не підняв, ні один чоловік! «А хто проти?» – знов ніхто. Він kaže: «Одногослоно». Під'їжджає машина, гурять цих жінок і вивозять. І вони десь сиділи... Так вивезла ж не совєтська власть! А потом okazaлося, що того Смірнова судили, він okazaвся предателем. От такі руководили і такі судили безневинних!

ДЕТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ОЛОВЯННЫЕ МАТРОСИКИ

Когда матрос может быть одновременно солдатом? Никогда. Даже на суше, даже в пехоте, даже в отставке или даже в штатском – матрос остается матросом. Только в оловянном состоянии матрос может стать солдатом, а точнее солдатиком. И вот, взяв в руки оловянного человечка с оружием, маленький человечек впервые делает выбор – быть солдатиком или матросиком, чтобы потом стать солдатом или матросом.

► **КОГДА НЕМЦЫ ПЕРЕШЛИ УЖЕ ДНЕПР, У НАС В ОГОРОДЕ СТОЯЛА НЕМЕЦКАЯ ПУШКА ИЛИ ЗЕНИТКА, ЧТО-ТО ТАКОЕ СТОЯЛО.**

Пришёл немец и, видимо, пожалел нас, сказал: «Убирайся отсюда, потому что тут будет перестрелка, убирайся!» И мы пошли в село соседнее, и там женщина приняла нас, хоть нас четверо было детей. Я была маленькая, мне 4 годика было, я этого не помню, я только знаю, как мы ездили, как пришли и сказали, что всех своих в селе будут оставлять, своих староста отстоял, а всех чужих будут гнать на этап. И так мы попали на этап.

Нас погнали – поездами, поездами, машинами, пешком даже гнали. Идешь, ноги болят, плачешь, а мама говорит: «Не плачь, а то тоже поубивают». Идешь, плачешь, слёзы глотаешь. Потом мы проходили комиссию: там такой долгий коридор и кабинет, туда заходишь, и проверяют – кто смотрел голову, кто смотрел на тело, чтобы не было ран. Были такие люди, что какая-то рана или фурункул – так это бра-

кованные, а куда их девали – мы не знали. Они брали только здоровых. Мы проходили комиссию, а в конце получали мешки, вся одежда сбрасывалась в мешок, и оно всё жжёным, горелым воняло. Это у меня осталось в памяти – они дезинфекцию делали, потому что вшей было много. И нас отправили дальше. А когда нас размещали в бараки, попала бомба, и тогда много людей побило. Мама закрывала нас, чтобы никто не видел, что там раненные. Крик, шум, немцы раненных забрали, а куда? И нас повезли дальше.

Мы были в бараках, двухъярусные нары, и каждый занимал свой кусочек. Нас было четверо детей. Когда мы останавливались в Польше, сестричка умерла, она была маленькая, только родилась – ни грудного молока, ни кипяченой водички, она умерла у нас в Польше. В Польше мы проходили контроль какой-то, нас раздевали всех наголо, и стояли мы все в очереди...

Мы попали в город Главач – я знаю название, потому у меня в деле так написано, а где это – я не знаю... По карте мне один мужчина смотрел – не нашёл. Нас привели, гоняли на работу. С мамой тогда ещё была её сестра старшая, в одном бараке мы были. Мы поболели все корью... Гоняли на работу, мама говорит, что возле каких-то

станков стояли... Мы сидели в своих углах, нас куда не выпускали. У кого двое, трое, четверо детей – все сидели в своих уголочках. Питание на детей выделялось, мы ходили получать, и там баки какие-то, в них суп, вермишель и брюква. Мама карточку даёт, он черпаком берёт, сколько детей – наливает на всю семью... Но мы ходили ещё просить, уже когда привыкли – ходили к немцам, к гражданским. Нас выпускали в посёлок, подходишь к забору и говоришь: «Пани, дай франзольку!» – это булочка по-ихнему. Если понравится – бросали кусочек хлеба... Так мы питались. Я после войны долго сельдерей не могла признать, мне воняло брюквой. Детей немецких мы не встречали, да и людей я не помню, все сидели, наверно, по домам, потому что война же.

Перед концом войны самолёты летят, а мы узлы посвящивали – и всё. Тут приходят и говорят: «Вдруг немецкий самолёт налетит, и вы погибните все? Сидите в бараках!» А мы радовались, что уже конец войны. Там было очень много наших заключённых военных, за колючей проволокой. Те, кто был с детьми – они подставляли котелочки, и эти пленные просовывали через ограду и наливали в эти котелочки похлебку, а немцы кричали только, но не стреляли. Нам сказали, что, если люди с детьми будут, они не будут стрелять. Потом там были буряки такие большие, и нас с мамой посылали воровать эти буряки у немцев. Мамы посылали

маленьких, по 4-5 лет. Взрослые проволоку растянут – и мы подлазим, и потом варят эти буряки и носят пленным. Немцы приходили только выгонять на работу, а целый день не помню, чтобы кто-то был, чтобы нам приказывали. Мама только приказывали, чтобы мы никуда не ходили...

Я запомнила конец войны, день победы. Нас согнали всех в какое-то здание, сгоняли вроде бы наши. Люди все напуганные, не знали, что это будет. Ещё не объявили день победы. Когда пришли туда, там наши военные начали читать отчёт, что конец войны, сколько погибло. И это такая лекция была, мы вот это слушали, а потом разошлись мы по своим баракам, и как началась стрельба – это был день победы, салют со всех орудий – и пистолеты, и ракеты. Земля гудела, со всего оружия палили. Мы плачем, боимся, мама говорит: «Дети, это конец войны! Это день победы, не бойтесь!» Она понакрывала нас, потому что невозможно было, грохотало, голова вот такая была...

Мама потом, после войны, не говорила никому, что нас вывезли. Она говорила, что мы в войну были в Николаеве.

*Костева Анна Константиновна,
1939 г.р.*

► Я РОДИЛАСЬ В 1930 ГОДУ. НЕМЦЫ ЗАБИРАЛИ В ГЕРМАНИЮ ТЕХ, КТО БЫЛ 1928-29 ГОДОВ, и мать нас переставила: меня переставила – написала 1932-го года, а брата 1930-го, чтобы спа-

сти. У нас был такой староста – он был и попом немецким, и старостой, и что хотел – то и делал, но всё для людей, ни одного человека в Германию не взяли у нас. Наше село Подстепное, Херсонская область, Цюрупинский район, и вот у нас в том селе колхоз. Он взял – спалил сельсовет, как будто бы кто-то подпалил. А потом в Цюрупинске штаб стоял, он призвал фюрера одного и делал перепись с ним. И он предупредил людей, чтобы передвигали года, и передвинули, и в Германию так и не попали. Староста ни одной души в Германию не отправил, откупил, вот так едет по селу: «Ты не хочешь отдать сына в Германию?» – «Нет». Кто яйца, кто масло, кто мёд давал, что у кого есть – немцы любили яйца, масло, куры. Вот он так проехал по селу, нагрузил подводу – и на Цюрупинск. В Цюрупинске штаб, он оттуда приезжает, говорит: «Не надо собираться, до особого распоряжения оставили». Так до особого три года брали-брали – и ни одной души не взяли.

Я была чёрная, кучерявая, я два раза была в гестапо в Цюрупинске. Приехали на мотоциклах:

«Юда, юда!» На мотоциклах туда отвозят и начинают бить, начинают издеваться: «Кто родители? Где родители?» А мать со старостой бегом по селу – собирают подписи, прибегают и выручают, и так было два раза. А потом хватило ума у матери – она подстригла меня, и я носила платочек, а глаза все равно чёрные, брови чёрные. И вот так я спаслась от немцев, а немцы издевались по-страшному. У нас староста большую роль играл. У нас школа была – десятилетка большая, так он что даже сумел: закрыл школу, в школу мы не ходили, немецкую церкву сделал, и ходили все молиться за фюрера, чтобы не идти в Германию. И так он нас всех спас. Это был дядько Гришка Перерва, а как по отчеству его – я не знаю. Вот такой был староста, но когда пришли наши – бегом полицейев всех в тюрьму, а его забрали на фронт, и он погиб, вот так было.

Уже когда немцы были в Казачьих Лагерьях, близко, они вызвали старосту и сказали, что ночью приедут всех забрать. Приедут в 12 ночи, чтобы всех на постели схватить, скажут: «Собирайся полностью семьёй, поедем в Германию». Дядька Гришка прибежал и сказал всем, что, как только стемнеет, шли быстро в плавни (а у нас близко плавни), а оттуда до Казачьих Лагерея, где уже наши стояли. И только потемнело, он забрал свою семью, наши забрали всех, брат забрал корову даже, вся молодежь ушла в плавни. Там такие плавни, что как не знаешь – заблудишься. А днём немцы, когда приезжали, грабили в последний день всё. У нас были пчёлы, приходит, показывает – в шляпу, в шляпу, мать говорит: «Нема». Он: «Пух-пух» – показывает. И так мама вынесла, пчёл пообтрусивала, он рамки забрал. Курей стреляли, свиней стреляли, на машину грузили всё, когда в самый последний день уходили, а ночью собирались нас всех забрать. Но тут мы ушли, приезжают немцы ночью – а нас нема никого. А как они нас гоняли? – у нас село длинное-длинное, одна улица, так они одних сгонят в кучу, пошли других гонять, а те разбежались... Потом они из Цюрупинска пригнали бензовоз, сожгли мельницу (у нас большая была), школу нашу – оту церкву свою запалили, было

три часа ночи. И тут наша разведка на конях, и их всех перестреляли, вот так наши зашли в конце декабря 1943 года, а стояли до 13 марта 1944-го, бились... Антоновский мост был, так они этот мост сильно охраняли, через каждые 10 метров стоял немец и собака...

День Победы – было столько радости! И танцевали, и плакали, и прыгали. В колхозе радио – такая тарелка на столбе в колхозе висела, мы сами услышали...

*Катанова (Филипова)
Мария Григорьевна, 1930 г.р.*

► **ОТЦА В 1941-М ГОДУ ПРИЗВАЛИ. В 1942-М ОН БЫЛ ПОД ХАРЬКОВОМ, ИЗЮМ-ХАРЬКОВ, В СОСТАВЕ 6-Й АРМИИ.** Был в окружении этой армии, всё командование попало в плен, разбили нашу 6-ю армию. И с тех пор мать с четырьмя детьми, я самый старший был, нас четверо: через три года брат, через три года сестра, и в 1940-м, в июне, за год до войны – младшая сестрёнка.

Когда отец погиб, нас из государственного дома выселили, матери пришлось собрать всё, что можно было продать. Купили дом в том же городе, там и жили. Дом двухэтажный, на втором этаже дедушка с бабушкой, родственники наши, а на первом этаже мы.

Сначала ничего не было, потому что всё было вложено в дом. За дом мать с дедом отдали 160 тысяч, в том числе патефон 10 тысяч, телёнок 20 тысяч, велосипед матери 10 тысяч, отцовский велосипед 10 тысяч, одежда отцовская вся пошла в дом. И год я ещё этой хозяйке носил молоко. Потом мы корову купили, списанные коровы продавались. Вот так и жили: мать на работе, я старший. Мама работала учительницей младших классов. Жили, конечно, очень бедно, как говорят – с хлеба на квас.

Никто нам не помогал. Единственное что, может быть, маме там что-то в школе помогали. До сих пор удивляюсь мужеству матери – с четырьмя детьми, старшему 10, младшей годик... Там было не до гулянок, но когда разрешили ёлки ставить (где-то, наверное, в 1943-м), украшения делали сами – делали цепи, полосочки бумаги,

красили красной, зелёной краской, и обязательно звёздочки. Дедов Морозов я не помню...

У нас был госпиталь в школе организован во время войны, и мы туда ездили, начиная с шести-семи лет. Мы давали концерты военно-раненым. Раненых было полно, и вот им устраивали такие концерты.

Мы были воспитаны на книгах, которые писали наши писатели, было пионерское движение. Всю войну, несмотря на то, что у нас на доме звёздочка была (это у тех, кто ушёл на фронт), и мы были пацаны, и хотя и у себя надо было дрова пилить, мы помогали семьям погибших. Отопление было только дровами – город был весь построен из леса, у нас два дома были только кирпичные. И вот мы таскали воду, пилили дрова. Школа организовывала поездки по деревням, собирали клюкву, рябину, ягоду – и на фронт. Помню, у нас была лосиная шкура, так бабушка из этой шкуры срезала шерсть и на фронт вязала рукавицы, отправляли посылки – первому попавшемуся солдату передавали.

Очень хорошо помню день Победы: в 6 часов утра я услышал выстрелы. Сразу повыскакивали все из домов – что такое? Радио не включили. Говорят: «Победа!» Начали стрелять – кто из ружей, кто из чего, радость неописуемая, потому что четыре года, как в песне поётся – мать без сына, а мы без отца.

*Иванов Генрих Иванович,
1931 г.р.*

► **ВІЙНУ НЕ ПОМНЮ. ПОМНЮ, ЩО ОЦЕ ЯКІСЬ ВОЄННІ ХОДИЛИ І ВСЕ ЩОСЬ СПРАШУВАЛИ У МАМИ – «СОВЕТИ НЕ ПРИХОДІЛИ?» АБО ПО-ДРУГОМУ – «БАНДЕРІВЦІ НЕ ПРИХОДИЛИ?».** Оце я вже помню – як приходили воєнні в формах. Помню як вивозили людей на Сибір. Оце помню. Бачіла як тьотю Настю вивозили. Холодно вже було – або пізно осінню, або зимою. На підводі... В неї було скільки? – шестеро дітей і вона. Оце їдуть на підводі, ну які там можна пожитки взяти – без нічого, без чємоданов, без хліба. Так люди оце кидали – хто куфайку кине, хто сапоги, хто бу-

ханку хліба. А по боках надзірателі шли, но вони на це не обращали вніманія – тому що куча дітей, куча дітей і одна баба. І нічого ніхто не говорив. Я так помню, що оце кидали, всі плакали, всі повиходили. А вивезли їх за то, що чоловік її був у бендерах. Він вже давно був вбитий. Но тоді всіх визивали. А тьотю Настю визвали і сказали – «твій чоловік ходив тудя?». А вона вказала, що да, пішов у ліс. А мама вже потом розказували, що от-от ударить: «Говори, сука, где он?». Нікуда він... не був він у бендерах, все не-не-не. В общем, не було у них доказательств. Потому що научили мамку – щоб не делали, будуть бити – не говори. А батька вбили в 41-у в першому бою. Хтось розказував – тільки перший бій, і його в першому бою вбили.

*Гоманюк Екатерина Николаевна,
1941 г.р.*

► **Я РОДИЛСЯ В ДЕРЕВНІ СОЛОВЬЯНОВКА – ЭТО БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ.** Мы жили в прекрасном месте в Брянских лесах, дворец на берегу реки, а я любитель рыбалки с детства, привязан был к природе, пробовал охотиться со взрослыми. И, хорошо помню, как-то вечером я поймал окуней, прихожу домой, при лампе сидит мама и сестра Аннушка, говорят: «Володя, началась война». Начало было для меня такое... У меня патриотизм был такой – мол, я пионер, врагов разобьём...

На Украину я попал в 1942-м году, в украинское партизанское соединение. Я, как подрывник, был известная личность в соединении, потому что подорвал десять эшелонов – пацан, сколько мне было? 14 лет, а уже представили к званию Героя Советского Союза. После партизанщины я попал в украинскую школу партизанского движения, это случилось в 1944 году. Было это так. Я хотел идти воевать, и когда расформировывали наше партизанское соединение, меня направили в ЦК комсомола Украины, потому что меня приняли в комсомол в партизанах, до этого я был пионером ещё. Встретил меня в ЦК второй секретарь комсомола Лисовой. Я приехал и с собой привёз товарища, тоже партизана, моего земляка, да ещё и ровесни-

ка – Сашу Кобзенкова, он был ростом немного ниже меня. Побеседовал с нами секретарь немножко, образование у нас было до войны 5 классов, и он предложил в авиационное училище. Мы пошли и первое, что было нужно – пройти медкомиссию. Я её прошёл, а друг мой – нет, а военная дружба – она отличается от обычной. Мы пошли к Лисовому и, конечно, соврали ему, что мы не прошли комиссию оба, он тогда говорит: «Ребята, а что, если я вас направлю в мореходное училище, в Одессу?». А Одессу только что освободили, уже заработали учреждения, и комсомол тогда был. И нас направили с Сашей туда. Мы приехали, нас встретили очень хорошо, предложили учиться в школе обыкновенной, но быть вроде бы как «сынами полка» – не заниматься ничем другим, кроме как учёбой, потому что нужно было выучиться до семи классов, чтобы поступить в мореходное училище. Побыли мы там, и я говорю: «Саша, летим воевать, война идёт!» И мы сели на поезд и приехали в Киев. Зашли в штаб партизанского движения, а начальником штаба был генерал-майор Строкач – известный генерал, Герой Советского Союза. И тут из этого кабинета от Строкача выходит бывший наш начальник штаба, полковник Жбанов, говорит: «А ты чего здесь?» Я рассказал. Он говорит: «Подожди». И сам снова вернулся к Строкачу. Через некоторое время выходит: «Заходите, ребята». Мы зашли, Строкач говорит: «Вот что, ребята, вы сейчас направляетесь в партизанскую школу, будете учиться. Ты, Володька, подрывник, а Сашка в расчёте станкового пулемёта. Будете учиться на радистов». И направили нас в Святошино, там располагалось наше училище.

Помню, 3 марта 1945 года нас построили... А партизанская школа состояла не только из советских военных, она состояла ещё и из тех добровольцев-иностранцев, которые попали в плен и добровольно согласились воевать против Гитлера. Готовили радистов – нас, русских, а группа создавалась из чехов, поляков, венгров. И вот начальник училища построил нас и

сказал: «Дорогие товарищи, наши войска вошли в Восточную Пруссию, партизанская война закончена для нас, и сейчас училище будет расформировано». Нас отобрали 25 человек радистов и направили в Киев. В Киеве Крещатик разрушен был, город сильно пострадал...

Мы ещё были студентами, когда 8 мая 1945 года ночью нас подняли по тревоге, выстроили, и начальник училища буквально на рассвете объявляет: «Дорогие товарищи! Война закончена победой Советского Союза, поздравляю всех!» Утром мы катили бочку коньяка большую, и по рюмке каждому давали. Тут же увольнение полностью, кто хочет куда уходить – пожалуйста! Мы ушли в город, пили пиво, веселье было. Вот это окончание войны.

*Казначеев Владимир Петрович,
1928 г.р.*

► **МАМА САМА У МЕНЯ С ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТИ. У БАБУШКИ С ДЕДУШКОЙ БЫЛО ТРИ ДОЧЕРИ.** Двое дочерей ихних – тётю Нину и тётю Галю, – угнали в Германию, они были угнаны в Германию в рабство.

Мама была крупная такая девушка, она 1929 года рождения, и когда угоняли всех молодых девчат из Скадовска, её тоже забрали. Бабушка плакала, ходила: «Не берите её, она маленькая, ей 12 лет!» А так как она крупная, говорили, что это неправда. И её в Скадовске посадили в тюрьму до выяснения обстоятельств...

Дедушка вернулся с войны, потом мои тётки вернулись, и бабушка рассказывала, что ходили раньше цыгане по домам, и заходит к нам во двор цыганка, и говорит: «Тебе будут гости. Первый придёт мужчина, а потом придёт женщина». И так и получилось: первый пришёл с фронта дедушка, а потом тётки мои. А маму мою не угнали в Германию – поддержали, поддержали в тюрьме, она очень плакала. Бабушка приносит ей передачу, а там окошечко такое маленькое, она кричит: «Мама, заведи меня домой!» – Нельзя, пока не выяснили все обстоятельства...

Аноним, 1949 г.р.

► **Я КОРЕННАЯ ХЕРСОНКА, РОДИЛАСЬ 1 МАЯ 1935 ГОДА. ПО ПАПЕ Я В ПЯТОМ ПОКОЛЕНИИ ХЕРСОНКА, А ПО МАМЕ ЕЩЁ НА ДВА ПОКОЛЕНИЯ БОЛЬШЕ.** Я была путешественница, я любила ходить по городу. Родилась я на Забалке, собственно не на Забалке, а в Городе. Забалка от Города отделялась балкой – была глубокая балка: с левой стороны Город, с правой – Забалка. Я родилась в Городе в левой стороне.

Когда я родилась, мы жили в маминой хатке, там ещё жил бабушкин брат с пятью детьми. Мама была печатницей, а папа был на все руки мастер, он был слесарь, есть даже фотография на доску почёта – бригадир слесарей. Он окончил Одесское мореходное училище, плавал до женитьбы, а потом, когда женился, решил осесть. И когда он увидел, что тесно нам, начал строить, на Краснознаменной построил дом. С трёх лет, с 1938 года я там жила, и сейчас я там живу.

В войну я была здесь, в Херсоне, потому что папа был на Финской войне и там отморозил ноги. Когда он возвратился с войны – не даром я говорю, что у него золотые руки были, он и трубопроводчик, и газосварщик, и что хотите, он даже рисовал, шил, вышивал и вязал даже, и у него была броня, но всё равно он должен был эвакуироваться вместе с заводом. Я помню, что я, брат 1938-го года, мама и папа пришли на пристань, эвакуироваться должны были, а пароход уже ушёл. И вот мы так постояли-постояли и возвратились домой. И получилось, что мы остались в оккупационном Херсоне.

Мама мне рассказывала, что на заводе «Коминтерн» был какой-то засекреченный цех, и, чтоб туда попасть, нужно было специальный пропуск. Ну и когда папе что-то нужно было, ему выписывали пропуск, и он туда ходил. И там инженер работал, который всё время был в этом цехе. И когда немцы вошли, была облава, и папу в этом цеху поймали и вели по улице Краснознаменной до улицы Рабочей, и там ехала бричка, а на ней немецкий офицер. Он остановился и узнал папу, позвал конвоира, папу из этой толпы подозвали, папа

подошел и узнал этого офицера. Папа говорит: «Как?» Он: «А я давно работаю на немецкую разведку. Хорошо, что ты остался». И направил папу на биржу труда, ему дали работу. Но он пришёл и сказал маме: «Я работать на немцев не буду». И он клал на ногу каустик, это едкая щёлочь, и оно разъедало ногу, остались шрамы, и он не мог работать. Хорошо, что этот немец уехал, иначе и это бы не помогло. У нас по Краснознаменной была поликлиника, и папа туда пошёл. Там был немец – врач пожилой, он спрашивает (папа как моряк немного знал немецкий язык): «Что это?» Папа: «Это сварка упала – и всё». Врач ему дал мазь и сказал: «Если ещё раз сварка упадёт, останешься без ноги». Папа стал мазать. А потом начались облавы. На улице Розы Люксембург у него был двоюродный брат, они вырыли погреб большой и потом с дядькой там прятались, вот так папа пережил оккупацию. Мы не голодали сильно, папа чинил кожи и шил обувь, меняли это на еду, поэтому мы, дети, не голодали. Говорят, и лебеду ели... Мы этого не ели.

Я помню, как началась война. Мне бабушка рассказывала, что, пока ещё немцы не вошли в Херсон, наше начальство местное поехало то ли в Цюрупинск, то ли на Голую Пристань – организовывать партизанские отряды. И в Херсоне было безвластие полнейшее несколько дней, начался грабёж, мародёрство страшное. На улице Рабочей раньше была мельница и хле-

бозавод, тогда начали растаскивать муку. Мы живём от Рабочей три квартала, у нас была рассыпана мука на улице. Потом по нашей улице с мясокомбината целые стада свиней и коров люди тащили к себе домой. А потом бабушка сказала, что морячки зашли, их немного было, и морячки удерживали от немцев Херсон, сразу навели порядок. А потом уже и немцы пришли...

И вот немцев первых я видела: по нашей улице они шли, по тротуару шли – высокие, светлые, закатанные рукава, через плечо у них были бляхи железные какие-то и автоматы. Никого не трогали, шли спокойно, как хозяева.

У нас дома жили три австрийца – два, видно, горожанина, потому что они как-то не касались хозяйства, а один, видимо, был из сельской местности. Этого сельского Иоган звали, это я хорошо запомнила, потому что бабушка говорила на него Ваня, а те были Фридрих и Феликс. Они больше имели дело с бабушкой, Иоганн давал ей что-то сладенькое, а она давала взамен картошку, яйца, куры ж были, молоко, корова у нас была. Коровы у многих были – или коровы, или козы, или овцы, свиньи были почти у всех. Но в основном меняли, мама ходила аж в Камышаны – меняла обувь на масло, на молоко, картошку... В сельской местности был и голод, и холод, но менять-то ходили в сельскую местность,

значит, что-то ж было – то, что они выращивали.

У нас через два дома жили евреи – девочки, их сразу забрали, расстреляли. Моего дядю расстреляли, хоть он не еврей, русский, но его расстреляли. Он передал записку, что его выдал их сосед, не знаю, так это или нет, но у этого соседа ещё дети, и они не виноваты, я не буду называть его фамилию. А дядя – то ли он был членом партии, то ли что, – но его в первые дни расстреляли. А там, где сейчас парк Славы, там была большая балка, и вот там под открытым небом были наши военнопленные, мы с бабушкой ходили туда не один раз. Там было проволокой огорожено, и мы через проволоку бросали картошку. Много людей было, очень много людей... А вот эти австрийцы, которые у нас жили, они, как пришли, сразу сказали: «Мы войны не хотели». Они довольно хорошо говорили по-русски, это ж 1943 год, за три года можно было так научиться. У нас всегда не закрывался дом, мама не работала. Вернулись – а на дверях замок висит. У соседей спрашиваем – откуда? А они говорят, что это ваши квартиранты прибили, говорят: «Мамка придёт с киндерами, чтобы в чистый дом вошли...» Не знаю, живы ли они... Немцы были разные: были очень нехорошие, были лояльные. Улицы все, где в основном жили евреи – так евреев убрали и туда взяли женщин, чтобы они разбирали вещи. Нашу маму туда как-то забрали, она несколько дней там работала, отбирали вещи... Вот это так во время войны.

Школа сначала была за квартал от нас – 11-я школа. Учились мы и во время войны. Школа была смешанная, но потом пошли разговоры, что якобы немцы забирают детей и кровь переливают солдатам, и всех разобрали детей. Я ходила в частные дома, три школы я поменяла за первый класс. Нас было человек по семь-восемь, причём одна малышня училась. Где-то в конце 1943 года, причём в ноябре, ещё холодно было, я помню, папа пошил нам с братом сапоги, и такое пальто – чуть ли не из солдатского одеяла. И вот это оденешь пальто, сапоги, сверху рюкзачок...

Советские войска освободили Голую Пристань и Цюрупинск, вот тогда немцы действительно драпали, они в белье бежали. Говорили, что немцы грабили, я не знаю, сколько они грабили, когда отступали, им было не до грабежа. В Херсоне грабили в основном те, которые остались, свои же люди... И три дня в Херсоне никого не было, без боя можно было Херсон взять, но не мне судить. А потом немцы начали возвращаться, и первые начали укреплять улицу Чайковского, прибрежные улицы, начали людей выселять в верхнюю часть города. Ну, кто по родственникам, кто по знакомым переселился. А уже в ноябре из Херсона всех эвакуировали, все должны были уйти, но папа остался в яме сидеть. Мы с бабушкой, с мамой и с братом уехали, и соседи уехали, у них были родственники в Батурине, вот мы туда и уехали. Там мы жили в кладовочке. Днём мы целый день гуляли, а на ночь от плиты до окна стелили доски, и там мы ночевали. Хозяйка тётя Паша сильно полюбила моего брата, вот он каждое утро вставал и: «Тётя Паша, а пирожочки готовы?» – «Готовы, Женечка, готовы!» Если холодно, мы на печке сидели, там была ещё одна семья, у них пять детей. В 1979 году я специально поехала туда посмотреть, где мы жили. Эта хозяйка была живая, а хозяин умер, и она меня узнала, и я её узнала.

Когда мы были в Батурине, кто-то приехал, говорит: «Что вы здесь сидите? Все херсонцы в Николаеве, езжайте в Николаев». Както ночью папа пришёл, как он добрался до нас – не знаю, и мы все переехали в Николаев. Первый раз мы остановились у тётушки, у которой дядю расстреляли, а потом нам другие соседи сказали, что у них свободный дом, там до войны

была почта. Это было административное здание, оно было свободно, и мы поселились в этом доме возле железной дороги. Там, в Николаеве, облавы были каждые два-три часа. Папа прятался так: кровать к стенке отодвигалась, перина, ложился папа, потом ложилась мама, мазалась тинной и лежала. Немцы сильно боялись болезней. Они заглянули, если болезнь – всё, они не входили в эту комнату. А потом мама говорила бабушке: «Пойдите посмотрите, ну сколько он может лежать так? Пусть хоть выйдет подышит воздухом». Но только папа вышел, а мы с братом и соседским мальчиком сидели за столом, что-то рисовали, а потом мама слышит – кто-то идёт. И не успел папа ещё лечь, как мама укрыла, и входит жандармерия полевая... В общем, страшно. И прямым сообщением папу за ногу и вытащили немцы, и потребовали документы. А мама вместо паспорта папин военный билет дала. Видит – у жандарма лицо так подобрело, говорит: «Морячок? А что ж ты там лежишь?» Папа: «А что я могу сделать?» – «Разве так прятаться надо? Нужно вырыть ямку и там прятаться!» А попробуй вырой, каждые два часа немцы ходят, что ж ты выроешь... Мама: «Ой боже мой! Сколько ж мы можем...» Он: «Сестричка, не волнуйся, через две недели мы будем здесь, только в другой форме». Она говорит: «Я две недели не выдержу». Он: «Выдержишь». Это, оказывается, была наша разведка какая-то, переодетая...

Потом мы действительно к другим соседям перебрались. Предварительно выкопали ямку, и папа в этой яме сидел. Когда Николаев наши взяли – вот это я хорошо помню, мне уже почти девять лет было. Вы знаете, я передовым нашим всем бы звание Героя дала. В фильмах показывают, как шли солдаты нарядные, а эти в обмотках рваных каких-то шли, эти ушанки несчастные... Я запомнила одного солдата, у которого из кармана торчал кукурузный початок. Както видим – поймали наши офицера: тот сапоги с него тащит, тот шинель с него тащит – это наши... На базаре виселица была, и на ней четырёх или пятерых немцев пове-

силы, голые висели.

Ну и тогда папа первый с бабушкой ушёл в Херсон. А потом мама меня передала. Наши солдаты ехали в Каховку, меня с ними посадили, и они на площади Победы меня высадили, и там я уже домой шла. А потом уже мама с братом пришла.

Как только в 1944 году мы возвратились в Херсон из Николаева, я пошла в свою 11-ю школу и сразу себя записала во второй класс, я же могла читать, могла считать. И все подружки мои во второй класс записались. Я могла и в третий класс себя записать, но я скромно – во второй. Сначала месяц у нас была смешанная школа, а потом нас разъединили, и стала у нас женская школа. У нас на Забалке были четыре школы – две семилетки (женская и мужская), школа № 1 (мужская семилетка – украинская), затем вторая средняя (мужская, украинская), 19-я средняя (женская, украинская), и только наша 11-я женская была русская, так что не угнетали язык украинский... Много было украинских школ, но потом, когда из сёл начали приезжать в город, начали писать: «Прошу освободить от изучения украинского языка».

В 1944 году ещё война шла, нам в школе давали по ложечке сахара, по половинке булочки каждый день. Класс был большой, 42 человека. Папа сразу пошел на завод и работал главным механиком. Мама не работала, её избрали председателем квартального комитета – ещё во время войны к нам домой все сносили посуду, одежду. Мы сами, дети, давали концерты в госпиталях. Госпиталь был по улице Ушакова, красивое здание возле «Фрегата» – парходство, вот там был госпиталь. Потом госпиталь был в мореходном училище, потом госпиталь в водолечебнице по улице Суворова. Туда мы ходили, концерты раненым давали. Ну, какие школьники могут концерты давать? – стихи рассказывали, танцевали гопак, пели что-то, причём мальчики самые старшие – это был седьмой класс, а так первый, второй – вот это такие артисты были.

День победы помню... Это

было вечером, мы гуляли, тепло было, 9 мая. Тогда очень тёплые были вёсны. Мы гуляем и тут видим – у нас в Херсоне салют. Ну, не такой, как сейчас, а две или три ракеты. Наверное, война кончилась... И действительно, по радио передали, что кончилась война, вот это такой день победы. Конечно, и радость, и плакали... Правильно говорят, что это праздник со слезами на глазах.

*Красутская Александра Георгиевна,
1935 г.р.*

► Я РОДИЛСЯ 27 СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА, НО ПО ДОКУМЕНТАМ – 23 ЯНВАРЯ. ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЧТО-ТО БЫЛО С ДОКУМЕНТАМИ, были потеряны, и мне выписал документ милиционер в паспортном столе и сделал ошибку. А когда я сказал: «Я ж родился не 23 января, а 27 сентября», он ответил: «Вова, оно тебе надо? Тебе разве не всё равно, ну какая тебе разница?» Так оно и осталось.

Родился я в Николаевской области, Березнеговатский район, до 1943 года Херсон был тоже под Николаевской областью. Отец приехал с ребятами на рынок сюда продавать сено, так он мне рассказывал. А тут был завод Петровского, там какой-то богач был, я проработал там 52 года. Представитель завода вышел на рынок и набирал людей для разбора ста-

рых цехов, ну и ребята остались на неделю, им заплатили, им понравилось, говорят: «Можно ещё?» – «Да, оставайтесь ещё». Отец поехал, мы недалеко тут жили, село Висунь. Это знаменитая деревня. Есть такая книга – «В степи под Херсоном», я её недавно прочитал, так в той деревне такие были люди, что они против регулярной армии бились... Ну и потом отец забрал маму и меня, и мы сначала жили на Военном на квартире, а потом мы жили на СМУ-6.

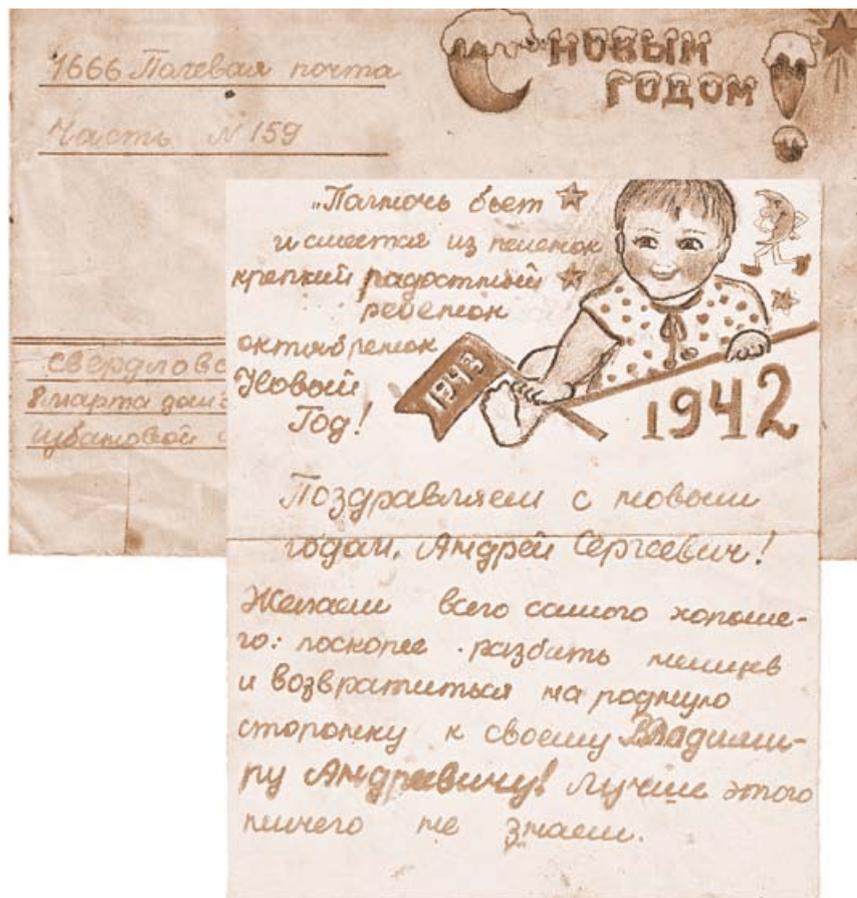
Как я узнал, что началась война: отец работал на Консервном заводе имени Сталина, в последствии просто Комбинат. Отец работал в третьей смене, он кочегаром был. Приходит с работы утром и говорит: «Началась война». И ещё он сказал, что там, где винзавод сейчас, возле Стеклотары с левой стороны (это всё были поля) – там стояли войска наши, отступали, и там побросали ячмень. Он взял мешок и пошёл туда. Через некоторое время у нас за забором в кукурузе (кукуруза эта была колхозная) остановились наши войска. Не знаю, как долго они там были, но когда они ушли – мне запомнилось, что там осталась валиться винтовка без ремня. А потом отец был дома, и тут он кричит, что идут немцы. У них была самоходная артиллерийская установка, и они начали бить по теплоходу. Один теплоход загнали аж в Антоновку, второй возле элеватора. Батяка выкопал подвал, положил разные трубы, железки, и прикрыл травой, землёй засыпал, и у нас это было бомбоубежище. Когда по теплоходу этому стреляли, то мимо нас пролетали снаряды, и, так как я в семье самый старший был, отец мне два раза разрешил вылезти и посмотреть, как они стреляют. Так что мы видели, как они стреляют...

Немцы вступили в Херсон 19 августа. Там, через овраг, где были дачи, я там был, и видел, как немцы пешком шли. Мне только запомнилось, что они были в шортах – впервые в жизни я увидел, что такое шорты. Отец сказал, что на работу уходит, и сказал: «Я больше не вернусь». И мы так плакали, так плакали... И отец ушёл, это было вечером, в третью смену, а потом

на другой день немцы идут так цепью... Полевая жандармерия, такие бляхи у них здесь... И забирали всех. Я помню, через огород дедушка на улицу выходил – выбрасывал мусор, и я спрашиваю: «А почему дедушку не берут?» А мне: «Стариков не берут...»

Ну, отца уже не было, как мы там жили, что мы ели... Я ещё слышал, когда отец был, что по берегу немцы вырезали сады, чтоб не лезли оттуда партизаны. Я слышал, что нашли надувную лодку – значит, оттуда партизаны сюда перебирались. А ещё слышал от отца, матери, соседи рассказывали, что у каждого жильца на дверях должен быть список – имена и даты рождения... И что мне запомнилось: немцы насильовали женщин наших. Были там две девочки у соседей, одна ещё маленькая, молоденькая – она вырвалась и убежала, а другую немцы схватили. Так что если пишет кто-то, что насильовали – это я лично слышал...

Мама пошла к соседке молотить на круподёрке (тогда были такие мельницы – не камни, а металлические), а мы были дома вчетырех, младший брат родился глубоко осенью, мы дома сидели баловались. Наша хата стояла с севера на юг, и вот разорвался снаряд метров пять-шесть от хаты, как раз напротив двери, ну это же надо такое! Один осколок прошил одни двери, прошил другие двери, прошил коробку слева двери и разрубил стол. А на столе была кукурузная мука, наделалось пыли. А осколок, когда вырвался, попал в бутылёк на окне, и он бутылёк этот разбил, срикошетил и улетел куда-то. Мне осколок попал в ногу, и братьям попало... Мы, когда услышали взрыв, крутнулись, и им осколками порезало уши. Возникает вопрос: почему мама услышала взрыв и не пришла? А потому, что мы к взрывам привыкли. Мы даже спали под взрывы, потому что один раз как начали бомбить ночью – бомбили мост, выбрасывают ракеты на парашютах, и видно как днём... Теперь мост на новом месте, тот же разбомбили... Мама была у соседки недалеко и слышала взрыв, но мы уже привыкли к этому, потому что у нас немцы стреляли с

одной стороны, русские с другой... Мама пришла, посмотрела – все стены изрешеченные, а хата была глиняная, беленая, как все тогда были, окна все вылетели и двери. Представьте состояние матери... У мамы речь отобрало.

Нас родственники по очереди брали, потому что четверо детей мало было чем кормить. Нас отправили до маминого родного брата, он жил совсем недалеко, ну, метров возможно сто от нас, и мы были у них. У них стояли немцы. Я запомнил, что у них была конюшня, и в одной комнате держали немецких лошадей. Немец курил, зажигалка упала, и я придумал спрятать эту зажигалку в навоз. Возможно, этот немец тоже мог меня расстрелять... В другой комнате были немцы, а мы спали с братом на печи, и немцы нас не трогали. И, что характерно, мы ночью, когда война заканчивалась, ночью проснулись обое в туалет, выходим – а их там, немцев, полно, видать чины – штаб, наверное, собрался. На нас не обращали внимания, мы

в туалет сбегали на улице, вернулись. Это было уже весной, мы в детстве бегали и по снегу босиком – и до сих пор живем. И они что-то там разговаривали ещё, а мы уснули, а на рассвете слышу – та-та-та... Мама прибегает, говорит: «Русские наступают!» И там речка, и я вижу, как оттуда строчат из пулемёта, а мы в окна смотрим. Хата напротив через дорогу, и я вижу – оттуда немец строчит, а напротив русский строчит. А потом немец заглох. Я заскакиваю во двор, тут же люди выбегают, сало, хлеб дают солдатам. Я тоже выбежал во двор, солдат забегает и говорит: «Немцев нет?» Я говорю: «Нет...» Сколько мы пережили...

Мы собрались домой, нас родственники на лошадях отвезли в Снигирёвку, и потом мы пошли пешком домой. И шли, шли, шли... Мама видит, что я отстаю, а у меня пальто, а вдоль железной дороги был рассыпан динамит, аммонал, порох был пластинчатый, круглый, и я всё в карманы собирал. Мама спрашивает, почему я отстаю, я

говору: «Вот тут нога болит!» А она всё поняла и всё из карманов у меня выбросила. В Снигирёвке нас не взяли ночевать, и мы опять шли-шли... Уже потемнело, а мы всё идем. Прошли какой-то полустанок и опять долго шли, ночь уже шла, и видим – далеко огонь горит, и так долго к этому огню шли... Приходим, а там солдатик печку топит, и керосинка стоит на столе, было в окно видно. И он говорит: «Попейте чаю, я приготовлю». Какой там чай... Мы такие усталые были, попадали... Утром поднялись и опять идём, идём опять по рельсам. Рельсы и шпалы были развороченные. Рассказывали, что немцы привязывали специально к паровозу такой пług, который разрывал шпалы. И мы идём, прошли совсем немного, слышим – машина. Поворачиваемся – едет машина ЗИС-5. Она остановилась, мама спрашивает: «Куда вы едете? – В Херсон. – Возьмите нас! – Мы не можем, у нас бензина не хватит...» Потом отъехали метров 70-80, остановились, дождалась нас и забрали. Привезли нас в Херсон, а на второй день мы просыпаемся, а снег такой выпал, что у кого открывались двери наружу – тот не мог выйти. Выбивали стёкла, у кого не открывались окна, вылезали, потом снег откидали... А что, если б мы в степи остались?..

*Кедровский Владимир Трофимович,
1934 г.р*

► **ВОЙНА НАС ЗАСТАЛА В ГОРОДЕ НОВЫЙ БУГ, ГДЕ МОЙ ОТЕЦ ФЁДОР ЕФИМОВИЧ РАБОТАЛ ЗАВУЧЕМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТЕХНИКУМА.** В день начала войны мы были с другом, его папа выращивал баштан, и мы поехали на баштан – это между Новым Бугом и каховским элеватором. Мы

очень рано поднялись почему-то. И тут пролетают несколько самолетов над нами, и его папа говорит: «Да, это война». Мы сразу собрались, поехали домой, и смотрю – мама уже собирает вещмешок. И в самый первый день войны отца взяли на фронт, по призыву, а мама осталась одна, и нас четверо. Вскоро пришли немцы, потому что Новый Буг он был на линии удара немцев, они шли на Кривой Рог. И в первые дни немцы людей расстреливали среди бела дня направо и налево, несмотря на то, что это были женщины или дети. С закатанными рукавами идут, смеются, стреляют... Жуткое время было. После этого была тишина две недели, а потом снова пошли ночные расстрелы. В этот момент Одесса уже была почти в окружении, и была создана бригада из моряков с тех кораблей, которые стояли в Херсоне, в Николаеве, в Севастополе. И вот эта бригада высадилась в Григорьевке и нанесла мощный удар по немцам и румынам. И вот после этого немцы начали себя иначе вести. Они поняли, что с этими людьми будет сложно воевать, и рано или поздно всё закончится не в их пользу. И они начали себя более смиренно вести, и румыны в том числе. Но в основном свирепствовали немцы.

Когда немцы пришли, они ввели комендантский час и делали облавы, и людей, которых задерживали – расстреливали без суда и следствия. Поэтому люди в вечернее время абсолютно не передвигались. У нас в семье несколько раз делали обыски в осеннее-зимний период, вламывались без стука, всё переворачивали, двери открытые, дети стоят... Когда пришли немцы, в городе была оставлена подпольная группа для работы. Они вели переговоры, в частности, и с моей мамой, и она дала согласие участвовать в подпольном движении. Через неё и через её подругу Марию Гусеву (у той тоже было четверо детей на руках) шли связные из Крыма. Их задача была встретить, дать возможность переночевать, накормить и в дорогу дать, порой даже выстирать одежду... Война была жёсткая, было несколько обысков – может, искали

какую-то документацию, может, листовки, но ничего они не нашли. Когда стало известно, что на нашу семью выписали арест, мы сразу собрались и ушли, а Мария Гусева осталась – хотела подождать и уйти утром, а ночью пришли, её забрали и расстреляли.

В техникуме учились люди разных национальностей: русские, украинцы и немцы. Очень много жило немцев здесь – в Херсоне и в Николаеве, причём жили они здесь испокон веков. Но наша семья попала под расстрел, потому что отец наш был завучем техникума, он – советская интеллигенция, и вся его семья попадала под расстрел. Немцам в первые же дни некоторые подлецы доложили обо всех, кто где живет. Но, насколько мы знаем, их же первых и расстреляли. Один ученик техникума нас пришёл и предупредил, что нас должны расстрелять. Мама схватила нас (четверо детей), мы рванули в чём стояли – и ушли. Так мы оказались в Бериславе. Берислав был оккупирован уже...

В период войны для населения большим спасением были скирды в полях, люди вырывали норы, залазили туда, там тепло. В Бериславе мы там пробыли больше года, пока нас не нашли. Что меня поразило: в время Великой Отечественной войны люди настолько были дружны, настолько друг другу помогали – не спрашивали ни фамилии, ни имени, ни отчества. Нам принесли две арбы, в одной были дыни, говорят маме: «Разгружай, у тебя четверо детей». Мама: «Ой, а что мы с ними будем делать?» А хозяйка говорит: «Ничего, мы их засушим, зимой чай с ними будем пить». А на второй арбе привезли кукурузы, с кукурузой дело проще – сушили, а потом делались такие самопальные установки, и эту кукурузу мололи на дерть, мука шла на лепёшки, а из этого варили кашу. И таким образом многие люди жили и спасались.

Когда нам стало известно, что нас снова взяли на прицел, то мы тогда рванули в Красный Маяк. Там мы жили перед освобождением около года. В Красном Маяке осталась в основном женская часть

населения, люди продолжали заниматься сельским хозяйством. Наши наступают уже, идёт линия фронта. А это было осеннее время, и наши продолжали сеять, говорили, что наши освободят, и будет уже озимая. Немцы стали противиться, говорили: «Что ж вы делаете?» Надо, чтоб поле не пустовало.

Главная задача была искать пищу. В первые дни войны люди прятались по балкам от бомбежек, и живность туда взяли. И там дикие куры развелись. Я полез за курицей, и вот я с одной стороны лезу, а с другой лезет немец с винтовкой. Хорошо, что он был в очках, он не смог меня заметить, пришлось рвануть оттуда, аж всё было мокрое.

А когда нас освободили, другая история была: озимые были в очень хорошем состоянии. Первое событие было такое. У моей мамы нужно было оперировать руку, и женщины говорят: «Идите к немцам». Там военная часть стояла. Пошла она, там врач говорит: «Поросёнок принёсёшь – и я тебя прооперирую». Мама пришла, плачет, четверо детей на руках... И тут наши женщины приходят, женщины приносят поросёнка, говорят: «Бери, неси ему, пусть подавится». Отнесли, он прооперировал, и мама прожила до 2000 года. У моей мамы было очень природное чутьё какое-то, к ней многие женщины приходили, она говорила: «Не волнуйся, твой Иван живой, вернётся с войны» или «Будет раненный, но вернётся». Приходили женщины, она могла сказать: «Не жди его...»

Потом, когда фронтовые части немецкие волной перекатывались, они забирали всё, в любой подвал залазили. Соответственно, с продуктами было тяжело, был голод. И вот немцы назначили в Красном Маяке местного немца, чтобы он был директором больницы. И он вечером через два-три дня выходит и говорит: «Настя, зайдёшь ко мне вечером». Она на него: «Да пошёл ты, старый чёрт!» Он: «Я тебе сказал – зайдёшь. И возьми с собой два мешка». Она приходит, он ей мешок крупы и мешок муки даёт, говорит: «Бери сколько унесёшь, и скажи другим». И в течение ночи он всех женщин снабдил про-

дуктами, а потом его спросили, как он не боится, его ж попрут наши, а он: «У меня деды и прадеды здесь похоронены, это моя земля!» И перед тем, как нас освободили, он за полсутки вдруг исчез – он и его дочь. По слухам, они ушли в другую часть Украины, туда, где их не знают, фамилию-имя поменяли. Вот так люди друг другу помогали, не деля никого.

Там, где сейчас Каховское водохранилище, были плавни, а Днепр проходил у высокого берега Красного Маяка. В плавнях наши,

немцы там. Немцы собрали всё население и сказали: «Вы должны это место покинуть, потому что здесь будет фронт, стрелять будут». Это был обман. Люди собрались, котомки взяли. И вот нас собрали у Красного Маяка, и такая колонна огромная двинулась в сторону Новоалександровки. А на второй день жандармы окружили, и погнали нас этапом до Березнеговатого. Там на окраине разместили нас в два каких-то здания больших, и там нас продержали два дня. И тогда мама говорит: «Надо бежать». И женщина какая-то: «Давайте бежать!» А в этом здании были небольшие оконца, и один немец караулит, а двери не на замке. Это зима была, холодно, снег небольшой лежал. Мы с мамой сделали небольшой подкоп и драпанули ночью. И это Березнеговатое... В одно место постучали – нас не пустили, в дру-

гое место побежали. Нас приютила семья, и мы там прожили какое-то время. А остальных людей (это я знаю уже по рассказам) на второй день по этапу погнали дальше, а в конце дня детей забрали в одну сторону, женщин в другую, и эти дети пропали, их до сих пор разыскивают...

9 мая 1945 года помню... Тогда все новости узнавались через железную дорогу. На водокачке работала семья, и папа у них был машинист, и они 6-го или 7-го мая получили от папы сообщение, что он ведёт поезд груженный в Берлин. А рано утром я его дочку увидел. Она бежит, орёт, и боль переплетается с радостью, кричит: «Победа!» и «Ой, папочка погиб...» Можете себе представить...

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

► **МОЯ МАМА – ОНА ГРЕЧАНКА. ОНА КРАСИВАЯ ДЕВУШКА БЫЛА ОЧЕНЬ**, и когда вошли немцы в Херсон, моя бабушка с мамой скрывались на Острове у одних людей. Почему они не могли в тыл уйти? Моей бабушке сделали операцию, у неё почка была опущенная, её подшили, и, конечно же, она не могла никуда уйти далеко, поэтому они были в Херсоне. Постепенно, пока немца заняли город, они видели, что тихо пока, никого не расстреливают, и они вернулись в свою квартиру на улице Пограничной (сейчас это улица Петренко), стали жить там.

Маме тогда было 15-16 лет, девчонка совсем, она поступила в медицинский техникум, училась, а тут немцы пришли. Кушать нечего, больная мама, а она молодая ещё, девчонка совсем. Очень тяжёлые годы были... Всё разбито, разрушено. Мама пошла на биржу труда, тогда всех на биржу гоняли. Ей дали направление горничной работать в какой-то гостинице. Бабушка ей говорила: «Ты не ходи туда, там же немцы!» А управитель говорит: «Нет, немцы пунктуальные, они ушли в 8 утра, придут в 5, обед они дают тоже там. Это ж не простые немца, а выше рангом, поэтому можно туда идти работать, там много наших девочек горничными работают, никто их не

трогает». Мама пошла, проработала две недели, и на самом деле никто не трогал ничего. Каждую неделю им давали что-то, зарплату какую-то. И однажды она заправляла постель, и вдруг её сзади обхватил кто-то. Она повернулась – немец стоит, и реакция у неё была такая – самозащита, и она ему влепила в лицо. Он ничего не сказал, он пошёл к столу, написал что-то, заклеил конверт, дал ей – иди по вот этому адресу, отнеси. Мама моя не пошла по этому адресу, она испугалась очень. Девчонка же молоденькая... Она побежала сразу – учитель немецкого языка был, недалеко жил, к маме прибежала, они отнесли письмо к нему, он говорит: «Вас в Гестапо отправляют, не ходите! Быстренько берите вещи и тикайте свет за очи, потому что её в гестапо заберут. Они так и сделали. Они скрывались на Острове, там был Сильвестрович – такой человек старенький очень, папа одноклассника моей мамы, дружили как-то. В Херсоне мало людей было тогда, они все друга друга знали. И там мазанка такая была в камышах, и они там сидели. Сидели весь август, потому что не могли на ту сторону переправиться. На Потёмкинском мосту уже стояли наши орудия, и они туда могли попасть или рано утром, или поздно ночью, или чтобы дождь шёл, чтобы шум был, потому что с этой стороны немцы стояли, и был перекрёстный огонь. Ну и вот один раз Сильвестрович приходит и говорит: «Садитесь на лодку, будем отчаливать». И они сидели на лодке в камышах, ждали. Они там просидели трое суток, выжидали, когда погода будет такая. Пошёл снег с дождем, такой шум начался – по камышам же вода бьёт. И в это время, в 4 часа утра они отчалили. В лодке было человек восемь, мужчины и одна женщина, и моя мама и бабушка. И они отчалили, и Сильвестрович был на веслах, моторов же не было. От берега отчалило до ста лодок – это столько там напрягано в камышах было, и когда до середины уже подъехали наши, оттуда подумали, что это немцы, и начали стрелять... А немцы подумали, что какая-то атака и начали оттуда бомбить. Вы пред-

ставляете, в каком шквале побывали? Многие лодки пошли ко дну, кричали люди нашим: «Мы наши, наши, мы ж свои, свои, не стреляйте!» Когда уже приплыли, плакали там и падали на землю в обморок, и трусило их, вот это они так спаслись... А потом ходили по той стороне, там село Кардашинка Кому пошьют что-то, кому что-то сделают, вот так они и выживали. Чулаковка, Збурьевка – там они ходили... Поумирали многие очевидцы

уже, а так я их всех знала, они приезжали к нам в Херсон, отдыхали, тут останавливались.

Мою маму два раза забирали в Германию, и ни одного раза не получилось забрать. Ходили пешком на Забалку, там жила тётка моя. Там дорога такая – яр и камыши, и там немцы. Раз и похватили всю молодёжь, кто шёл. Стариков прикладами в спину побили и отпустили, а молодёжь на вокзал, и там на вокзале пособиралось их. Из сёл попривозили, огородили. Волнуется вся эта толпа, тут батьки, а тут дети, молодые же женщины, мужья ихние там. И как-то так получилось, что считал немец – айн, цвай, драй, и мою маму – фир – и в это время толпа налягла на ограждение (они ж такие временные были), и вот это ограждение упало, и мою маму просто кто-то выхватил, не узнали кто. Бабушка кричала: «Гая, Гая!» Немец её ударил, и она упала, у неё

ж больная почка, он её опять отбил ей, после этого она опять болела очень, опять спасли её...

Потом моя мама и бабушка нанялись на работу к бауэру, он держал свиней (бауэр – нем. «хозяин» – ред.). Когда немцы зашли, они не разрешали свиноматок резать, потому что армию немецкую надо было кормить, надо было, чтобы поросята были. Ну раз поросята – значит, запрещено. Бауэру сказали, что льготу дадут – что можно в Одессу ездить, тряпки покупать и продавать здесь.

Ну и так время шло. А у нас там, где Арестантка, был лагерь военнопленных, и там наши ребята были. И вот эти бауэры говорили: «Давайте будем нашим помогать». А как? Давайте суп варить им. Немцы не против были: кормите своих пленных. Военнопленных потом отправляли отсюда, похватают где-то на передовой – и сюда. Бабушка моя начала коромыслом два ведра супа носить туда, вы не представляете, как это тяжело! Бауэр этот жил где-то на Ушакова, где сейчас кинотеатр «Украина». И вот она потихоньку спустится туда и понесёт им супа, далеко, сколько раз остановится она... Она не одна шла, ещё женщины шли. И принесёт вот это им, они такие благодарные были, эти воины, очень благодарные были.

Здесь жила ещё одна женщина, она верующая была, Тамара. Она в госпитале была, сделали такой госпиталь, раненные же были, и она перевязывала, она медсестра. И эта Тамара и мама взяли в детском доме тут девочку раненую, у неё глаз выбит был, и удочерили её ещё в те годы. Им никто никакой помощи не давал. Этой девочке сейчас уже 70 лет, Галя её зовут, она ко мне приходит, я её знаю с детства ещё. Тамара принимала суп, и они кормили пленных. Туда привезли однажды одного хирурга, он тоже пленный был, еврей по национальности. Но, чтобы никто не догадался, что он еврей, а то его сразу бы расстреляли, он назвался другой фамилией. Он не похож был на еврея, такой красивый человек, чёрный, нос такой красивый. И вот этот хирург делал операции, немцы руководили.

фото из коллекции Н. Гоманюка

Медсёстры ходили и всё говорили, как бы этого хирурга отсюда забрать, это же не концлагерь. Всё думали-думали, а потом услышал вот этот бауэр, и говорит: «У меня дочка красавица, взял бы он и женился. А я бы его на поруки взял». И бауэр заставил мою бабушку напечь пирожков, бабушка напекла пирожков, он говорит: «Идите туда, я с командованием поговорил, вас пустят к хирургу». Он очень худой был, запущенный человек, голод, а руки золотые. Его разрешили покормить, и скажите, что, мол, мой хозяин говорит, что у него есть дочь, и вы можете на ней жениться, тогда вас отпустят из лагеря, и вы будете под наблюдением бауэра как бы. Бабушка хирургу это сказала, он говорит: «Это мне нужно с хозяином говорить, я не могу с вами разговаривать». Хозяин пошёл, поговорил, и хирург говорит: «Я хочу уйти, конечно. Вы сами видите, что здесь за место. Я женюсь на вашей дочери, но, если только будет победа, я уеду в Москву, у меня там жена и сын, я здесь не останусь. Вас это устроит?» Ну кто тогда думал из них, что будет победа? Никто не думал, они уже так на ноги стали при помощи этих немцев... Но народ же хотел победы. Хирург женился, и бауэр забрал его оттуда. Но он в лагерь ходил, операции делал – как бы вольнонаёмным стал, но за ним зорко смотрели. Родился у них сын.

Прошли годы уже. Однажды

моя мама с бабушкой шли по улице, впереди идёт женщина и ребёнок на плече лет пяти, плачет. Так плачет сильно! Бабушка подошла: «Чего ты плачешь?» Повернулась эта женщина на голос, и бабушка увидела хозяйку, жену этого бауэра. Оказывается, её мужа за свинью застрелили, нечего кушать было, и муж сказал: «Всё, я терпеть больше не буду, это моя свинья, я её вырастил, я её и...» И потихоньку они свинью зарезали. А немцы пришли, увидели, что нет свиньи – и его на месте за свинью застрелили. Конечно, они тогда начали бедствовать и голодать. И так связи эти потерялись. Потом уже, в 1986 году мы с мамой ехали в троллейбусе № 1. Зашли мы в троллейбус, сидит впереди женщина, мама подошла и заглянула – а это Тамара, которая вышла за того хирурга замуж. Она говорит: «Тамара!» Та: «Валечка, это ты?» Они расплакались обе, это ж с войны не виделись, а уже 1986 год. Говорит: «У меня трагедия, сына моего нет. На Шуменском дали квартиру, а там поле, и он подорвался на mine. Мальчишки вездесущие где-то отрыли снаряд, и он подорвался на нём». Вот какая судьба. А этот хирург, когда закончилась война, вернулся к своей семье, а эта женщина больше замуж не выходила...

*Дружченко Лидия Андреевна,
1946 г.р.*

▶ **Я В ГОРОДЕ ТАМАНИ РОДИЛСЯ, ЭТО НАПРОТИВ КЕРЧИ.** Родители мои агрономы, отец уроженец Херсонской области, он из Ивановки, а мать из Днепропетровска, станция Подстепная.

Войну мы встретили в Тамани. Мы эвакуировались с мамой. Я сильно рвался на фронт, но отец сказал: «Нельзя, но я тебе привезу три вещи – пиво, раки и тубетейку». Но не повезло, он три месяца повоевал, и его сильно ранило, контузило, и он аж в Тбилиси улетел в госпиталь. Интересно, что потом, через много-много лет, в том же госпитале лежал его внук – мой старший сын, который служил в знаменитом Тбилисском полку. Я помню, мы из Керчи плыли на пароходе, он «Одесский Горсовет» назывался; сколько я не искал потом (даже по Интернету) – я судьбу его не знаю. Помню, что мы ехали сверху на открытой палубе, и когда пикировали немцы, мы прятались под скамейками из реек. Приплыли мы в Потю, это в Грузии, Аджария. Туда передали, что немцы потопили «Одесский Горсовет», и тут он на рейде появляется... Наши решили, что это немцы закамуфлировали свой военный корабль, и батареи по нам открыли огонь. Это вечером было, мы на рейде стали, и только утром разобрались...

Мы с мамой пошли, нас поселили – беженцев, из Ленинграда там были – одни женщины с детьми. Нас поселили в здании бывшей полковой школы или военного училища, за городом. Была ночь, и женщин всех поселили в каком-то спортзале, все под стенками легли. И ночью пришли то ли грузины, то ли какие-то другие люди с гор – пришли грабить. И вот идут они по кругу, один кинжал к горлу приставляет, а другой шурует. А там была семья из Ленинграда, дочь и мать. И один схватил её чемодан, а дочке лет 17-18, и она вцепилась в чемодан. И он кинжалом на неё как махнул! И тут мать подскочила, он ударил мать кинжалом и убил... Я запомнил, как эта девчонка схватила одеяло, бегала по кругу и кричала: «Помогите, помогите...»

А потом мы уехали и доехали аж до Нагорного Карабаха, там я ходил в детский садик. Ели там лакомство – печёную сахарную све-

фото из архива семьи Пашкевич

клу. Как-то мама достала молока и лапши и сварила мне молочную кашу, так я отказался её есть, хотел только эту печёную свеклу, это была для неё такая травма...

Обратно мы возвращались по мере освобождения, через Одессу. В Одессе матери дали двухкомнатную квартиру в центре, но мать всё время по командировкам моталась, меня она отдала соседям. А тут с войны приехал очередной герой-лётчик, дверь эту взломал, мамины шмотки выкинул, квартиру занял – вот как это делалось в те суровые времена. Не знаю, это его была квартира или не его, но маме же горисполком ордер выдал, а не просто так она заселилась. Просто как тогда делалось – грудь в ордене и пистолет на боку... Тогда мать отправили в Западную Украину, в Черновцы, и снова дали шикарную квартиру, тогда оттуда выселили поляков. Квартира была с ванной огромной, с кухней огромной, высокие потолки – Черновцы не пострадали, там всё было целое, и мы там жили.

В 1945 году я помню день победы, потому что стрельба стояла страшная на улице.

*Дибров Олег Афанасьевич,
1938 г.р.*

▶ **Я ВЫРОСЛА ВМЕСТЕ С АНЕЙ НОСКОВОЙ. ОНА РОДИЛАСЬ В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО 10 СЕНТЯБРЯ, А ГОД 1921 ИЛИ 1924 ГОД.** Аня у нас жила. Родители у неё были старенькие, они в селе жили – в колхозе, а она у нас выросла, как сестра мне была. У нас семья была большая, а в селе учиться негде, мы её взяли к себе. Она закончила семь классов, потом медицинский техникум, и в день экзаменов началась война, экзамены прекратили. Организовали отряд, и в этот же месяц их всех забрали, но не на фронт она попала, а в госпиталь. В Томске она в госпитале работала, потом перешла в Кемерово работать, а из госпиталя её взяли на фронт в 1943 году, и в феврале она погибла.

Мы её отправляли на фронт. Мы с ней переписывались... Когда провожали, мама как-то так плакала, младшая сестра тоже плакала, но рыдала больше всех я. Ну, понимаете, как для ребёнка тот, кто

с ней постоянно? Я сильно переживала. Она спасала командира, спасла его, доставили в госпиталь их, и её собирались домой отправить, у неё была не смертельная рана. А когда в госпиталь попала, то не было крови, чтобы ей перелить, и из-за этого она погибла.

Это, конечно, ужасный был день. Пришла похоронка... Я её любила. Когда она погибла – это я была в 4-м классе. В 3-м классе я её проводила...

Я все её фотографии собирала. Она очень любила писать стихи, и у неё был альбом – раньше были такие толстые тетради, и их друг другу передавали, чтобы написать пожелания. Сочиняла она, рисовала хорошо. Нарисует, напишет стишок, а я рот раскрою, сижу и наблюдаю. Я всё сохраняла, все её бумаги. Мама эти альбомы сожгла... В старших классах я начала делать альбом, посвящённый Ане, и храню его до сих пор.

В Херсоне я с 1973 года. Здесь у нас даже организована Анина могила: мы решили, что земля одна, если мы туда, где она погибла (под Смоленском) не можем попасть, значит, мы здесь преклоняемся. Земля одна: там похоронена – здесь преклоняемся...

День Победы, конечно, помню. Я училась уже в 6-м классе, и мы с девчонками и ребятами ходили по улицам, поздравляли. В одни ворота мы постучали: «Поздравляем вас с праздником!», а оттуда женщина как закричит: «Какой праздник?! У меня погиб муж и сын

на фронте! Какая победа?» Вот это я запомнила. Все празднуем, все радуемся, но когда и мужа и сына похоронила, оставила там – это день тяжёлый.

Каждый День Победы я вспоминаю Нюрочку, и дядя у меня на фронте погиб, тоже был хороший, всех вспоминаю.

*Силантьева Мария Кузьминична,
1933 г.р.*

▶ **Я РОДИЛАСЬ В ГОРОДЕ ОДЕССЕ, НО ВООБЩЕ-ТО Я ХЕРСОНКА, ПОТОМУ ЧТО ОТЕЦ У МЕНЯ ПОТОМСТВЕННЫЙ ХЕРСОНЕЦ,** у него дед и прадед были херсонцы. В Одессе я родилась, потому что родители тогда учились в Одесском мединституте, и после третьего курса я у них появилась. Оказалась я в Херсоне через 8 месяцев, у родителей были экзамены, сессия, и бабушка приехала и забрала меня в Херсон. После этого большую часть жизни я была с бабушкой, потому что папу забрали в армию после окончания института, мама здесь работала на заводе им. 8-го Марта врачом. А потом началась война, эвакуация. Папа, так и не приезжая домой, сразу попал на фронт, потому что он служил на западной границе возле Ровно, Львова. А мы с бабушкой начали эвакуироваться и чудом в Мелитополе встретились с мамой, и уже эвакуировались вместе на Урал. Потом мама добровольцем пошла на фронт, когда получила известие, что папа пропал без вести, это было в 1942 году. Известие это не пришло, мама просто писала в военкоматы письма, потому что многие военные писали, и папа мог, в принципе, знать, что мы были в Челябинске у брата, так что он мог прислать письмо. Поэтому мама беспокоилась и писала во все инстанции. И ей ответили, что он пропал без вести. Мама тогда пошла добровольцем и, как врач токсиколог, она попала в химическое войска. В боевых действиях она не участвовала, потому что мы химических атак не проводили, но они всё время были на казарменном положении, там служили.

*Кузнецова (Дворникова)
Элеонора Орестовна, 1938 г.р.*

фото из коллекции Н. Гоманюка

► **ДЕТСТВО Я ХОРОШО СВОЁ ПОМНЮ. ЖИЛИ В ГОРОДЕ ОРЕНБУРГ, В СОБСТВЕННОМ ЧАСТНОМ ДОМЕ.** Огород, хозяйство, коровы, куры, овцы были. Я запомнила 1933 год – что мы кушали: мама щи варила, кислая капуста у нас была засоленная, лебеду добавляли в хлеб, в муку – были у нас самодельные жернова, мололи там муку, делали лепешки. Но, в основном, нас спасла корова.

Нас было четверо детей, потом в 1937 году родился ещё младший брат. В 1941 году я уже училась в пятом классе, в шестой перешла, и на каникулы поехала к бабушке в село, южнее Уральских гор. Бабушка говорит: «Поедем на базар», но ходили ещё пешком, семь километров. Пошли на базар пешком, и вдруг, когда мы на рынке, рупор объявляет: «Началась война...» Это был воскресный день, я это так хорошо запомнила... У меня до сих пор в голове звучит: «Важное сообщение! Говорит Москва... На Советский Союз... Перешли границу... Немецкая армия... Немецко-фашистская...» Вот это запомнилось. Тут же часа через три уже в военкоматы все шли на призыв – шли добровольно, защищать родину. В то время это была великая честь, если ты делаешь для победы и для родины великое дело. Настолько был патриотизм в нас вложен, что ребята-девятникклассники все пошли на призыв. Я приехала домой и уже, конечно, папа был на пункте. Папу в запасе оставили,

потому что он управлял сберегательной кассой и райфинотделом. И сразу же начался заём – деньги собирали. 1941-го года был заём, 42-го, 43-го займы, все носили деньги и получали облигации. И эти деньги, конечно, шли на вооружение, на завод и на восстановление. Уже в конце июня стали поступать беженцы, эвакуированные, и стали вывозить заводы, фабрики, у нас же там Башкирские степи...

Я уже подросла, мне уже 14 лет, 7-й класс, и нас вызывают в военкомат. Я сначала в роте была пулемётчица – вот так я себе выбрала, потому что про Чапаева знала... Не было никакого страха. Я занималась в пулемётной роте после учёбы в школе и после работы. Работали мы и в школе, и на полях – некому было хлеб убирать. Ночами хлеб убирали подростки, и ещё занятия... Занятия проходили три раза в неделю, потом ещё день добавили. Была зенитная рота, пулемётная рота и связисты, и вот я своему преподавателю говорю: «Там занимаются морзянкой, я тоже хочу». Он: «Там надо иметь особый слух». Я: «Вы можете меня проверить». Проверили, говорят: «У вас вообще особый слух». И я мгновенно пошла на морзянку, стала выстукивать, стала связисткой. Я полюбила эту профессию, там были девушки в основном, ребята в нашем возрасте уже давно были на заводе. У нас неподалеку был авиазавод, его эвакуировали, он работал первый год под открытым

небом. Ребята там получали пайки и какую-то копеечку. Там очень тяжело было, но всё для фронта. На ночь мы ещё ехали в поле, сено заготавливали, на лошадях возили, стога складывали – у нас же была конная армия, её тоже надо было содержать, нужен овёс и сено. Это уже был 42-й год.

С нашего района очень много в 1942 году ездили в Ташкент. Ташкент назывался «город хлебный», увозили туда вещи, какие-то драгоценности – меняли на продукты. И моя мама рискнула поехать. Зима была в 1942 году страшная, я такой зимы потом не видела – 55 градусов мороза, 45 градусов... Если в поле застала пурга, ты не выберешься из неё, замёрзнешь. Лошади замерзли... Мама моя приехала и привезла два мешка зерна. И тогда никаких нападений не было, никто не воровал. А корову мы так и держали, завели её в дом, чтобы не замерзла, вот какие были морозы... Мы выдержали 1942 год.

В 1943 году я уже в школу не пошла, и с 1 сентября пошла на работу. Тогда мне говорили: «Учись, не бросай!» Я говорила: «Успею выучиться, надо победу копать». И я пошла на работу. Уже никого не было в финотделе, папу забрали на фронт, моя сестра была заведующей сберкассой, она на два года меня старше. Я была в райземотделе старшим статистом, собирала все данные по уборке урожая, по посеву. Так я работала по 1944 год. Я была в группе – это сейчас называют волонтерами, тогда так не называли. Это была группа милосердия, мы ходили по домам, собирали варежки, носки, махорку – кто чего мог дать. Насколько люди были отзывчивые! Я ни одну семью не могу вспомнить, чтобы отказали! Помню, я захожу в один дом – башкирский дом, там одни нары, на нарах сидят дети пухлые, человек семь. Я спрашиваю по-башкирски, что у вас так... А женщина мне: «Вот, кушать нечего, а мои детки что-то поправляются...» Я подхожу – а они с голоду пухнут. Я говорю: «Миленькая моя, надо же было куда-то обратиться!» Она: «А вы что, пришли проверять?» Я: «Нет, мы пришли собирать для

фронта, кто что даст». Она: «Я дам, у меня запрятанное есть для фронта...» И она вытаскивает кисет, махоркой набитый. А тогда за эту махорку можно было купить три буханки хлеба. Она отдаёт и говорит: «Вот ещё варешки мужские. Если это не моему брату или сестре, кому-то это всё попадет...» Я этот эпизод навсегда запомнила, у меня в глазах эти дети... Я тогда быстренько в райком комсомола донесение написала, помогли им, конечно.

Тогда были такие интернаты, туда многодетных помещали, и уже районные власти подкармливали – как кто мог. Приезжали эвакуированные, они же все из Ленинграда, из Москвы, из Минска бежали. Они все делились тем, что они привезли, не было жадных. Я знала одну женщину (она из Петербурга была), Пелагея Ивановна, она помогла дому-интернату, она там работала за бесплатно, и она говорила, что «не надо мне ничего». На поле работаешь, и нам выдают две баночки крупы, гороха, зерна, и она делилась. И когда мы приходили – комсомольцы, она говорила: «Молодёжь, стойте на своём, всё равно мы победим, победа будет за нами!» Враг уже подошел к Сталинграду... Наша рота девушек-зенитчиц попала под Сталинград, в их числе моя двоюродная сестра. Они попали на самые тяжёлые бои, и она осталась немножко калекой, раненная разрывной пулей в ногу.

В 1944 году из нашей связной роты (мы уже хорошо работали, и из нас готовили группы заброса за линию фронта – молодые деревенские девчата) брали тех, кто 1925-го и 26-го года рождения, в партизанские отряды забрасывали. А я 1927 года рождения числилась, уже подходила и моя очередь. И вдруг меня вызывают в райком комсомола. Это было в марте месяце, я уже нацелилась поехать на завод устроиться, мне хотелось побольше увидеть. Приехала на этот завод, все документы привезла, и меня взяли в отдел учёта, я привезла справку, что я статистом работала. А потом меня райком комсомола по комсомольской путевке послал в освобожденные районы Украины. Тогда я гово-

рю: «Конечно, я туда поеду! Там, на Украине, яблоки растут, виноград...» Мы этого не видели, фантазии такие были.

И мы приехали в Уфу, потом мы месяц ехали от Уфы в Киев, Киев уже освободили, 1944 год. Мы месяц ехали от Уфы, потому что пропускали все составы на фронт. Идут составы – нельзя вклиниться никак, подходишь: «Ну возьмите нас, мы едем на Украину, вот комсомольские путевки...» Нет, не положено, дисциплина была строжайшая. А как питались... Нам дали сухой паёк, а потом, когда добрались мы до Харькова товарняком, мы в Харькове обратились в горком комсомола, трое нас было, и нам дали паёк на неделю. Прибыли в Киев, у нас уже продуктов нет. Мы приехали в обком комсомола в Киев, нам дали направление в Херсон, выдали нам паек, говорят: «Вам хватит?» Мне лично дали хлеб, две баночки консервов, сахар кусковой – 20 кусочков, у нас были кружки – чай дали, а кипятилок был на каждой станции. И мы не можем уехать на Херсон, хотя уже Херсон освободили.

Мы приехали в Херсонскую область 29 апреля 1944 года. Сидим мы, ждём состав на Херсон. Еды уже у нас никакой не было. Дежурный по вокзалу нас приметил, говорит: «Сейчас подойдет состав, будет стоянка минут сорок, подой-

фото из архива семьи Пашкевич

дите к начальнику поезда и попросите паёк. Они таким, как вы дают, у вас же документы». А я ещё говорю: «Ну как это мы пойдём? Нам стыдно...» Но мы всё-таки подошли, я говорю: «У вас есть тут баянисты?» Он: «Есть». А на остановке солдаты выходили, чтобы размяться, и чечётку выплясывали, и я говорю: «Я могу петь». Он: «Ну давай». Так я там им такие частушки выпевала, что они нам дали шесть банок консервов, ещё три буханки хлеба дали, и мы им там такой концерт устроили... И, пока мы пели и танцевали, ушёл наш товарняк на Херсон, а мы остались. Товарняк мы «пропели», и этот товарняк попал под бомбежку, и потом, когда мы садились на поезд, начальник станции говорит: «Вам повезло».

Мы приехали в Херсон, и меня сразу определили в телеграф, почтамт. Нас расселили на квартиры. Я работала по 12 часов. Я попала в секретную часть, в особый сектор на телеграфе, который охранялся – все правительственные телеграммы мы получали. Был секретарь обкома Фёдоров, всё партизанское соединение его здесь было, правительственные телеграммы прямым текстом давались, а ещё были шифрованные – и если ты пропустишь хоть один знак, текст искажается. И я работала в этом отделе контролёром шифровок, мне это доверили. Проверяли через КГБ, это было тогда очень строго и очень важно. Я в 1944 году работала на телеграфе, мне было полных 16 лет. Ещё шла война, и в 1945 году меня перевели в обком партии, в особый отдел. Там я протокольной частью занималась, а подробнее про такие вещи я не могу говорить...

День Победы пришёлся на моё дежурство. У нас дежурили как? – один член обкома партии и один комсомолец. 7 мая я дежурю, и фельдегерь с работником телеграфа доставляет правительственную телеграмму о том, что дежурный должен доложить секретарю, что произошла капитуляция. Даже в газете писали, что первой об окончании войны узнала комсомолка Аркаева Тамара Георгиевна, представляете? У меня была переполнена душа – столько радости! 7

мая информация уже просачивалась, но про то, что победа, нельзя было говорить до 9 мая. Я никому не сказала. Я это носила в себе два дня, но зато летала, как на крылышках.

*Жирнова (Аркаева)
Тамара Георгиевна, 1928 г.р.*

▶ **ВОЙНА НАЧАЛАСЬ ДЛЯ ВСЕХ НЕОЖИДАННО, И ПОЛУСОННЫЙ ГОРОД С ПУСТЫННЫМИ УЛИЦАМИ НАПОЛНИЛСЯ ВДРУГ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ.** В гимназическом сквере лежали на траве в ожидании отправки на фронт мобилизованные. Среди них был и мой отец. Он только возвратился из лагеря, где отсидел пять лет как «враг народа». А потом город опустел. Всю партийную верхушку и ценных специалистов эвакуировали, а все запасы продовольствия согласно приказу Верховного Главнокомандующего «Ни грамма продовольствия врагу» уничтожили. Зерно из элеватора спустили в Днепр, а то, что лежало в буртах, сожгли. Город остался без власти, и тогда жители города решили сами себя обеспечить продовольствием. Три дня шёл грабёж. Грабили два консервных завода, маслозавод, кондитерскую фабрику имени Войкова, макаронную фабрику. Все улицы были заполнены народом. Тащили всё, что только могли. На кондитерской фабрике обнаружили цементный бассейн с жидкой карамелью. Первые успели набрать в коробки и банки, которые нашли на фабрике. Потом толпа сзади подпёрла, и многие попадали в бассейн, где и нашли свою смерть. На четвёртый день город как вымер. Жарко, пыльно и пусто. К концу дня со стороны Николаева послышался рокот мотоциклов. Это в город вошёл батальон дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» под командованием гауптмана Курта Майера.

Вначале немцы вели себя довольно-таки лояльно, хотя сразу же на центральной улице, напротив кинотеатра «Спартак», на месте афиши установили виселицу и повесили там тех коммунистов из городской администрации, которые не успели эвакуироваться. Сначала не было ни грабежей, ни расстре-

лов. Мой дед как раз перед этим зарезал свинью и, когда немцы вошли к нам во двор, он накрыл стол. Зная идиш, который очень похож на немецкий язык, дед мог с ним общаться. Когда немцы ушли из нашего дома, он сказал своей жене: «Вот видишь, Надичка, я жил при царизме, жил при военном коммунизме, проживём и при этих».

И действительно, до революции дед своими золотыми руками краснодеревщика отделявал кабинет генерал-губернатора и директора гимназии. Благодаря этому трое его детей получили гимназическое образование несмотря на знаменитые два процента, больше которых запрещалось принимать еврейских детей в гимназии. При военном коммунизме он строил сортиры и делал деревянные подошвы для колодок, в которых ходили тогда херсонские обыватели. Позже брал любые столярные работы. Делал каблуки для Гособувной фабрики.

Он был простой мастеровой. В паспорте он значился как Зельман Фроимович. При заключении договоров на работу его называли Зиновий Фёдорович, а все остальные от мала до велика его звали Зёня или Зёнчик. Как будто сейчас перед глазами стоит его плотная, слегка сутулая фигура мастерового с постоянной доброй и слегка ироничной улыбкой на лице. Он идёт, шаркая ногами по залитой заходящим солнцем улице, в сером в полоску, измятом хлопчатобумажном костюме. Лацканы пиджака закручены в трубочки. В одной руке деревянный ящик с инструментом, в другой «гейша», набитая продуктами с базара. На ногах

сапоги с обрезанными голенищами. «Зёня, дай конфету!» – кричат мальчишки, и он останавливается, достаёт из карманов пиджака леденцы, раздаёт крикунам и идёт дальше. И так каждый день... На углу Комсомольской и Торгового переулка, где он жил с бабушкой и детьми, во дворе стояла сложенная из кирпича и обмазанная глиной печка, где дед жарил любимое блюдо херсонских мастеровых, которое называют «бигус», а в Херсоне «солянка» – это свиное солёное сало тушёное вместе с кислой капустой. И дед там же со своими дружками-мастеровыми пил водку и закусывал солянкой. Бабушка, которая происходила из почтенного раввинского рода одесских Фельдманов, проходя мимо этой мазанки, плевалась и что-то ворчала себе под нос. Но дед только улыбался. Вообще он никогда не скандалил.

Когда в 1940 году бабушка умерла от рака, дед решил жениться на молодой. Не знаю, где он познакомился с молодой и красивой женщиной из хорошей семьи. Её отец был управляющим у Фальц-Фейна, а потом у помещика Скадовского. После революции её отец, больной, ютился в развалюхе на окраине Скадовска. Однажды весь Скадовск переполошила следующая картина. По улицам ехал фаэтон, в котором восседал мой дед в новом «костюме». Рубашка с пристежным воротом и манжетами была одета наизнанку. Не понятно, как он умудрился пристегнуть всё это к рубашке.

После ареста папы я стал жить у деда. За двухэтажным домом по улице Ленина, где мы жили, стоял верстак, где дед работал. Под верстаком, в стружках, спал вечно пьяный подмастерье деда Федька, которого дед не выгонял только по доброте душевной, и даже давал на опохмеление души.

Немцы потихоньку обосновывались в городе. Объявили обязательное четырёхклассное образование, Правда, все школы заняли под казармы и госпиталя, а детей учили в случайных помещениях. Учили потому, что рабы должны уметь читать и писать. Но вот наступил чёрный для херсонских ев-

реев день. В газете «Голос Днепра» появилось объявление, в котором с немецкой пунктуальностью расписывалось, кого считать евреем и где носить знаки, отличающие еврея от человека, а заодно были мишенями. Такие же объявления на немецком и украинском языках были наклеены на стенах домов:

РАСПОРЯЖЕНИЕ об отличии знаками жидов и лиц частично жидовского про- исхождения

§1 Каждый жид или лицо частично жидовского происхождения, которые пребывают в области Херсонского комиссариата», должен носить особый знак.

§2 Согласно этому распоряжению считается:

а) жидом тот, кто происходит от двух жидовских по национальности сторон.

в) за лицо частично жидовского происхождения тот, кто происходит от одной по национальности родительской стороны.

§3 Знак представляет собой круг, сделанный из ткани, желтого цвета, в 5 см. ширины.

§4 Этот знак надлежит носить:

а) на правой стороне груди,

в) на середине спины, на верхней одежде так, чтобы его было хорошо видно.

§5 От обязательного ношения знака соответственно с этим распоряжением освобождаются дети возрастом до 3 лет.

§6 Кто будет проявлять противодействие этому распоряжению или другим распоряжениям или постановлениям, выданным с целью проведения данного распоряжения, будет наказываться арестом или денежным штрафом. Вместо заключения может применяться направление на принудительные работы.

§7 Данное распоряжение вступает в силу со дня его опубликования!

Херсон, 2 января 1942 года
Областной Комиссар БЕРЕНС

Дедушкина молодая жена со слезами пришивала эти позорные знаки, а соседи спрашивали: «Почему вы мальчишке не нашивает звёзды?» – «Это мой ребёнок, и к еврею никакого отношения не

имеет». С той поры я её называл мамой, и она действительно была мне матерью.

В один из холодных февральских дней дедушка лежал больной в постели. Вдруг дверь без стука распахнулась, и в комнату вошёл дедов подмастерье Федька, от него разлило спиртным. Немецкая военная форма второго срока, без погон, сидела на нём как на огородном пугале. На рукаве была белая повязка. С ним вошли две вооружённых немца. Федька указал пальцем на дедушку и сказал: «Юда!». Немец молча указал дедушке на дверь.

– Федя, как же ты...

– Молчи, жидовская морда. Мало вы нашей крови попили!

Дедушка молча поднялся с постели и медленно, старчески шаркая ногами, пошёл к выходу. И я увидел совсем другого человека. Это уже был не весёлый, всегда улыбающийся Зёня. Передо мной был дряхлый старец с потухшим взглядом. Он подошёл к нам с матерью. Поцеловал нас и ушёл навстречу своей гибели.

Гетто в Херсоне устроили сразу за базаром. С четырёх улиц (бывших Форштадтских), ограничив с востока и запада улицами Рабочей и Карла Маркса, были выселены все жители, а в опустевшие жилища набили еврейскими семьями. Хмурым, холодным утром 1942 года в сторону гетто уныло потянулась цепочка сгорбленных стариков женщин, детей. Взрослых мужчин не было. Мужчины

были на фронте.

Моего дедушку тоже отправили в гетто. Из гетто его уводили на работы в городе. Иногда он умел договориться с охранником, и его приводили домой. Дедушка был молчалив и уже больше не улыбался.

Потом дедушка долго не приходил, и мы решили пойти в гетто. Когда мы пришли туда, то увидели только опустевшие дома. Охраны тоже не было. Мы пошли в направлении базара и услышали вопль множества людей. В конце базара стоял каменный сарай для скота. К одной из стен этого сарая немцы сгоняли последних обитателей гетто. Вокруг стояли вооружённые немцы и травили собаками тех, кто был внутри оцепления. Люди кричали, плакали, стонали, проклинали. Многие читали предсмертную молитву «Шма Исраэль – Адонаи элогейну, Адонаи эхад» (Слушай Израиль, Господь благословен, Господь един). Вся толпа была пропитана ужасом смерти. В разрыв оцепления подходили крытые грузовые машины и туда битком набивали, подталкивая прикладами и травя собаками, этих страдальцев, и увозили неизвестно куда.

И вдруг в этой толпе я увидел своего дедушку. На дедушке не было лица, только одни глаза наполненные ужасом и болью. Его губы шептали имя своего единственного внука. Я закричал «Дедушка!!!» Но люди, которые стояли вокруг, тут же меня спрятали в толпе. С той поры я постоянно вспоминаю дедушкины глаза и его немой вопль.

После этого меня прятал в селе Львово друг деда Касьяненко Сергей Ефимович, монашечка из разрушенного большевиками Алешковского монастыря матушка Евдокия, мама, и благодаря им я выжил. И когда сегодня говорят, что не было Холокоста, меня охватывает гнев и возмущение. Да, Холокоста не было (Холокост по-гречески – «всесожжение»), но было просто убийство. Имеет ли название какое-то принципиальное значение? Ведь память остаётся. Это моя память...

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

ДЕТИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ЛЕДЕНЦЫ

Монпансе вернулось в свободную продажу, вытеснив сахар из разряда дежурных сладостей. Маленькие разноцветные шарики прочно заняли место за детскими щеками. Растворяясь, они дарили их обладателям хорошее настроение и желание вновь залезть в жестяную коробку с храбрым матросом, Кремлём, трактором или другим символом трудовой или ратной доблести. А после в эту коробку отцом или матерью переселялись гвозди, пуговицы, махорка, гаечки и прочие легко теряющиеся предметы.

фото из архива Подольских

► **В 1946 ГОДУ В ХЕРСОНЕ НАЧАЛАСЬ ГОЛОДОВКА.** А у мамы была ещё мачеха, неродная мать, потому что её родная мать умерла, когда ей было 14 или 15 лет. И эта мачеха говорит: «Сдай детей в детдом, а сына не отдавай – девочек отдай, а сына не отдавай». Потому что мальчиков не возвращают, мальчиков в ремесленное училище посылали, а из ремесленного рассылали по всем городам. Была весна, мама уже пухла от голода ходила, говорит: «Дальше детей нельзя держать – умру». Она пошла в горисполком, не знаю, куда она ходила, просила, плакала, что трое детей и ещё мать старая: «Возьмите детей в детдом!». Они сказали, что нет мест, а потом она ещё ходила, сидела под этими кабинетами – плакала, и сказали, что нас возьмут.

В детдом мама нас привела, там сказали, что мест нет. И она нас оставила на лестничной клетке и ушла. Заплакала и ушла, говорит: «Дети, сидите, вас всё равно возьмут». И мы целый день просидели на лестничной клетке. А вечером там смотрят, что никто не приходит за нами, а мы по уши в грязи были, и нас вечером взяли уже. Мест и вправду не было. Койки подвигали. Кроватки были такие маленькие – ложишься на кровать с краю, где полоска железа, и она потом сглаживается, слабое уже железо. Мы лежали вот на этих железках, потому что тот ребёнок, чья кровать была, говорит: «Это моя кровать!» Он спал на матраси-

ке, а мы на железках. Я заболела сразу, у меня ангина была, меня в изолятор. Просидела я на цементе целый день, а это весна была, март месяц... Потом отлежалась...

Тогда не было враждебности. Вот сейчас показывают детские дома – это какая-то враждебность, как дети там бьют, друг друга избивают. У нас было дружно, очень было дружно. У нас воспитатели, правда, очень были строгие, но в детдоме мне хорошо было очень. Нас одевали, нас кормили, нас в школу водили. Мы жили у девочек, нас, наверное, человек двести в одной комнате спало. Мальчики в отдельном крыле были. Столовая была, кормили утром, в обед и вечером. Но только кушать же хочется! Давали же кусочек хлеба, картошечки, вермишели. Приходишь, четыре человека за столом, и смотришь – там кусочек больше ка-

жется, но не имеешь права взять, потому что твоё место здесь. Никто никогда ни у кого не забирал, у меня только галоши украли, пока я спала – у меня кто-то стащил. Ну, я походила в валенках без галош, ноги помочила, но потом смиловились, дали мне галоши...

*Костева Анна Константиновна,
1939 г.р.*

► **В ШКОЛУ ТУТ, В КИЊДІЙКЕ, Я ПІШЛА, ЦЕ БУВ 1946 РІК. ЯК РАЗ ТОГДА ГОЛОДОВКА БУЛА, ЦЕ 1946-1947 РІК.** Я пам'ятаю, що обсуждали мою мати, що віддали мене в дитячий будинок. В дитячому будинку підкармливали дітей. Я тільки пам'ятаю, як оце приносили, мама ще з роботи там – незя ж було тоді красти... Мама отакий кусюничок халвичок (ото халву робили) принесе мені, або хліба кусочки – нам ото давали хліб, ми його ховали під подушкою, я вже була дівчиною великою, і сосали той хліб ночью, тому що ми не наїдалися цим.

В інтернаті я була тільки один рік, а потім мама мена забрала. Тоді вже варили таке – лобуду варили, пшеницю варили, трошки там пшенички засиплють... Затірку робили, обычно її на молоці, а тут на воді, прямо от так терли, і ото таку затірку варили, в суп її варили, кидали.

А тоді, як уже йшла в перший клас, то я добре запам'ятала, що мішок був новий, мама покрасила в зелений колір і пошила мені плаття – плаття пошила в школу з мішка. А

сама вона ходила, то ж голодовка була, то вона купляла такі рогові головки, дитські куклочки і шила куклам платячка і ходила міняла по селам, щоб не вмерти з голоду. То вона куклу поміняє – давали чи пшенички трошки, чи мучички, допомагали.

Писали ми на газетах, і газет тоді не було. Якось директор школи тоді доставав, а коли зошити нам давали, я помню, що декілька сторінок один предмет, декілька другий, бо не було на чому писати. І шили торби для школи, з мішку плаття сшили, і з такої ж матерії пошили цю сумку. Чим писали? Ручки ті, що промакаються, чорнила давали в школі. Не було ні партів, ні стулків. Були скамейки і парти були такі, як столи, грубо збиті. То була одна школа, потім почали ще школи добавлятися. Потім книжки почали куплять. На базарі ми купляли книжки чи де, чи школа видавала – я не пам'ятаю.

*Бундуки Вера Михайловна,
1939 г.р.*

► **1946-1947 ГОД Я УЖЕ ХОРОШО ПОМНЮ. БЫЛА ГОЛОДОВКА ДОВОЛЬНО СИЛЬНАЯ В 1947 ГОДУ.** Жили в центре города, и был такой дом коммуны. Выйти и нести хлеб просто в руке – это было очень опасно, отобрали бы, конечно. Давали пайки, ну и мать посылала старших детей туда, а они давали мне эти талоны, а я маленькая, худенькая-худенькая была, ну кто знает, куда я там лезу под ногами? До мамы, может, лезу. А я добиралась в очередь, там занимали с ночи люди, сидели всю ночь, чтоб получить этот кусочек хлеба. Я подавала талоны – и назад с этим хлебом, подвязывали мне в платице, я его туда, и так уже выходила обратно. Тут меня встречали уже братья и забирали хлеб, и уже несли домой. Вот это хорошо помню – голодовку. Помню, как даже было такое: поприезжали офицеры, и они стояли на квартирах, и им выдавали пайки. А у нас пайков как таковых не было. Отец уже приехал, он был шофёром, он что-то мог заработать, и он ездил в Цюрупинск, в Голую Пристань, люди ему что-то приносили – деньгами, конечно, не было смысла брать. И кто-то что-то

даст, и таким путём он уже мог для семьи что-то иметь. Выручала людей рыба, очень много было рыбы, базар хорошо помню. Суворовскую даже помню – как камешки ложили какие-то люди, я не знаю, кто это был – пленные или не пленные... В парке Ленина – там, где дуб растёт, – мы бегали туда гулять, так там было трое похорон, три могилы, похоронили троих. Но потом (это я уже потом узнала, а тогда мне было совершенно безразлично) оказалось, там было похоронено три немецких офицера, возле дуба. Но я не знаю, забрали их или не забрали, перехоронили или нет.

Тяжело было, очень тяжело, что там вспоминать... Но люди выживали, люди стремились к лучшему, работали как работали.

В школе нас уже переселили. Это было в 1950-х годах, на судозаводе получился взрыв, там якобы газ взорвался, не знаю я, это уже в истории завода. И строили дома, и вот дом по улице Молодёжной – тут в основном были заселены семьи погибших на заводе, и нас тоже переселили, сказали – временно. Но мать сама не захотела возвращаться, потому что поселили прямо возле Петровского завода, возле самой южной проходной, и давай мы осваивать новое всё... Там сад большой был, уже нам было легче. В этом саду чего мы только не ели! Легче стало, и я уже пошла в школу. Трудно было, но старались, всё-таки семья большая.

*Гаврилова Людмила Абрамовна,
1931 г.р.*

► **ПРИЙШЛА В ШКОЛУ КОМІСІЯ ПЕРЕВІРЯТИ, ЧИ Є ВОШІ.** Проверяли голову, одяг, усе – треба було роздягатися. І це треба було роздягатися і в трусиках виходити до лікарів – вони там і воші перевіряли, і слухали, усе. А які там трусики? В кого були, в кого не були. В мене були, а в моєї подружки не було. А ми сиділи за однією партою. Вона мені каже – дай мені свої труси – спочатку я, а потім ти. Так і зробили. Тут вона вийшла, а мене зразу визивають за нею. Я її потім так ругала. Ну якось там вийшло, що когось ще визвали, я встигла її дочекатися. Така була біднота.

...Якось в школі спросили – у кого батько загинув на війні? А в мене що – не на війні? І в мене на війні загинув батько. І тим давали – кому форму, кому сапоги. І мені дали кирзові сапоги. Я ж йду така довольна в тих сапогах, прийшла, а мама – нащо ти взяла ті чоботи? От як взнають про батька, що він... – ти знаєш, що може бути? Ну нічого, так я в тих чоботах проходила, зносила їх.

*Гоманюк Катерина Николаевна,
1941 г.р.*

► **ПОМНЮ, КОГДА МЫ ТОЛЬКО ИЗ ГЕРМАНИИ ВЕРНУЛИСЬ, ИЗ ЛАГЕРЕЙ, МЫ ЕЩЁ В КИЕВЕ БЫЛИ, И МЫ ВЫШЛИ С МАМОЙ В ГОРОД.** И там шли немцы, пленные. Они же в основном восстанавливали весь Киев. И вот я смотрела на них и говорила: «Ну что идёте? Мало вам?» Мама моя не понимала, она меня дергала за руку.

Потом 1947-1948 годы – это был голод. Маме семечки какие-то привозили, она их жарила и продавала, чтобы кушать хоть что-то... Папа не работал, он начал болеть и в 1948 году умер от рака горла. Мама осталась сама. Она работала техничкой в школе, и я рядом с ней. Где-то даже и помогала, подтирала. Не было у меня детства, когда я была маленькой, я не играла в игрушки. С мальчишками дралась, защищала себя. Когда мама работала техничкой, ей говорили: «Иди быстро, там твою бьют!». Она шла, а там возле ворот трое мальчишек и я одна, и я с мальчишками этими дралась и побеждала их. А почему дралась? В седьмом классе у меня ещё косы были, и меня с подружкой к парте привязали мальчишки. Меня вызвали на уроке черчения, я встала, дёрнулась, и на голову чернильница упала (ещё были эти наливайки-чернильницы). А у меня была скакалка, я повернулась и этой скакалкой как дала мальчишке! Меня выгнали из класса, это первый и единственный раз, когда меня выгнали из класса, и вот из-за того они меня били втроём – за то, что я опозорила их, мальчишек, но я справедливо защищала себя. Я сильно любила правду. Если обманывают, я готова была за это...

Купаться нельзя было, запре-

щали. Я помню, раз пошла купаться, пришла домой, мама меня увидела: «Тебе же нельзя, у тебя глаза болят!» И она взяла лозину и начала меня бить. Мне было так больно и так стыдно, там ещё девочки стояли, и я молчала. Она начала меня ещё сильнее бить, говорит: «Тебе же больно, чего ты молчишь?» А я молчу, потому что девочки стоят. Как Зоя Космодемьянская.

Я один раз получила двойку по математике и один раз по немецкому языку. По немецкому учительница сказала: «Как ты можешь получить двойку по немецкому? Ты же все знаешь!» А я забыла тетрадь – один раз и второй раз. Мы жили в маленьких комнатках, у нас не было обстановки, не было такого уюта, как сейчас. И вот я получила две «двойки», и я хотела в кино пойти. А тогда была зима, и было кино «Тревога», и я у мамы спрашиваю (я всегда спрашивала, когда уходила, я один раз ушла купаться без разрешения – и получила за это). Я говорю: «Я хочу пойти на кино «Тревога», а она: «Сейчас тебе будет «Тревога!» И пошла закрывать дверь. На ключ закрыла дверь, и достала такую веревку: «Ты меня позоришь, ты получила две двойки!» Я: «Мама, я знала, я просто тетрадь не взяла!» И помню, что она меня бьет, а я перепрыгиваю с одной кровати на другую, выпрыгиваю из комнаты, а там мороз, такой снег! Дорожка маленькая, я бегу, она за мной выбегает, поскользывается и падает в снег, и говорит: «Не приходи». Я пошла к соседке, и соседи потом как парламентарии пошли к ней, говорят: «Вы её простите!». И это для меня была такая ночь... Я думала, что маме там плохо, у неё болит сердце, ну как же я могла такое...

*Шаварина Ольга Лазаревна,
1938 г.р.*

► **КАКИЕ МЫ БЫЛИ? ВО-ПЕРВЫХ, ВСЕ ГОЛЫЕ, БОСЫЕ, ВСЁ ПОСНОСИЛОСЬ.** Пришли мы в свою хату и жили – как мы жили? Босиком ходили, а в школу ходили по очереди, потому что не было что одевать. Я помню, что на дворе уже иней был, а я думаю: «Буду идти не по вытопанному, а по траве или по

фото из архива семьи Данчук

пылюке, не так будет холодно...» Не было во что одеваться, не было во что обуваться. По воду мы ходили... У нас до войны было полно ведёр, где оно всё подевалось? У нас было одно ведро – не ведро, а коробка: был в Херсоне до войны консервный завод, а, когда началась война, его стали разбирать, и отец принёс несколько коробок, и эта коробочка почему-то оказалась с дыркой. И я ходил по воду под скалу, и мама говорила: «Если будет течь, то ты туда скалы надолбай и заткни дыру, чтобы не текло». Сейчас кричат на телевидении «стоп микробы», а мы скалу долбили и землёй дыры в ведре затыкали...

Ели какую-то кашку, какую-то крупу, началась голодовка. Отец пришёл из армии, себе привёз китель жёлтый. Меня в школе дразнили – не было что одеваться, и я этот батин китель носил. В 1947 году отец ушёл, а была голодовка. Раньше у нас были козы, мы резали этих коз. А когда есть стало нечего совсем, а на дворе пурга такая, я полез на чердак, достал козью кожу, посолил... Я был самый слабый, я первый начал эту кожу варить. А через овраг жили люди, так они умерли – вся семья умерла. За углом на улице люди кошку и собаку съели... Вот так после войны мы жили. Так для того, чтобы люди не вымерли, мама работала в госвин-рассаднике, там давали на работающего чи 100, чи 200, чи 150 грамм хлеба – это на нас на пятерых. И в одном котелке (я даже помню этот

неполный котелок) была какая-то крупа, вода – и всё. Вот так мы выжили.

Я после войны заболел, год школы пропустил. У меня друг был, тоже 1934 года рождения, он ходил в школу. Так у него был учебник – букварь на русском языке, и я запомнил, что он говорил: украинское «і» вот такое, а русское «и» вот такое, а я запомнил. Писали мы на газетах между строк. Была только чернильница и ручка. И когда отец привёз с войны эти ручки – называлось перо «рондо», – то ни в коем случае не разрешали им писать, запрещали, потому что ты не будешь каллиграфически писать. А сейчас все пишут шариковыми ручками, и ничего... Мы и в школу ходили голодные, и из школы приходили голодные. У меня был одноклассник, а у него был брат Петро, и он украл три капусты. Ему дали 10 лет тюрьмы, и, характерно, что он там схватил туберкулёз и умер.

Я помню, что был день, когда сказали, что карточки отменили. На Стеклотаре магазин был, и туда люди каждый вечер ходили, и такая давка за хлебом была! Очень трудно было, хотя уже и отменили карточки, но лучше б эти карточки были. Кто сильный был – тот и брал. Давились, выдавливали... Слабые там просто не стояли, а если попробуешь стать, то тебя просто вытолкнут.

В 1946 году была ещё и засуха. И вот как я выжил: на МИС (машиностроительная станция)

был начальник, он жил по той же улице, где жил мой друг, и он маме предложил: «Пусть ваш Володя пасёт мою корову и корову технического руководителя». За это они меня кормили три раза в день. Чем кормили? – кукурузная крупа и молоко, и миску такую давали, что в первый раз организм насытился, и я не поел это всё. Так я выжил. А в 1947 году отец с мамой порвал и ушёл от нас, платил алименты. У мамы такой характер был... А после армии я к маме уже не поехал, а пошёл к отцу на посёлке Стеклотара, там я и жил...

*Кедровский Владимир Трофимович,
1934 г.р.*

► **1947-Й ГОД БЫЛ ГОЛОДНЫЙ. В КОНЦЕ 1945 ГОДА У МЕНЯ РОДИЛСЯ БРАТ.** После войны, когда мы возвратились в Херсон из эвакуации, бабушка куда-то пошла и притащила нам мешок советских денег, говорит маме: «Выбрасывали, а я собирала, иди и купи корову». Часть денег подпорченные были, а часть нормальные. И мама пошла покупать корову, и нашла такую хорошую коровку. Раньше ведь было как? Если корова давала меньше 20-18 литров – это уже была не корова... Пришла покупать, мужчина говорит: «Берите!» Она: «А у меня ж денег не хватает». Он: «Берите, я вам поверю». – «Так вы ж меня не знаете?» – «Ничего, я вам поверю». Я хорошо помню – дядя Вася Дубовалов из Кизомыса. Мы подружился с ними, папа им шил сапоги, и довольно таки часто встречались... Сначала держали корову в хате, сами в двух комнатах. А когда папу арестовали, коровы у нас уже не было, у нас была только коза – наверное, корову продали, потому что было очень туго. Плохо было в 1947 году, потому что помню, брат проснулся и говорит: «Я хочу молочка и пряничка». Мама заплакала – какой пряничек и молочко, когда у нас ничего? Он: «Мама, не плачь, я пошутит, я хочу хлебушка и водички». Мама говорит: «У нас и хлебушка нет...»

Бабушка в аптеку пошла работать уборщицей и санитаркой. Провизором там был Соломон Михайлович, он всегда говорил: «Вот,

выпейте рыбьего жира, закусите хлебушком» – поддерживал бабушку...

12 лет мне было, помню, что девочки вместе с хлопцами в войну играли – «немцы» и «наши». И, вы знаете, бились до крови, камнями так пуляли, что ужас! Можно ска-

зать, нас улица воспитала. Школа и улица... Драки были из-за территорий: забалковские дрались с военскими, мельнические тоже с военскими, причём это всё в центре в городе. На своей территории дрались между собой... У меня брат Женька был довольно хулиганистый, хоть он и младше. Он, например, требовал с младших классов, чтоб ему давали спички, он делал из них пугачи. А наш класс не трогали, говорили: «Не трогай, это Жекина сестра!» Я уже в институте была, вышла из института, и меня начали забрасывать снежками, так слышу, кто-то говорит: «Да ты что? Ты знаешь, кто это пошёл? Это же Жекина сестра...» Защита такая была, авторитет был...

*Красутская Александра Георгиевна,
1935 г.р.*

► **КОГДА ТОЛЬКО ОСВОБОДИЛИ ХЕРСОН, МАМА ЕЩЁ БЫЛА В АРМИИ, А Я С БАБУШКОЙ ВЕРНУЛАСЬ СЮДА.** Мы ехали почти месяц с Урала в товарном вагоне. Муж моей тётки был на войне ранен,

и его отправили сюда директором базы «Заготзерно». И ему как инвалиду войны помогли выдать вагон для эвакуации, и мы ехали в товарном вагоне. Ехали очень долго, потому что нас цепляли к попутным поездам, иногда по несколько суток мы стояли. И вот когда мы приехали на херсонский вокзал, вокзал был разрушен совершенно, транспорта никакого тогда не было, дедушка нас с вокзала забрал. А дедушка пришёл тогда раньше с нашими войсками, он до Апостолово доехал, тогда уже восстановили дорогу. А оттуда он с войсками пришёл. Дедушка нас встречал с большой телегой. Мы нагрузили свои вещи туда, бабушка села, а мы туда не поместились, и мы с тёткой пошли пешком. И мы до угла улиц Ришельевской и Декабристов шли пешком. И я помню этот весь путь от вокзала. Слева – там, где сейчас базарчик, была кленовая рощица, и там цыганский табор был. Там было поле кукурузы, но когда мы шли, там бурьян только был. Уже потом уже посадили туда кукурузу и подсолнухи. Там, где сейчас Жилмассив, магазины, сталинские дома – там поле было, до самого кладбища. На площади Свободы тоже бурьян рос, тоже был пустырь. Слева туда подходили одноэтажные домики района Мельниц. Справа, где кино-театр «Украина» – там была электростанция, она была разрушена. Там, где главпочтамт, была каланча пожарная, а рядышком с каланчей была макаронная фабрика. А на месте, где «Детский мир» (сейчас там «Фокстрот»), была водонапорная башня – высокая деревом обшитая водонапорная башня.

Мы шли не с пустыми руками, а с двумя котятками, мы везли оттуда кошку и двух котят. Кошка сбежала по дороге, сильно вагон болтало, и она выскочила, а котятки спали в корзиночке, и они выжили. А везли их потому, что нас предупредили, что здесь была масса крыс, невообразимое количество крыс было в городе, и мы привезли защитников своих – котят.

Много домов было разрушено. Тот дом по улице Декабристов, в котором мы жили до войны (мы хотели в него вернуться) был раз-

рушен, одни стены стояли. А мой дядя работал директором «Херсонгужтранса», это лошадиный транспорт, и эта контора располагалась в здании на углу Ришельевской и Декабристов (там сейчас клиника «Торнадо»). На первом этаже был его кабинет, а на втором «красный уголок» – большая комната. И он как родной дядя сказал: «Поживите пока в красном уголке, пока отстроят ваш дом». Ну, и мы пожили «пока» там почти 20 лет, потому что когда дом отстроили, нам там квартиру не дали. Отопления в красном уголке никакого не было, печь была с другой стороны, но там уже жили другие люди, а мы отапливались сами: зимой буржуйку ставили, плиту чугунную, и через всю комнату висели трубы к форточкам.

Развалин было много в центре города. Дом Скарлато был разрушен. Мы сами окна ставили, привезли с Урала стёкла, потому что здесь не было стёкол. Мы вставили стёкла, и уже где-то через месяца два, как мы вернулись, какой-то немецкий отряд прилетел, сбросил бомбу недалеко от нашего дома, и у нас повывлетали стёкла, мы их не ждали, окна не заклеивали. Пришлось из осколочков вставлять... Бомба как раз попала за два квартала от нас, мы бегали смотреть воронку, заглядывали.

Развалины домов – это было место наших детских игр. Нам родители запрещали, но мы туда прибегали и рылись там, и там можно было очень много интересных вещей найти: какие-то осколки посуды битой, какие-то железочки, тряпочки, и мы там копошились, рылись – и не только дети, там и взрослые рылись. Развалы эти первое время разбирали пленные немцы. У нас во дворе тоже бригада пленных немцев была. И вот один немец как-то, пожилой такой, в очках кругленьких, подзвал меня, погладил по голове, я так боялась подойти... А потом он заговорил со мной – немного русских слов, немного немецких, сказал, что он любит детей, что он учитель, и что Гитлер плохой, показывает – пах-пах. Я пошла бабушке рассказала, а бабушка взяла кусочек хлеба, сала положила, сказала:

фото из архива Кедровского

«Отнеси ему». Я отнесла ему, он мне потом дудочку сделал и подарил, потом какую-то крышечку от шкатулочки нашёл – подарил, а потом их перевели на другой объект.

Карточки были продуктовые, были хлебные отдельно и были промтоварные. За хлебом всегда я ходила, это была моя обязанность, и вот стою в очереди час, два, а хлеб всегда на вес давали, по норме. На иждивенцев чуть поменьше, на работающих – побольше. Отвешивают хлеб: такая буханочка, сверху ещё кусочек, потом ещё кусочек. Я по дороге те маленькие кусочки съем и принесу чуть поменьше. И я стою в очереди, хлеб пахнет, и я прям представляю, как я буду его кушать понемножечку, как я буду жевать его долго-долго, он сладенький-сладенький тогда получается... И вот я подошла, тётенька-продавщица мне положила один кусочек, сверху ещё кусочек, и я так бережно отхожу, чтобы эти кусочки не упали, и тут кто-то схватил кусочек и себе в рот затолкал, мальчишка какой-то. Я растерялась и думала, что делать – плакать, или кричать, или бежать за ним, или что? А потом подумала: «Но у меня ж ещё остался, а у него ж ничего нет». Быстренько затолкала в сумку этот хлеб и побежала домой.

Промтоварные карточки выдавали так: в одном месяце метр синего ситца, на следующий месяц – метр коричневой байки. Хорошо, что у нас семья большая была, и мы по очереди кому-то шили платья,

рубашки – всё, что нужно было. Иногда продуктовые карточки отоваривались неравномерно: ждут постного масла, а постного масла нет. К концу месяца приходят: «Масла нет, есть рыбий жир». Ну, давайте рыбий жир. На этом рыбьем жире рыбу ещё можно поджарить, а картошку уже не поджаришь, в кашу уже не положишь, трудно было очень. Карточки, бывало, меняли и продавали. И купить можно было карточки на толчке, но это очень дорого и порой рискованно, потому что карточки часто были именные. Они не восстанавливались, и если потеряли карточки или у вас украли – то всё, вы уже не получите ничего.

Потом уже, после войны мы получали пайки, которые американцы присылали, и вместе с карточками выдавали нам часть американского товара. Мне один раз достались туфельки парусиновые, с отделкой под крокодиловую кожу. Но мы летом босиком все ходили – с мая по сентябрь, а к осени у меня нога выросла, и я их очень мало поносила. Так было обидно и досадно! В этих американских пайках мы получали яичный порошок – это как лакомство было, сухое молоко, но это было очень редко и немножко. Но самое интересное для нас было – это шипучие порошки. Берёшь стакан воды, насыпаешь туда порошок, он шипит, сладкий и газированный получается, и пахнет хорошо – типа газированной воды. И я с тех пор обожаю газированную воду.

Дома без удобств были, водопровод не работал, и мы с улицы Декабристов первое время ходили на Днепр набирать воду. Это была вода и для питья, и для купания, и для стирки, а много ли наносишься с порта и до верха? Но вся семья ходила, это у нас такой поход был водяной. Воду, конечно, сэкономили: в одной воде что-то двадцать раз помоят, постирают, сполоснут.

Крыс было много. Столько было крыс! Даже были случаи, когда крысы людей кусали и загрызали. На углу улиц Горького и Рихельевской было большое здание – строительное управление и ремесленное училище. И там мастер наказал одного мальчишку, закрыл его в подвале, и его там покусали крысы. Толпа людей ругалась, кричала... Мальчик живой остался, но лицо погрызли ему сильно.

У нас туалет был во дворе и там же и помойная яма. И там крыс видимо-невидимо. Пойти в туалет – это сразу компаньона ищешь. Берёшь палки, топаешь ногами, кричишь, бьёшь палкой по забору... Они немножечко разбежались – и только тогда пойдёшь в этот туалет. А потом я видела, как они ушли из города, эти крысы, ушли они массово. Тогда раздавали всем вокруг города огороды, кто хотел – все брали, просто на один сезон. Колхозы тогда ещё не стали на ноги, и все получали по кусочку земли. И мы получили кусочек земли, посадили там кабаки, кукурузу, всё однолетнее. И возвращались ночью на поводе, не было тогда машин, один автобус ходил № 1 – от театра до комбината имени Сталина. И вот мы наняли извозчика, погрузили кабаки, урожай, который собрали, и уже ночью ехали. Луна такая яркая была, полнолуние. Доехали до площади Победы (тогда там просто развилка была), и тут лошадь начала ржать, и ногами так переступает, переступает. А мы не можем понять, что случилось, подгоняем её – а она не идёт вперёд. А потом смотрим – а брусчатка колыхается... А после войны, в 1947 году было землетрясение в Херсоне довольно сильное, мы думали, это снова землетрясение. А присмотрелись – это крысы идут сплошным ковром, видны одни спины

у них. И они пошли под мост, на Николаевское шоссе. Мы ехали со стороны Белозёрки, а они пошли под мост в сторону Чернобаевки, и долго шли, много, полчища этих крыс! Мы поджали ноги, замерли и сидели на подводе как мышки. Они не обращали на нас внимания, мимо прошли. Как они ушли лошадь – пошла вперёд. И с тех пор как-то их меньше стало, они ещё долго были, но уже не так массово.

*Кузнецова Элеонора Орестовна,
1938 г.р.*

► **РОДИЛСЯ Я В ГОРОДЕ ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ, А С ГОДОВАЛОГО ВОЗРАСТА ПЕРЕЕХАЛ В ХЕРСОН.** До сих пор и нахожусь здесь, поэтому я даже не знаю, как мне считаться – уроженцем города Херсона или уроженцем города Днепропетровска.

Из детства помню, что нехватка была еды, и я ходил везде. Были такие, кто меня не прогонял, и так получалось, что один день я раза по три обедал, другой день раза по три завтракал, третий – раза по три ужинал. Я был маленьким шкетиком, меня все принимали, и принимали очень долго, покамест у людей не появились свои маленькие дети. А вот когда у них дети появлялись, они уже не отдавали того, что они отдавали, когда у них детей не было. Но они всегда то конфеткой делились, то сладостями какими-то.

На ёлку приглашали, маму и папу приглашали украшать ёлочки. Один раз ситуацию помню: мой дед меня обманул так, что я горько плакал. Мне родители всё-таки позволили купить велосипед детский. Дед переоделся Дедом Морозом, мы ждали его под ёлкой, а он обошел с другой стороны, взял мой грязный велосипед, помыл и принёс мне в подарок. И когда я увидел велосипед, я: «Что, ещё один?» Но когда я увидел, что этот тот же мой, я горько плакал. Все смеялись, а я плакал.

Как-то было, что меня взяли на охоту, и я не смог... Я так поучаствовал в охоте хорошо, а потом так переживал, что подстрелил голубя, я не смог это всё спокойно пережить.

Детство у нас прошло на ули-

це, всех нас учила улица. Улица тогда была не такая, как сейчас. Тогда действительно был и патриотизм, и гуманность, и вежливость какая-то. Да, была определённая степень хулиганства, да, было, что до слёз побили там... Мне было порядка трёх лет, была уличная компания, до 15 лет возрастом. И вот сбила собаку машина, овчарку. И она лежала, и вот, значит, эта компания забрасывала её камнями, и я забрасывал. И собака, помню, последний раз посмотрела так жалобно очень... Посмотрела на нас с таким видом, как будто она нам прощает вот эту боль, эту бесчеловечность, и умерла, сдохла. Я пришёл радостный домой, часа в три ночи, и у меня сталась истерика. Перед глазами представилась эта собака, и мать часа полтора-два меня отходила, чтобы я ожил. После этого я не могу животное никакое... Разве что комара, и только когда он назойливо кусает, муху могу отогнать, но бить... Всё живое должно жить. Вот это ощущение у меня с детства осталось...

Когда я пошёл в школу, я начал писать стихи. Я помню, сразу в первом классе я получил пятерку за стих, который написал на вольную тему, написал про чёрный Днепр при зимней погоде...

Мой первый класс – это была мужская гимназия, 26-я школа на Ушакова. Были мужские и женские гимназии, я это больше уважаю, чем то, что потом пошло – смешанное обучение. У нас, у мальчиков воспитывали какую-то гражданскую позицию, позицию выручать девочек. А когда потом взяли и объединили, в 1956-м году, я перешёл в другую школу. И я увидел сразу, что сосредоточенность в классах пропала сразу, потому что девочки смотрели на мальчиков, и обоюдно было всё. Начались эти записочки, эти летания плевков, подкладывания кнопочек, поджоги спичек – не потому, что мальчик шалил (энергии, конечно, у мальчишек больше), просто чувствовалось желание перед девочкой, чтобы она больше на него обращала внимания, чем на окружающих других ребят. Если я был круглым отличником, то, перейдя в другую школу, я стал троечником, потому

фото из архива семьи Катановых

фото из архива семьи Пляс

что там такие учителя были... Как у генерала свои дети – так у учительницы свои... Школы были объединены, была мужская – стала смешанная, была женская – стала смешанная, но тогда люди переориентировались к своему месту жительства. Если мужская у меня самая близкая была – сюда я и ходил, а дальше в половину расстояние стало меньше, родители туда перевели, меньше идти, меньше их переживаний по поводу моего отсутствия...

Я играл, начиная со школы. У нас была азартная игра – жостик: это кусок носка или чулка, обрезанный, в который засыпано зерно и завязано. И у вас одна нога постоянно должна быть навесу. И вот вы прыгаете, прыгаете, подбиваете, и так от ворот до ворот, пытаетесь забить кому-то гол. Все мы играли «об стеночку», у нас была мелочь у родителей, на мелочь что-то можно было купить, то же мороженое 25 копеек. И так об стеночку через рисочку били по монетке торцом, и смотрели, как она отскакивала. Кто достигал на уровень растяжки между пальцами – значит, эта монетка была его. Отрабатывалось и умение концентрировать свою мысль, и сила удара, и ловкость... Ещё было колесо – обод от колеса телеги, и мы гоняли вот этот обруч, интересно было. У каждого возраста был свой диаметра обруча,

у меня маленький, у кого-то побольше... В детстве тут же стояли большие снега, засыпало с рост человека, и когда проходила машина, то утапывалось это всё, и мы на коньках за этой машиной... Проезжали телеги, сани на лошадях, машины редко, но машина так уплотняла дорогу, что можно было спокойно ехать.

В то время была забота о детях. Не было случая, чтобы к нам ежегодно не приходили со всех спортивных и творческих студий и приглашали. Поэтому я и в боксе участвовал, пока меня пару раз не избили. Я участвовал в лёгкой атлетике, я участвовал в футболе, пока меня не толкнули вместо мяча, я содрал колено, всё ободрал и перестал туда ходить. А играли мы на валах. Ходили на валы, потому что там был специальный промежуток, равнинная площадка, на которой нельзя было выбить мяч высоко, он не перелетал, он скатывался. И мы устраивали там соревнования. Был единственный у нас стадион «Спартак», там проходили футбольные матчи.

Всякие праздники устраивали. По поводу 1 Мая – это было интересно, массово... Везде радостные лица, отец приподнимал меня, потому что у трибуны что ты видишь? По пояс видишь. Он приподнимал меня на руках, чтобы я хотя бы видел людей, машущих

в нашу сторону с трибуны, эти радостные лица, Крики «ура», эти лозунги... Конечно, тяжело было маленьким детям семенить, семенить... А на улице сколько этих яств, сладостей! Взрослые, конечно, позволяли себе более горячительные напитки, но нам никогда не отказывали ни в лимонаде, ни в лакомствах каких-то, ни в пирожках... Какой-то настрой был у людей... Мне было приятно, что к праздникам всегда давали какие-то материальные льготы, и не только это, устраивали удешевления продуктов.

У меня с чернильницей в детстве много связано. Ещё в мужской гимназии, в младшем классе – знаете, всегда находятся такие, которые достают. Вот один доставал – доставал меня... Так самое главное не то, что он доставал, а то, что окружающие ребята смеялись. И вот один раз я пришёл, подошёл к нему и отметелил, и думал так: «У меня руки уже упали, он вот сейчас поднимется, как двинет мне!» У меня уже сил не было, я выкладывался – по голове, по физиономии ему своими маленькими ручками... Я отошёл, сел за парту, а он поднимается, берёт чернильницу и кидает в меня. И она попадает мне прямо в лоб, ну чуть ниже, в глаз, так и облила меня всего. Я мылся, меня отправили к врачу. Я в этот день пришёл домой, вот это я пом-

фото из архива Кедровского

ню – чернильницу... Я помню в этих чернильницах осадок, заставляли писать аккуратно, росчерком пера, а если там кусок грязи или ваты (а дети специально набросали туда, чтобы этот комок к тебе пришёл, ещё и отвлекали, когда ты пишешь) – в результате клякса... Все смеялись, а девочка даже плачет, потому что так издеваться над людьми нельзя...

Была гордость, когда я в пионеры был принят. Это ж не так просто, это был настоящий экзамен. Сидели старики и старушки. Что в пионеры, что в комсомол, что в партию – всё время одни и те же вопросы, например, кто секретарь коммунистической партии Гондураса. Ёлки-палки, тут бы в своей стране разобраться, а там такие вопросы! Они читают в газетах и журналах, вычитывают и задают исподтишка. Из-за этого общий мандраж – как это так, если не пройдёшь... Этот галстук пионерский, значок октябрят... А потом такие сдвиги пошли, что галстуки начали прятать – это позже уже было, начали не так к галстукам относиться пионеры, носили шиворот-навыворот. Где-то мы упустили...

*Левченко Николай Алексеевич,
1945 г.р.*

▶ **ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ. ВСЕ ПАЦАНЫ ГОДА ДВА ПОСЛЕ ВОЙНЫ, С 1945-ГО НАЧИНАЯ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ ХОДИЛИ ПОЕЗДА**

ВСТРЕЧАТЬ. У нас поезд один раз приходил. Приходили встречать – нет ли твоего отца... Так хотелось... Я целый год ходил... Но он так он и не появился, несмотря на то, что получали ответы на запросы, что в захоронениях такого нет. Но там же месиво было...

Я в 1946 году закончил семь классов и поступил в техникум – только открылся у нас первый техникум. Закончил его в 1950-м году, пошёл работать на лесокombинат. Тяжело было, не смотря на то, что и учились, и пайки получали. Получишь, выкупишь эту булку хлеба, а хлеб был такой – пекли в формах, смазывали не маслом, пахла булка керосином и весила не килограмм, а больше. В техникуме отоваришься хлебом, спрячешь его и понемножку ешь, есть-то хочется. Лето – всё лето ягоды, у нас ягод полно: малина, крыжовник, грибы. Грибы – это в первую очередь.

*Иванов Генрих Иванович,
1931 г.р.*

▶ **В 1947 ГОДУ, КОГДА БЫЛА ГОЛОДОВКА, ДЕДУШКА ЗАНИМАЛ КАКУЮ-ТО ВАЖНУЮ РУКОВОДЯЩУЮ ДОЛЖНОСТЬ В ДЕРЕВНЕ,** но с голоду пухли все, и наша семья. Бабушка рассказывала, что он где-то поехал в командировку и каким-то образом раздобыл кукурузную муку для односельчан, привёз, и все в деревне бегут, бегут. А бабушка фар-

тук такой носила, мешков же не было, была такая беднота, что мыши мешки поели, она побежала туда и в этот фартук ей насыпали, такая довольная... Так вот выжидали...

Аноним, 1949 г.р.

▶ **ВОТ Я ПРИЕХАЛА ИЗ ГЕРМАНИИ, СТАЛ ВОПРОС, ЧТО ДАЛЬШЕ.** В 1945 году мне исполнилось 18 лет, что дальше? Решили, что я пойду в школу всё-таки, и я пошла. Тогда это была женская школа, на Суворова, напротив домика Суворова. Сейчас это 16-я школа. Ну, я переросток была, там были все девочки 30-го года, а я 27-го, на три года старше. До войны я шесть классов кончила, но пошла сразу в восьмой, сказала, что семь закончила. Короче, я закончила школу с золотой медалью.

Решила учиться в Ленинграде, отправилась в Ленинград. Сначала я думала в юридический поступать, но его там не было. В институт я хотела, не в университет, в университете был факультет, а я хотела в институт, поскольку он четырёхгодичный был – юридический имени Калинина, он на территории университета ленинградского, но там общежития не было, а я была связана: родители мои были из бедных, не могли, чтоб я жила на частной квартире.

Короче говоря, пришлось мне поступить в институт иностранных языков, причём пятигодичный. Он возле Смольного находится в Ленинграде. Поступила, сдавала только иностранный язык, сдала – знала его хорошо, немецкий. Сдала на «отлично», и приняли меня в этот институт... Учёба была очень интересная, институт хороший, богатый, приглашали много знаменитых артистов, жизнь кипела студенческая, всё было прекрасно, но мне почему-то перспектива быть преподавателем не нравилась. Я проучилась всего год и забрала документы, понесла в институт юридический, ничего родителям не сказала. И пришлось мне таки год жить на квартире, потому что там общежития не было. На квартире я жила со старухой и её дочерью взрослой, в одной комнате. Тот год был ужасный, это был 1949

год. Морозы были до 30 градусов, я была одета очень плохо. Квартира, где я жила, не отапливалась совершенно. Мы все ложились трое в одну постель, накрывались всем, что было. Представьте, как утром вставать, когда на столе стакан воды замерзший стоит? Это ужас был... Пока я добегала до института, я промерзала, и в институте сидела до конца занятий в библиотеке, до позднего вечера, потому что там отапливалось, а потом уже отправлялась на ночевку домой. А затем уже на второй год, на втором курсе, наш институт стал арендовать у финансового института бывший спортивный зал. Там нас жило 25 человек в комнате, и там я прожила остальные три года.

*Матвиенко Белона Акимовна,
1927 г.р.*

► **ВЕРНУЛОСЬ С ВОЙНЫ У НАС ОЧЕНЬ НЕМНОГО...** Вот, например, я возьму про своих: папа, восемь сестёр и два брата. Папа вернулся инвалидом, брат вернулся раненый в первый раз, нога пробита, контуженный. А у мамы тоже десять душ семья: 5 братьев, 4 погибли, а пятый пришёл, это урод был из уродов на всю Херсонскую область, разорвало ему всё, остался только глаз и брови, нос было две дырки, рот перевороченный, эта впадина – сшито всё... Он три года был в Сочи, не приезжал, а потом написал письмо, и пособирали денег: кто курицу продал, кто ведро молока, кто десяток яичек, и собрали, и поехали. Тётка поехала в Сочи, привезла его, забрала, так он страшный такой, что, как люди увидят, то старались смотреть друг на друга, чтобы на него не смотреть. Так он из дому не выходил никуда, и прожил 84 года, работал, он был мастер большой, и сепараторы исправлял, и часы исправлял, и всё. Приходит День Победы, Цюрупинский военкомат приходит моего папу поздравлять. Привезли блюдечка, чашечки, чайный сервиз и три цветочка, как сейчас помню – гвоздики. А я сама приехала из Херсона, я уже в Херсоне работала. Я и говорю: «Вот как вы так делаете? Этот воевал – вы пришли и поздравили, а через три дома живёт калека – урод уро-

дом, он никуда не выходит из-за своего лица. И как его не поздравить? Почему не поделить эти три чашечки, по одному букетику двум подарить? Что он, не воевал? Он всю войну прошел!» Мать: «Перестань, перестань!» А я как завелась, говорю: «Как не стыдно!» А он живёт как раз через дорогу, и я повела их туда. Они посмотрели и с тех пор стали и его на День Победы поздравлять. Уже принесут и ему три цветочка, ему ж это приятно...

*Катанова (Филипова)
Мария Григорьевна, 1930 г.р.*

► **У НАС В КЕМЕРОВО НЕ БЫЛО РАЗРУХИ, ВСЁ ЦЕЛОЕ БЫЛО.**

Бодрое настроение было, не было какой-то апатии. У нас заводы были, фабрики, шахты, химиче-

ский завод. Папа был у меня офицер, и для них специальные льготные карточки давали, после войны тяжело было с продуктами. Мы с подружкой шли в магазин в 10 часов вечера, это летом было, брали газетки, расстлали на ступеньках газетки – и спим. А кто приходит уже ночью или утром, тот видит, что мы первые, и мы всегда первые брали продукты на эти карточки, не боялись. Карточки на всё: крупа, масло, сахар, хлеб. А сейчас попробуйте, останьтесь, стоя у магазина – прибудут, а тогда не было такого...

*Силантьева Мария Кузьминична,
1933 г.р.*

► **Я ПОШЁЛ УЧИТЬСЯ, УЖЕ ДЕСЯТЫЙ ГОД МНЕ ШЁЛ.**

В этот период показывали только наши фильмы, и это было только раз в неделю. В школах мы писали карандашом по газете. Вот тогда в школе показывали нам фильмы о войне.

Когда собирали допризывников в военкомат на обучение, то меньшие дети рядом с палками ходили, маршировали... Были и печальные случаи, когда снаряд дети нашли, сели кружком, начали разбирать, а он взорвался. Шесть человек в один мах не стало... Нельзя сказать, что много так погибало, потому что старшие всегда рассказывали, что нельзя трогать. Все были приучены к тому, что увидел – быстро надо сообщить.

В моём окружении в основном все мы, дети, работали. Мама на работе, то одно нужно делать, то другое, то мобилизовывают. Мы колоски ходили собирали, то сапки брали и выезжали сапать то кукурузу, то ещё что-то. Ну а в зимнее время сильно не погуляешь, потому что все были полураздетые.

А стирали знаете как во время войны и после войны ещё долгое время? С печек выбирали золу, собирали в мешочек, раскалапуцывалось, и в этом одежда стиралась, зола всё убивала.

1946-1947 года – я помню как сейчас: мы с ребятами пошли играть, нас было человек шесть, и идёт женщина. Был апрель месяц, и она говорит: «Видите – гром гремит, а дождя нет? На деревьях нету листочка, значит, будет голодовка, будет засуха». Это мне так в память врезалось... И это оказалось правдой. Тогда на Украине открылись кооперативные магазины, в этих магазинах продавалось растительное масло, крупа и повидло разное. И в этот же момент карточки были. Получалось так, что если есть деньги, то семья могла что-то купить в кооперативном магазине. Но вместе с тем подножный корм шёл в питание, мама моя супы готовила с крапивы. Люди стремились кушать горячую пищу, делали затирку: муку трёшь, она скручивается и маленьким кусочками падает в воду, или же галушки, масла чуть-чуть, цыбули – если есть...

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

► **ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАС ЗАСТАЛ В СУШИНО, ПОД КИЕВОМ.**

Помню, был малым пацаном, бегал в трусиках с грязными ногами, и мама повела нас в церковь, и все

были восхищены речью батюшки. Он сказал «мир» – короткое слово, но какое-то важное. Я помню, что в тот день меня крестили, батюшка ножницами вырезал у меня на макушке что-то и на моих грязных ногах и на руках поставил кисточкой крестики. Солнечный день был, помню. Нельзя сказать, что мы были атеисты, просто воспитывались в не слишком религиозной среде. А на День Победы в церковь попали, потому что все шли в общей эйфории, и мама пошла туда – она не была религиозной, она практически всю жизнь проработала техническим секретарем на нефтезаводе.

Потом мы ездили с отчимом, очень часто переезжали, отчим строитель был. Переезжали в Грузию, в Чимчири (это между Сухуми и Батуми). Мне запомнилось, как повезли меня в обезьяний питомник в Сухуми.

Я пошёл в первый класс в Белоруссии. Помню, учил белорусский язык. Это был город Пильск, почему-то мне запомнилось, что там была спичечная фабрика. Я любил ходить в кино, вечно толпа была, и я, малый, толкаюсь...

В конце 1946 года мы приехали в Херсон. Город, конечно, был ещё разрушен после войны. Помню колокольню церкви, ходил зимой туда, её разрушили потом. Встречался мне всё время отец Старк, он единственный из всех священников ходил по городу в полном облачении, в рясе, тогда же не было принято.

Я ходил в 4-ю школу, это старое здание по улице Советской напротив областного архива. Потом нас перевели в новоотстроенное здание. Здания старые все были, его подремонтировали. Это была школа № 28, напротив школы валы, никаких построек не было, пожарная вышка, каланча с пожарной частью, и мы на валы ходили казёнить... Я долго потом разбирался, что это слово означает, оно было в ходу у школьников того времени. Там, где сейчас старый корпус сельхозинститута, на выезде на Камышаны, раньше было сельхозучилище, вокруг этого училища был старый казённый сад, так и назывался – «Казённый», и туда гим-

назисты бегали «казёнить».

Я помню, у нас был Розенберг – серьёзный завуч. Мы его называли почему-то Плюмбум, потому что он, когда брился, у него щёки были немножко темноватые, щетина чёрная была. Он милый человек был, старался поддержать среди нас, хулиганистых, дисциплину. Мы его побаивались, конечно...

Очень в то время мы любили делать самопалы. У нас были ручки металлические – трубочка и с двух сторон для перьев вставочки. С одной стороны заклёпывалось, зажималось, туда насыпался порох, спички, и мы стреляли. Самопалы были в моде тогда... Я не помню, чтобы в Херсоне много мин находили, но, когда мы жили в Белоруссии, в Минске, прямо в огороде у нас мы выкапывали целые наборы патронов пулемётных, целые патронташи в коробках. И мне запомнился один случай, когда кто-то из старших товарищей брал этот винтовочный патрон с острой пулей, вставлял в торец забора и палкой забивал его: делал из хлеба катышек, ставил его на капсюль, гвоздём втыкал, потом бил по этому гвоздику, пуля стреляла и расщепляла эту дощечку – это был ужас...

Я помню, был один случай – я маму напугал. Начал разбирать эти патроны, пулю берёшь, расшатываешь из гильзы, порох высыпался, потом из деревянного пола вынимался гвоздь, образовывалось отверстие, туда засыпался этот порох, утрамбовывался, к нему делалась тоже из пороха дорожка, поджигалась дорожка, огонь добегал – и аж до самого потолка фейерверк... А один раз я на полочку одел пустой патрон, но с рабочим капсюлем, мама печку топилась, не нашла ничего другого дрова пошевелить, и она взяла эту палочку и не обратила внимания, что с той стороны патрон. Он разогрелся и как ахнет! Не громко, но мне попало...

А ещё помню такой случай. В Минске собралась вечером компания из взрослых, и открывается дверь, заходит водитель. Как сейчас помню – его звали Валентин, и несёт в двух руках припасы какие-то съедобные. Тогда очень много было американских посылок – кар-

тонные ящики, которые присылались, американская помощь. И вот у этого Валентина падает из рук фляжка, обшитая зелёной замшей, и катится по полу. А все, кто был в комнате, падают на пол – в темноте не разобрались, многие подумали, что это «лимонка». Такой смех потом! А в этой фляжке был просто спирт или что-то крепкое...

Американскую помощь я хорошо помню. Дело в том, что у отца как у начальника был какой-то склад. Пришли картонные ящики, набитые банками, галетами. Банки были одинаковые, без наклеек, к ним прилагался ключик. Часть банок была с тушёной, а часть – конфетки и всякие сладости. Мама просила открыть баночку, и я путал, вместо тушёнки открывал сладости... Томатный сок помню, яичный порошок. Голод я не ощущал... Конечно, не шиковали, было печное отопление. На базар обычно ходили, какую-то картошку покупали... Мама что-то сготовит, я не обращал на это внимания. Помню, что любил хлеб с сахаром и с водой: когда никого нет – я беру, наколочу в кружку воды с сахаром...

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

► **ВЕЧЕРОМ ВСЕ ХОДИЛИ ГУЛЯТЬ НА СУВОРОВСКУЮ, ХОДИЛИ ОТ АПТЕКИ ДО АПТЕКИ:** на углу улицы Карла Маркса была старая аптека, ещё с тех времен, и была аптека на углу улиц Воронцовской и Коммунаров. Люди гуляли по правой и по левой стороне, причём по одной стороне ходили все школы, мальчики и девочки вперемешку, по другой стороне ходили уже женатики, важные ходили такие, под ручку со своими супругами. Потом попытались сделать комендантский час, чтобы по ночам не шлялись – ничего из этого не получилось.

Был такой случай. Вышли правила для учеников, что ученики должны при встрече здороваться с учителями: остановиться, снять шапку, поклониться и сказать «Добрый день». Ученик всегда здоровается первым. А утром у нас всегда проводились линейки, выступает директор и говорит: «У нас есть правила для учнів. Учні не викону-

фото из архива Кедровского

ють ці правила, не здороваються з учителями. Я спеціально йшов по Суворовській, наблюдав це. Один тільки учень знімав шапку і вітався з учителями – це Жора Родін». А Жора Родін – это был хулиган номер один, он вечно дрался, но здоровался всегда. И директор говорит: «Ну, Родин, покажи, как ты здороваешься, перед строем!» Олесь Иванович ідєт с одной стороны, у него фронтовая шинель, а с той стороны ідєт Жора, шапка на нєм с оборванными ухами, и он ідєт широким таким шагом и как заорет на всю школу: «Добрый день, Олесь Иванович!» Показательное выступление... Потом он боксом стал заниматься...

У меня было всего три учителя, которых я уважал. Одна была преподавательница русской литературы. Я знал литературу, у нас с ней были скорее беседы, чем учить эти «образы». Один был учитель – странный человек, он фронт прошёл, а когда вернулся, у него вся семья от бомбы погибла. Они жили с сестрой и козой на Военном. Он

всю жизнь ходил во фронтовой шинели – прожженная, пропаленная. Но он страстно нас любил, страстно! Ну а мы-то не понимали этого дела, мы над ним издевались: то ножку от скамейки открутишь, то булавки подложишь, то на столе фанерку положишь – он приходит, портфель бросит туда, и он проваливается. Он орал на нас, срывал голос, кричал «паразиты» и всё такое, но он очень нам любил рассказывать про Луну. Вот мы урок не выучили: «Олесь Иванович, про Луну!» И он начинает рассказывать, показывать... Он астрономию любил... А третий учитель была Марья Семёновна, математик. Это был человек колоссальной строгости, но справедливая до предела. Когда она входила в класс, было слышно, как муха летит. Это была ещё учительница старой школы, дореволюционный человек, она уже была старенькая. Она выкладывала математику как полагаётся... Вот и всё, остальные были шелупой.

Тогда форму пытались вве-

сти, но денег не было, а у девочек форма была – коричневые платья, белые передники. Я первый год ходил в школу – у меня был из немецкого шерстяного одеяла пошитый костюм, а на ногах были сапоги 45-го размера, американские – нам выдавали как помощь. У них надпись «USA» на подошве, когда по снегу идёшь – у тебя следом USA отпечатывается...

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

► В КИЕВЕ БЫЛО УЧИЛИЩЕ НКВД, ГДЕ МЫ ГОТОВИЛИСЬ ПРОДОЛЖАТЬ УЧЁБУ РАДИСТА ПОСЛЕ ПАРТИЗАНСКОЙ ШКОЛЫ, но в то время была ещё и борьба с бандитизмом. Учился я дальше, и нашу группу откомандировали в Москву, мы не знали куда. Из Москвы мы уехали в Таджикистан, в Сталинобад (так назывался тогда Душанбе). После училища в Москве единственное, что нас перебмундировали, потому что ребята, которые закончили училище, уже были в возрасте призывном, и

Н. Г. МЯТОВ

ЛАНДЫШЫШ Я СОРВАЛА
СЛЕЗА КАПНУЛА НА ГРУДЬ
Я ВЗДОХНУЛА И СКАЗАЛА
СПЕНЕТКА МЕНЕ НЕ ЗАБУДЬ,
КОГДА РАСТЕШЬ.

Татьяна Лавина

Оде
и
Люд
Гру
В

Татьяна Матвеева

фото из архива семьи Пашкевич

совершеннолетним присвоили звание лейтенанта, а я сержантом остался – как несовершеннолетний. В Сталинобаде (а это же горы) история бандитизма такова: англичане на базе своей разведки из дезертиров – таджиков, узбеков – создавали группы. Там же советская власть укоренялась, строились колхозы, им нужно было это дело разрушать, этим делом и занималась разведка. А мы присланы были туда для того, чтобы воевать против этого. Война для меня и для всех тех, кто были со мной, не кончилась. Действовала контрразведка, а затем в горы высылали оперативные группы для того, чтобы подавить сопротивление. Очень много гибли ребят. Мы были первыми радистами, которые установили в Таджикистане связь. До этого там не было никакой связи, а мы на радиостанциях держали связь – чемоданчики такие партизанские...

Потом я заболел, и меня отпустили в отпуск, это было в январе 1946 года. Я заехал на родину, а мамина деревня Мамаевка была полностью уничтожена – и люди, и постройки. И после войны эта деревня не восстановилась, так она и погибла, остались одни бугры от хат. А Соловьяновка, где я родился (это отцовская деревня), там от 60 дворов осталось только три землянки.

Я приехал в Херсон 2 февраля 1946 года, моя сестра работала в Скадовске. Тогда послали восстанавливать Херсонскую область

Федорова Алексея Федоровича, он был первый секретарь обкома в городе. Я думаю, зайду к Алексею Фёдоровичу, он меня хорошо знал как партизана-подрывника. Он знал подрывников всех, потому что много ребят погибло, и мы сделали большую работу. Он и Ковпак – это были два лучших партизанских командира. Захожу в обком, смотрю – сидит за столом секретаря Лёня, бывший адъютант Алексея Федоровича. Я поздоровался, он говорит: «Володя, а ты как тут? Одну минутку...» Заходит к Алексею Фёдоровичу, у него было совещание, сказал: «Минут через 5 заходи». Я зашёл, Алексей Фёдорович всему совещанию представил меня, как бывшего партизана-подрывника. Потом говорит: «Володя, ты подожди меня, я закончу совещание, и поедем ко мне домой, на обед». Поехал я, он меня попросил рассказать – где ты, что ты? Я ему всё рассказал. Он говорит: «Володя, надо учиться!» Это были его пророческие слова для меня. Но трудность какая – как же меня уволить? Я же военнообязанный, хотя и несовершеннолетний. Вызывает Фёдоров полковника, начальника управления КГБ, говорит: «Срочно напиши телеграмму в НКВД Таджикской ССР, чтобы Володю уволили из органов». Написал, и буквально через три дня получает ответ: «Уволить не можем, номенклатура НКВД СССР». Алексей Фёдорович вызвал меня, говорит: «Ну, Володя, придётся тебе ехать туда, откуда ты приехал». Я говорю: «Я, когда ехал в вагоне, дал клятву за Волгу не выезжать». Он сидит, задумался. Я думаю: «Что он ответит?» А он ответил: «Да, Володя, клятва – это серьёзное дело». Снова полковника вызывает. А меня в это время трясла лихорадка, я худой был, истощённый, при том такая тяжёлая работа была... И он даёт задание: пусть пройдёт медкомиссию. А был тогда комиссаром НКВД СССР Берия, но Алексей Фёдорович был особенно уважаем Сталиным. Я прошёл комиссию, полковник написал депешу, недели 2-3 ждали ответа, а у меня уже отпуск вышел, могут и дезертиром посчитать, и вдруг приходит ответ, очень краткий: «Старшего сержан-

та Казначеева Владимира Петровича, радиооператора, уволить по состоянию здоровья. Берия». Вот кто подписывал тогда... Вызывает меня полковник, говорит: «Володя, я тебя поздравляю! Читай». Я прочитал. «Иди, - говорит, - тебя ждёт Алексей Фёдорович». Я пошёл, он меня обнял и говорит: «Всё, Володя, надо учиться. А моряком ты хочешь стать?» Я говорю: «Это мечта моего детства». Он снимает трубку и звонит начальнику училища, говорит: «Иди, тебя ждёт начальник училища!», а сам остался говорить с ним. Я прихожу туда, к начальнику училища, он сразу принял меня: «Володя, ничего не рассказывай мне. Алексей Фёдорович всё про тебя рассказал. Сейчас я издаю приказ, и ты назначаешься курсантом Херсонского мореходного училища, до экзаменов оставалось 4 месяца. Володя от тебя требуется единственное – чтобы ты сдал математику». Преподаватель – женщина, она только потеряла мужа, она ещё была вся в слезах, но он её вызвал, представил меня, и сразу же начали заниматься. Она мне даёт на неделю по математике задачи, я всё делаю, прихожу к ней неделю спустя и всё сдаю ей как экзамен буквально. Пришёл август, я вступительный экзамен успешно сдал. Мало того: ещё сдавали сталинскую конституцию, маленькая такая книжонка была. И, что интересно, я математику и письменную и устную сдал, и преподаватель мне говорит: «Вы сдали, но 5 я поставлю не могу, могу только 4», Я говорю: «Мне достаточно тройки». Таким образом, я начал учиться в училище.

В училище на меня всё навалилось. В войну я не болел, а тут три месяца пролежал в больнице. Выздоровел, но отстал, почти все «тройки» получил в первом семестре. Вызывает меня начальник, говорит: «Сейчас две недели каникул, садись за парту и сдай все экзамены после каникул». Я сдал, и училище я закончил с отличием.

*Казначеев Владимир Петрович,
1928 г.р.*

О ГЕРМАНИИ – ШЁПОТОМ...

СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ

Такие открытки при-
возили из Германии и
потом тиражировали
методом фотокопии,
раскрашивали и про-
давали в поездах глу-
хонемые. Так и те, кто
был угнан в Германию
на принудительные
работы, долгие годы
вынуждены были хра-
нить молчание о своём
прошлом за границей
СССР, ведь советское
общество было к ним
глухо. Их личные тра-
гедии были «слишком
мелкими» по сравнению
со всеобщими «больши-
ми успехами».

► Я РОДИЛАСЬ ЗДЕСЬ, ХЕРСОН, КИНДИЙКА. КОГДА МЫ ВЕРНУЛИСЬ С ВОЙНЫ, ИЗ ГЕРМАНИИ, МНЕ БЫЛО 6 ЛЕТ. Мама говорила никому ничего не рассказывать, что мы были в Германии – ни в школе, ни подружкам. Это было такое табу! Моя соседка, когда я уже пошла оформлять документы, сказала: «А что это – мы не были в Германии, а ты была?» Я сказала: «Путёвку взяла и поехала». «А чего ж я не знала?» А потому что мне мама сказала – нельзя рассказывать. Но в документах у меня написано, что ни в каких я связях не участвовала.

Мы ехали из Германии, нас оттуда вернули, но мама не помнит город, там же немецкие названия, она вообще не выговаривала их, она неграмотная была. Когда мы были в Германии, она поменяла нам всем год рождения, или с перепугу – когда немцы спрашивали. Документов она не показывала, но документы она сохранила, и у нас было всё поменяно, мне пришлось ещё восстанавливать через суд, когда я оформляла документы о том, что я была в Германии...

*Костева Анна Константиновна,
1939 г.р.*

► ПРИЕХАЛИ, А С НАМИ ОЧЕНЬ ТАК... НЕЛЬЗЯ БЫЛО НИКУДА УСТРОИТЬСЯ, НЕЛЬЗЯ БЫЛО СКАЗАТЬ, ЧТО МЫ БЫЛИ В ГЕРМАНИИ, МЫ СКРЫВАЛИ ЭТО... Я устрои-

лась на почту и проработала там неделю, а потом пришли двое и вызвали заведующую и меня, и они меня спросили: «Вы были в Германии?» Я говорю: «Да, была». – «А почему Вы в анкете не написали?» А я говорю: «Я не знаю, не написала – да и всё». Меня на второй день рассчитали.

Потом учиться хотела поехать, в Западную Украину меня посылали, но тоже узнали, что я была в Германии... И тоже всё. Очень нас презирали. Ну потом уже, слава богу, прошло... И я ездила на 60-летие в Берлин, я была в Чехословакии, в Польше, и принимали нас очень хорошо....

*Губарева Любовь Аврамовна,
1927 г.р.*

► НАМ ЖЕ, КАК МЫ ИЗ ГЕРМАНИИ ПРИЕХАЛИ... БОЖЕ, ЧТО ТУТ ТВОРИЛИ... Что тут творили с нами! Никак я не могла поступить учиться. Еле-еле потом уже поступила. В школе работала, сначала техработницей, потом поступила, стала учиться, библиотечный я окончила, стала библиотекарем. Как-то случайно получилось, что я смогла вот это окончить, вот так сразу нам не давали, нас и обзыва-

ли, и говорили про нас разное, и плакали мы...

А когда уже приехали, тут страдали ещё хуже. Во-первых, на работу нельзя было устроиться. Без работы и родители были, трудились в огороде. Своей хаты нет, на квартирах жили – в общем, тоже было очень тяжело...

*Норченко Вера Лукьяновна,
1926 г.р.*

► КОГДА Я ВЕРНУЛАСЬ ИЗ ГЕРМАНИИ – ЭТО БЫЛ ИЮНЬ 1945 ГОДА. Нас освободили американцы, но ещё три месяца я была в Германии. Привезла меня какая-то женщина; нас было пятеро детей, два мальчика и три девочки, мы жалась к ней, боялись всего. Когда поезд только пересёк границу и остановился, люди высыпали из вагона – они целовали землю и плакали, они говорили, что наша земля самая лучшая, самая вкусная.

Дома нашего не было. Мы жили у крёстной, всё время боялись, что кто-то нас заберёт. Я увидела маму – казалось, что у неё такие руки гладкие, она меня гладит, а у меня волос не было тогда, я была подстриженная. Она всё

целовала руку, где у меня номер лагерный был...

Мы начали учиться, я пошла сама в школу, сама записалась. Я говорила, что хочу учиться, а они меня не понимали и позвали учительницу немецкого языка. Она со мной поговорила и сказала: «Эта девочка должна учиться, у неё всё вернётся». Она говорит: «На русском языке всё понимаешь?» Я говорю: «Йа, йа, ферштейн!». Что интересно, мы занимались в зале, но тогда для меня это была огромная комната, потолок был досками застелен, мы сидели на маленьких табуреточках, а писали на стуле. Давали нам перо одно, чернильница была, а писали мы на газетах, на обрезанных краях – их сшивали мама и папа, и мы писали. Было у нас в классе 50 человек, но всегда помню свою учительницу Любовь Ивановну. Я так благодарна, что она меня научила, и я дала себе слово, что буду учителем. Я так любила свою учительницу, наверное, поэтому я стала учительницей и проработала 50 лет учителем.

Наша семья снимала квартиру, один раз была хозяйка, потом без хозяйки. Снимали какие-то комнаты, но это как-то меня никогда не касалось. Я кричала ночами, мне всегда казалось, что какой-то ужас, что-то горит, кого-то забирают...

Мой меньший брат тоже вернулся, он тоже в концлагерях был, его освободили. Он убежал, его собаками травили, у него на ногах, на теле, на руках остались укусы собак. Он всё время со мной говорил на русском языке, и я быстро перешла на русский язык. У меня ещё какие-то слова оставались на немецком языке. Самое интересное, что я некоторым семиклассникам помогала делать переводы на немецкий язык. Я писать хорошо не могла, а говорить могла, и они за мной записывали, это я могла.

Жили мы в Белгородской области, я лечилась до 12 лет, глаза болели сильно. Меня никогда не вызывали. Родителей всё время вызывали. Мама запретила мне на всю жизнь – ни одного слова не говорить, что я была в Германии. И только в 1994 году, когда открыто мне пришли бумаги из Германии,

фото из архива семьи Данчук

– только тогда я начала говорить, а до этого никогда. Шёпотом старались об этом говорить, потому что многие военнопленные оказались по 10 лет в Сибири. Родители вообще старались не говорить, и чудом мы не оказались в наших лагерях, чудом! Когда мой брат вернулся за нами в Киев, ему сказали, что нас расстреляли. А только потом, когда уже повторно он приехал, он узнал, что мы живем в ста километрах от Киева. Потому что не разрешили сразу, пока всё это не пройдет... А сейчас в документах написано: регистрационный номер такой-то, ничего порочащего... как у Штирлица...

Шаварина Ольга Лазаревна, 1938 г.р., в детстве была вывезена с мамой и папой в Германию, в концлагерь. Ребёнком была на принудительных работах.

► **У НАС З КАРДАШИНКИ В ГЕРМАНИЮ НЕ БРАЛИ.** Аж перед самым отступлением почли наши три полицай ходить. У мене був такий возраст, що мене ще не брали б, а їм от нужно було мене записати і забрати у Германию! Я ховалася, і тьотка мене ховала. Поліцаї ходять, перевіряють, нагадують. Мати вже мені склала мішок для того, що я вже буду їхати. Я вже согласилась їхати і пішла прощатися до тьотки. Вона: «Підожди, я тебе проведу!» А сама замкнула мене в хаті і пішла, а я осталася там. Я на печі була, а там тільки ліжати можна, сидіть нельзя, і нема чога читати, при немцах у нас всі книжки забрали. Лежиш – і всьо. Лежала

де-то около місяця. Я тоді тільки у вікно побачила, як наших погрузили на підводу і повезли на Голу Пристань. Але вони всі розбіглися, у нас нікого не забрали в Германию. Забирали тих, хто хотів, а хто не хотів – не поїхав. Тих, хто їхав добровольно, проводжали у санаторії у Гопрях із музикою, із танцями. Зібралися зі всього району, такі проводи були! Була у нас одна жінка з агітаторів – вона багато загітувала їхати до Германиї. Обіщали, що там буде добре, і робота буде. Пржеде чем брать, тут проходили комісію, на комісії вибирали і симпатичних, і здорових. Я проходила комісію – кауснік взяла (з нього робили мило – собак варили, а кауснік добавляли, і він все роз'їдав) і на лиці зробила рану через щоку навскрізь, щоб не взяли. Кристалик того каусніка покладеш на шкіру – і рана, він роз'їдає. І тоді мене не взяли. Всі пішли у нас тільки добровольно, хто не схотів – той не пішов. І у нас всі вернулися з Германиї, причому вернулися з отакими мордами, з пузами, з вещами, з фіксами поприїжджали, з часами. Вони приїхали – ми проти них були нищі...

Павлова Валентина Ивановна, 1927 г.р.

► **В ХЕРСОНЕ Я С 1949 ГОДА, ПОСЛЕ ВОЙНЫ. Я ПРИЕХАЛА ИЗ ГЕРМАНИИ.** Мы приехали – и немедленно отправили нас леса собирать. День победы я была в Германии, город Салигали, там я была, там я победила.

Во время фронта я взрывала поезда, мне было 14 лет. Я взрывала поезда, те, которые шли на Крым, на Россию. Была и бита немцами, прощали. Но я с пленными была, всё время с пленными, и они меня ожидали. Сама пошла, бо знала, что уже не папи нема, не мами нема, ні брата – нікого, я одна. Я іду, часи в мене, взорвався поїзд – іду там с кілометр чи меньше. Поїзд взорвався, а я в сторону іду депа, а в депо приходять пасажирські поїзда, а в поїздах єсть недокурки, і я їх несла до пленных. Вони всі чекали, коли Вера прийде. Последній пленний прошлий год прислав мне письмо... І я вот еті недокурки взяла, висипала на стол, і вони почали ділити, каждый по трошки. Меня пропускали, я по-німецьки говорила. Пленні ділять, а німець увидив, що я ходила, а в нього маленька нагайка така чорна, я думаю – ну ударить трошки. А он как ударив, так я от ног до голови чорна була місяц. Він ще хотів ударить, но ті пленні встали, кажуть: „Бий нас, а її не бий!“ І все, більше він мене не вдарив.

В ті года, когда нас забрали, в Ровенской області були одні ліса. Ми жили біля Польши. Перві руські прийшли, мама віддала їм всі речі, бо знала, що треба було. А утром встали – немці, вже руських немає в нас. Немці всіх собрали і гнали. Сусідів було 9 душ дітей – всіх позабирали, і через мост туда, а там товарний вагон. Тьотка туда попала, вона по дорозі вмерла, викинули – і все, далі поїхали. І діти

суседські були со мной, я тоже не знаю де вони, їх забрали в лагерья детські, а я чекала брата, осталась з пленними. Він теж залишився живий, попав в лагерья детські. Мама робила в тепловозі, а я за того паровоза збирала недокурки, і ми звідти їхали вместе. Нам сказали: „Ви або в'їзжайте, або вас постріляють...“

Ми були в Германії. У німців був такой закон, що ми по алеє їдьом, яблуко впало – ми не імелі права взять, а хозяйка наша з карточкой подьоть і всього наберьоть, а самі не імелі права взять. Одного разу мене спіймали, і немці мене віддали в сім'ю, де син в армії, зять в армії і муж в армії. Там тільки невестка і мать, маленький ребьонек, накормить його надо, і шо? І вьсо. Возле малого оставили мене, я давала йому кушать а он – нет. Я псіханула і наба його, кашу всю поїла і пошла звідти. Оказивається, воно плакало, плакало, вони прийшли – воно спало, і вони вже не шукали мене, бо знали, що я до пленных пішла.

Потім прийшли американці, що отвоювали нас. Підійшов до мене один і второй, і каже: „Ну как же ты, дитьо, будеш домой їхать?“ Как я буду – я не знаю... Вони кажуть: „Дадім вагон, і будеш ехать“. Я говорю: „Я не поеду, до німецького...“ Нет, дали вагони, дали чемодани... Привезли сюда, а тут нас хотіли повбивать. В етот момент я прийшла с чайником, в чайнику взривчатка, а вже победа, і один пленний витягнув тоє вьсо і чайник забрав в мене. Там ми були два ілі

три дня, гуляли, пили... Американці хорошо обходілись, вони приносили сухарі, шкурки. Днів два чи три після победы, потом товарняк подали...

Прийхали в Ровенскую область, в місто Дубно. Я пішла в рідне село, в нашу хату. Пекарня була, німці все попалили. І через некоторое время мама прийшла. Я не знала, і мама не знала, що ми в одному Салігалі були. Осталось п'ять ілі шість хат, всі без криш, і в нас тоже без криши, без нічого...

Прийшли до нас вже наші, сказали, що ви були в Германії, ви винуваті, якщо не поїдете звідси – вас розстріляють. Дали нам подьомні гроші і ми поїхали, всі-всі поїхали сім'ї, що були в Германії...

А потом сестра моя двоюрідна в лісах корови пасла. В дедушки дівчати жили, і сестра написала мені бумажечку: „Прощай, сестричка, мене нема“. Ми знали, що їх шість дівчать було, їх в колодязь покидали. Дедушка залишився живий. Він розказує, що прийшли удвох, коли дівчата спали, в нічних рабашках. Їх подняли, там був колодязь глибокий – і їх по одной в той колодязь покидали.

*Мацюк Вера Ивановна,
1931 г.р.*

► 9 МАЯ 1945 ГОДА Я ЕЩЁ БЫЛА В ГОРОДКЕ КРАЦАУ, ЭТО НАЗВАНИЕ ПО-НЕМЕЦКИ, А ПОЧЕШСКИ НАЗЫВАЛСЯ ЭТОТ ГОРОДОК ХРЕСТАВА. Работала там фрезеровщицей на фабрике, которая изготавливала детали для текстильных машин. О победе мы узнали не 9-го мая, а намного позже – 20-го мая, когда наши войска вошли в этот городок. Было объявление по городу, нас собрали – тех, кто был депортирован, находился на принудительных работах. Собрали нас в ресторане, угощали, были наши офицеры и в других званиях, большой был банкет, хорошо всё было. Потом я через штаб этой части отравила письмо родителям, и таким образом родители узнали о том, что я жива и что я собираюсь возвращаться. И 28-го мая я уехала. Мастер, который работал на заводе, он был немцем и боялся прихода наших войск, поэтому он забрал меня из того по-

мещения, где я жила, вместе с полькой, французенкой, белоруской. Он забрал меня к себе, у него был двухэтажный домик, и мне определили комнату там. И когда я сказала, что уезжаю, они собрали мне одежду всякую, чемодан, и я пошла...

У этого немца я была, наверное, месяц, он меня подкармливал, так что я приехала уже не такая худая, в более-менее нормальном виде. Я поехала на вокзал с вещами, с этим чемоданчиком. Там шли составы, я пришла и попросилась: «Мне в сторону Украины!» Меня посадили в солдатский вагон, было много солдат, и я там была среди них. Солдаты нормально себя вели, не могу жаловаться, что приставали – ничего подобного. Я очень быстро до границы доехала, но не нас не остановили. Это уже позже на границе установили пункты, где допрашивали, где нужно было рассказать, где ты был, кем ты работал, кто ты такой. А меня не проверили, и я поехала дальше. Под Винницей в одном купе со мной (я уже в гражданских вагонах была) была молодая дивчина. Я уснула перед утром, и она украла мой чемодан. Я проснулась – стоим где-то. Я начала спрашивать, где мы, где девушка. Говорят: «Она вышла, сказала, что это её чемодан». Я сразу вышла и увидела на следующей платформе её с моим чемоданом. Я тут же нашла милиционера, и её задержали. Она стала говорить, что это её вещи. А я говорю, что это мои вещи. И они проверили так – спросили, что лежит, как сложено? Она, конечно, только открыла и посмотрела, выбросила много моих фотографий, это ж доказательство того, что это не её вещи. Но вещи все я знала, как где лежали. Поэтому поняли, что это мой чемодан, отдали мне его, и я поехала дальше на Херсон.

Путешествие долго длилось: я 28-го мая выехала и только 14-го июня попала в Херсон, долго стояли поезда. Я приехала в Херсон, это было часов 12 дня, и первое, что я на привокзальной площади увидела – свою сестру Риту. Что она там делала, я уже не помню. Она намного старше меня была, я её узнала, и она меня узнала, гово-

рит: «Мама там ждёт – не дожидется тебя, они получили твое письмо». Я сразу: «Что с родителями?» – Живы, здоровы, всё нормально, и папа и мама живы. Живут в том же месте, где и до войны жили. Я приехала, зашла, на первом этаже мы жили, и дверь открытая. Я захожу – мама на кухне, спиной ко мне. Я: «Мама!» Она поворачивается... Ну, конечно, бросаемся в объятия друг другу, слёзы страшные, вот таким образом я вернулась в Херсон.

Пока я возилась по этим вагонам, я заразилась паратифом, и, когда я приехала, на второй день сильно заболела, высокая температура была. Помню, что я в бессмятстве была, очень переболела. Потом стал вопрос, что дальше делать. Специальности никакой нет, мне уже 18 лет исполнилось в феврале 1945 года. Решили, что мне нужно в школу идти. Тогда были мужские и женские школы. 17-я школа была женская, и пришлось мне идти в 17-ю школу, хотя я до войны училась в 6-й школе, но она была украинская, и на тот период она была мужской. Какими-то путями достала я справку, что я семь классов закончила и пошла сразу в восьмой класс. Трудновато сначала было. Разница была по годам, потому что большинство девочек в этой школе были или 1930 или 1931 года, они не пропустили военные годы. А у меня ж получилось, что я пропустила из-за работы в Германии. Поэтому я была старше всех в классе. Потом я выровнялась,

и 9-10 уже на одни «пятёрки» училась.

После 8-го класса я хотела идти в гидрометеорологический техникум, тогда он открылся только. Но маму вызвал директор и уговорил, чтобы я десять классов закончила, потому что хорошо училась – зачем техникум, если она может поступить в институт? Когда я закончила 10-й класс, я получила золотую медаль.

Сначала я рассказывала, что я в Германии была, но было какое-то настороженное отношение. И потом я поняла, что нужно молчать об этом, потому что не очень одобрительно к этому относились, с подозрением, потому что многие уехали добровольно. А то, что это было принудительно, и арестовывали, и направляли на принудительные работы – это как-то умалчивалось. Считалось, что мы чуть ли не изменники, что это порок какой-то у человека, если он попал в Германию. И потом уже стала промалчивать.

Однажды (дело было в 8-м классе) иду я в школу во вторую смену. Шла я, встречает меня мужчина, это было в скверике, представился, показал мне удостоверение работника КГБ и говорит: «Ты в школу не идёшь, ты идёшь со мной в КГБ». Он и ещё один товарищ, тот постарше был, они меня мурыжили всю ночь аж до утра, всё расспрашивали – видно, у них были какие-то данные о каких-то нацменах, которые предали роди-

ну, перешли на сторону немцев. Я знала, что у нас девушки встречались с такими, но я сама лично никого из них не знала. А они всё добивались от меня, чтобы я что-то рассказала об этих нацменах, но я ничего не знала. Короче, они меня под утро отпустили, только взяли обязательство о неразглашении, где я была. Я говорю: «А что я родителям скажу? Где я целую ночь пропадала?» – «Ну, родителям скажете, что вас задержало КГБ для опроса о пребывании в Германии». И всё, так я и сказала родителям, чтобы они не очень беспокоились, а больше меня не вызывали никуда.

*Матвиенко Белона Акимовна,
1927 г.р.*

▶ **ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ, А ГДЕ ОТЕЦ БЫЛ, МЫ НЕ ЗНАЛИ. И ОТЦУ ГОВОРИЛИ, ЧТО БЫЛИ СВИДЕТЕЛИ, КАК МЫ ПОГИБЛИ.** И нам говорили, что он погиб, и его нету. А все ж дети – у кого уже пришёл папа, а у кого похоронка была, медали принесли – пал смертью храбрых. А мне же ничего! Обидно. У всех папы героические, а у меня неизвестно – кто и что. И вот у нас во дворе была такая женщина – барынька её называли, она советскую власть не признавала и жила на подаяния. Она в церкви прислуживала, убирала, помогала, и ей там давали кое-что покушать и одежду. И вот она как-то подошла ко мне и говорит: «Ты хочешь, чтобы папа пришёл?» Я: «Конечно, хочу». – «А ты крещеная?» Я: «Нет, бога нет. Дедушка сказал, что бога нет» (дедушка у меня был коммунист ещё ленинского призыва). Она: «Вот жалко! Если бы тебя покрестили, то и папа бы пришёл. Боженька бы дал тебе папу». Я прибегаю: «Бабушка! Покрестите меня скорей! Если вы меня покрестите,

то боженька мне даст папу». А бабушка: «Тише, тише, вдруг дедушка услышит!» Я начала просить: «Бабушка, ну пожалуйста!» Она говорит: «Ну ладно». Бабушка пошла и договорилась со священником, что он тихонечко дома меня покрестит и никому не скажет. Пошли мы туда, жарко, июль месяц, идём пешком. А там, где сейчас парк Славы и аллея Славы, там был глубокий-глубокий овраг. А там, где сейчас Комсомольский парк, там был пустырь – ни кустика, ни деревца, выжженное всё... Покрестили меня дома у священника, обратно шли уже в сумерках, бабушка сказала никому не говорить. Бабушка вообще учила меня, что кому можно говорить, а кому нельзя говорить. Конечно, трудно было умолчать, но я никому не говорила. И прошло буквально дней шесть, мы играем во дворе, и тут один мальчик выбежал за ворота, забегает и говорит: «Там тебя какой-то дядя спрашивает». И у меня сразу мысль: «Боженька папу мне прислал!» Я выбегаю, под балконом на порожке сидит мужчина уставший с вещмешком, я выбегаю и говорю: «Вы мой папа?» Он: «Если ты Норочка, то я твой папа», Я: «Боженька добрый!» Я бросилась к нему на шею, он меня тоже обнял, и говорит: «Пойди тихонечко бабушке скажи, подготовь её, а я за тобой приду». У бабушки сердце большое было. И я через две ступеньки бегу и кричу: «Бабушка! Боженька папу мне дал!»

И вот папа приехал, худой, страшный. Несколько месяцев он был дома, и он рассказывал про Бухенвальд. Все родственники приходили – слушали, как он в плену был, как он в Бухенвальде был в подпольной организации сопротивления. А когда он пошёл на работу устраиваться – его никто не берёт, хотя больницы пустые, врачей не хватает. А никто не берёт его! Он потыкался-помыкался... А тут ещё несколько человек херсонцев из Бухенвальда вернулись, и они взяли да и написали письмо Хрущёву. Хрущёв тогда был председателем на Украине. А Хрущёв позвонил сюда и сказал, чтобы закрыли рот этим писакам. Когда они ещё только послали письмо,

им стали все говорить, что не надо было этого делать. Это 1946 год был. Они тогда быстренько разъехались. Один уехал аж на Курилы, говорил: «Дальше меня уже не pošлют». Другой поменял паспорт, взял паспорт своего брата, который умер. А папа поехал в Кировоград с мамой и со мной. А почему в Кировоград – потому что там у них была подпольная организация, они очень много спасли людей от угона в Германию, помогали партизанам. Об их организации была статья в газете, и он надеялся, что там его не тронут, потому что ничего плохого он не сделал. А его в Кировограде очень быстренько арестовали прямо на улице. Арестовали – и больше мы его не видели... Куда мы не писали, куда не ходили – ничего не могли узнать. И только через три года мы узнали, где он. Он был в херсонской тюрьме, потом в Николаеве, а потом был в Сибири.

Дедушка был очень передовой человек. Его несколько раз представляли к ордену Ленина, и каждый раз его вычеркивали. Я в школе была отличница, но, когда всех брали в пионеры, и учительница меня подала как отличницу – меня вычеркнули, в пионеры меня не взяли. Я хотела у подружки померить галстук, так одна девочка подбежала и стала меня этим галстуком душить, кричать: «Ты не имеешь права, ты дочка врага народа!» Маму тоже на работу не брали год. Она родила сестричку, когда папа уже в тюрьме был, и год она без работы была и без карточек, на иждивении у бабушки. И никто не брал на работу, она жена врага народа... Потом её сестра, у которой муж был секретарём райкома партии в Западной Украине, прислала ей вызов. Там была закрытая зона, бендеровцы, и мама поехала туда, и там её взяли на работу. Конечно, на нас это тоже очень отразилось...

*Кузнецова (Дворникова)
Элеонора Орестовна, 1938 г.р.*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

СИГАРЕТНИЦА «КОСМОС»

4 октября 1957-го впервые творение рук человеческих стало небесным телом. В этот день был произведен успешный запуск первого спутника Земли. А это значит, что послевоенное восстановление народного хозяйства закончилось, и начался принципиально новый этап развития науки и техники. И об этом должен был помнить каждый, и не только на ВДНХ, но и во время каждого перекура.

фото из архива Кедровского

фото из архива семьи Данчук

▶ **НАЗАД ИЗ ГЕРМАНИИ НАС ВЕЗЛИ... ПОМНЮ, МАШИНОЙ МЫ ЕДЕМ, А ТАМ ЗДАНИЯ БОЛЬШИЕ ГОРЯТ, БЕЗ ОКОН БЕЗ ДВЕРЕЙ, БОЛЬШИЕ ЗДАНИЯ.** Я ж в селе родилась, я не видела больших зданий. А когда нас везли, там уже были развалины. И на подводах нас везли, и пешком мы шли.

Нас привезли 29 августа 1945 года. Приехали мы в Херсон, и нас на подводе кто-то встретил, на подводе мы ехали. И маме сказали, что отец погиб. Она говорит: «Мы в такой дали, в Германии были, и никакая бомба нас не взяла...» Приехали мы домой, в Киндийку, а у нас завалился дом. Осталось полдома, мы жили в половине дома, ни окон, ни дверей – ничего. А так как папа строил Стеклотару, мама пошла на Стеклотару, чтобы помогли подпору какую-то дать, бревно или что-то такое, чтобы окна вставить. Они говорят: «Мы сами восстанавливаемся, у нас ничего нет, делайте, как хотите». И мы начали сами. Брат был ещё дома – один, второй, и мы начали подбивать потолок. Окна завешивали сначала, потом подушками закрывали. Это август был, а потом к зиме уже кое-как стеклышки по кусочку сделали. Это был 1945 год.

*Костева Анна Константиновна,
1939 г.р.*

▶ **ПРИЇХАЛИ МИ В НОВОТРОЄЦЬКИЙ РАЙОН, І ДАЛИ НАМ ЛЮДЕЙ, К ЛЮДЯМ ПОСЕЛИЛИ.** Я стала бригадиром работать на току, а мама хлопок собирала. Нікому не

говорили, що в Германії були; я не стала там працювати – ні в колхозах, ні в совхозах, я приїхала в Херсон, стала займатися. Сильно мені запамілось, що, коли в вагони саділі, ці американці дали два чемодана з платтями, а мене в дорозі трошки обікрали. Вони долго писали, а муж (він в воєнкоматі роботавав), казав: «Це тобі любовники пишуть...» Які любовники? Мені ж 14 років...

Їздила на тачанке, переписувала, хто працює – Коля, Валя, Міша... Переписувала, хто скільки зробив зерна. Самі люди пеклі караваї, ми не пекли – так нам спечуть і принесуть. Дівчата на току їдуть – співають, приїзжають – співають. І доярки були, і на хлібе працювали.

Хати ніколи не забирали. На том току я мало працювала, там тряпками давали. Я приїхала сюди, стала водітелем, здала екзамен, мені дали кімнатку... Пішла працювати провідником, «фантомас*» ходити – 5 вагонів пасажирських, і я на ньому.

Потім я здала екзамен і сіла за таку машину, котра дровами топиться. Херсон-Генічеськ – я возила рибу, туди з головою, от туди без голови. Поробити так небагато, і на танцюрки у клуб – я і дід, ми з дідом так близько були, дід контролював нас... Морози такі були, затопила, пар піднімається, і машина їде. Приїхали, дід каже: «У вас, дівчата, заберуть ці машини». Я: «Як заберуть? На чому ми будемо їздити?» Приходимо – а вже ті баки познімали, поставили карбюратор і бензін... Я сіла, нажимаю, а воно бистро їде, я діда питаю: «А як це воно?» Він каже: «Педаль нажмиш – будеш в небеса летіти...» Так я стала працювати. Дід направляючий був, смотрев за нами, а ми що? Нам на танці надо...

*Мацюк Вера Івановна,
1931 г.р.*

*«Фантомасом» в Херсоні довге время називали пригородний поїзд.

▶ ПЕРЕД ПОБЕДОЙ ОЩУЩЕНИЕ БЫЛО ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНОЕ.

Уже в воздухе висела победа, но её всё не было. Я жил на улице Ленина, а напротив меня была 20-я школа, раньше там было мореходное училище, и там, в училище, было полно фронтовиков – все, кто по ранению был списаны с фронтов. 6 или 7 мая пришло ложное донесение, что война закончилась, и они там подняли такую стрельбу на радость! Всё это уже висело в воздухе, все уже ждали. И вдруг ночью с 8 на 9 заговорило радио, что подписана капитуляция, что всё это закончено. Ну, сразу же город наполнился народом, на Суворовской много было – забита Суворовская. Военных подбрасывали в воздух, выпивку выставили везде, где могли, радость была большая. Всю войну люди ждали с ненормальным напряжением, ждали, что всё это кончится и наступит хорошая счастливая жизнь, сытость, тепло, добро, любовь. Но война кончилась, а вся разруха как была – так она и осталась...

Возвращение солдат было не масштабное и не общее. Некоторые инвалидами пришли с фронта, и они относились не очень хорошо ко всем. У них главный лозунг был: «Мы вас защищали, мы за вас кровь проливали...» В магазинах ничего не было, огромные очереди, а этот: «Дай мне всё, потому что я кровь проливал...»

Занимались после войны кто чем. Сказать, что Херсон был сильно разрушен, нельзя, но и сказать, что вообще не разрушен, тоже нельзя. Некоторые дома были взорваны. На Суворовской мореходное училище – и сама мореходка, и экипаж мореходки, – в экипаж врезался самолёт, он с Крыма шёл. Взорвали немецкий госпиталь – он загорелся и взорвался среди ночи, наверное, партизаны, хотя какие партизаны в Херсоне, я не знаю...

В зависимости от того, как люди себя по партийной линии двигали, так они и восстанавливались. Специалисты приходили – они и работали специалистами, а некоторые – чернорабочим ушёл, чернорабочим и вернулся. Кем он

станет, если он делать ничего не умеет? Было у каждого своё. Один по партийной линии продвинулся – стал каким-то начальничком. Один уходил отсюда Ванькой деревенским – пришёл майором, тоже его нужно куда-то пристраивать.

Мужчин же не хватало как таковых. Мне рассказывали, что в Херсонской области в одном селе привезли калеку, без рук, без ног – обрубок. Так соседка приходит и говорит: «Я твоего Ваньку возъ-

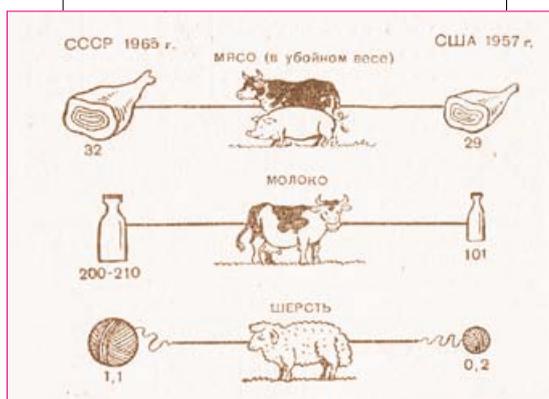
давали 500 грамм хлеба, служащим 350, иждивенцам – детям и старикам по 250 хлеба на день. А в колхозе не выдавали ничего, люди выживали подножным кормом, потому что, если колосочки соберешь – за это сажали, был такой указ от 7.08.47 – «колхозная кооперативная кража» называлось. Сажали на 25 лет, причём в судах не сильно разбирались: раз – 25 лет – и будь здоров! А голод был довольно-таки суровый... Улучшаться начало к 1950-му году. После отмены карточной системы стало значительно лучше, человек мог купить больше хлеба, еды и чего угодно, но послевоенные годы были, конечно, очень тяжелые...

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

▶ ПРИЕХАЛИ МЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ИЗ ПОЛЬШИ, ТУТ БЫЛО ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО СРАЗУ.

Привезли нас сюда. Боже, а тут... Обещали, что мы только в селе будем работать, дети в садике будут, в яслях, в школу будут ходить. И вот нас привезли сюда, 72 семьи, это всё село было. Там осталось семей десять. Лошадей и коров забрали в колхоз, стадо сделали колхозное, оставили каждому только одну корову и больше ничего. Лошадей вообще не оставили никому, ни одной лошади, всё забрали в колхоз, потому что надо было орать, работать, земли же было много в самом деле, надо было сеять, выращивать. Посеяли, вырастили. Ещё солнце не взошло – уже на работе были люди и затемно шли домой, вот такая работа была. Это были 1945 и 1946 года.

В 1946-м много посеяли. Всё делали, чтобы урожай бы хороший, а урожай собрали и весь вывезли. Людям не дали ничего, писали эти трудодни... На поезда грузили – и всё. А куда увозили? Мы откуда знаем, куда? Забирали в Россию, может быть... У нас был голод сумасшедший. И вот эти наши люди, видя, что будут умирать тут с голоду, ночью сами делали возы. Они ж всё могли сами делать, даже колёса. А у нас не было мужика, папа ж наш был в Германии. Садились по

му?» – «Бери». И к себе брала для всяких сексуальных нужд. Мужчин была громадная нехватка.

Одевались очень просто, большим разнообразием нас тут не баловали. На ноги сапоги, и девушки сапоги носили. Мужчины, кто с фронта – те донашивали то, что там выдали, с одеждой было не густо. Иногда завозили (это был особый шик) бостоновые костюмы синего цвета. А ещё была менее качественная вещь – шиньет и каверкот серый, такой костюм покупался к свадьбе и носился только по большим праздникам, три раза в год: на 1 Мая, на Октябрьскую и на Новый год. Ребята в основном доставали армейскую форму, очень модно было морские шинели.

Голодный год был 1947. Честно говоря, во времена тяжёлые люди более отзывчивые, но помогать можно, если есть из чего помогать. Если у тебя голод, и у меня голод, то не сильно тут можешь. 1947-й год был кошмарно голодный, причём, что интересно, в основном в сёлах, потому что нам здесь, в городе, хоть немного, но выдавали по карточкам. Была карточная система: рабочим вы-

фото из коллекции Н. Гоманюка

две семьи на один воз, брали только детей и какую-то одежду. В воз запрягали по две коровы две семьи (у тех корова и у тех корова) и ехали ночами, бежали на Западную Украину, там ещё не было колхозов. Там ещё землю давали, и они там ещё несколько лет пожили нормально. Ну а мы не могли никуда ехать – бабушка в 1947 году умерла, нас трое детей у матери, ну и тётка одна. И мы так и остались...

Шевченко Анна Степановна, родилась в 1937 г. в Польше

▶ **ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ. В 1945 ГОДУ, КОГДА СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА ХОТЕЛ ПРЕДСТАВИТЬ НАС К ОРДЕНУ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ,** мы сказали: «Нам не нужны никакие ордена, пошлите нас на флот». И нас послали, секретарь поднял трубку: «Сейчас к вам придут». И добровольно мы пошли на флот. Потом я с флота ушел, я, наверное, год пробыл, мы не успели плавать, один раз в подлодке учебный отряд поплавал. Севастополь был полностью разбит. Единственное, что было – это тюрьма. Когда нас призвали, там был такой баня-паровоз, от бани вагоны, там купали всех, жар-пар один. Вышли уже, форму выдали (только без ленточек), потом в учебный отряд попал, на подлодку экспериментальную. Это было в бухте прямо, тогда «Малютки» были и «Щуки». Как-то мы с

Колей потеряли зрение, когда обстреливали, снаряд так лупанул... Как попадали... И потом я решил, мне не понравилось. Я пошёл на приём к командиру части Хубежеву, и меня отчислили...

Мне выдали сухой паек с «белым билетом». Когда я приехал, отец как раз отдыхал, мне как раз на 10 суток дали отпуск. Отец сидит, я ему: «Вот, белый билет хочу сдать». Мать на шею бросилась – наконец сын будет сидеть дома, хотя я с ней потом и не был. Отцу Херсон понравился, особенно ему понравился театр, он был точная копия Одесского, только маленький. А я приехал вместе с отцом, когда он демобилизовался в 1947 году...

Я сразу работал директором дома культуры в Чаплынке, мне было 18 лет. А потом мы переехали Цюрупинск, там я был инспекто-

ром райисполкома. В Доме культуры у них самодеятельность была сильнейшая. Артист Матвеев тоже с Цюрупинска начинал, он тоже демобилизовался, лейтенантом был в войну. А мне что? Я только чтобы всё работало – задача была. Нам дали в Цюрупинске дом около базара, а базар был около церкви, её взорвали немцы, и базарчик образовался. Нам дали домик, там и мы жили – мать, отец, я. Мама знала, что я любил ряженку, и с утра выскочит на базар... Не могу сказать, что было плохо... Единственное, в 1946 году был неурожай, был страшный голод, люди на улицах падали. Криминальная атмосфера была тоже не очень хорошая, тогда банда была такая – «Чёрная кошка», и они действовали на всём Союзе, пока не ликвидировали всех... И убийства, и что вы хотите... Но, несмотря на то, что эти банды были, было гораздо меньше криминала, чем сейчас...

Алексеев Леонид Степанович, 1928 г.р.

▶ **ПОСЛЕ ВОЙНЫ СРАЗУ НАЧАЛОСЬ СТРОИТЕЛЬСТВО.**

У нас не было ничего разрушено, зато я в 1949 году в составе сборной Свердловской области участвовал в соревнованиях – первая спартакиада народов СССР, в городе Киеве. И я приехал в составе команды в Киев, вот тут я увидел много. Во-первых, большой город, Крещатик, дома полуразрушенные – стенки обрезались, делались клумбы. Пошли мы в ресторан «Кукушка» на стадионе, оттуда был вид такой – на той стороне Днепра были затоплены баржи на берегу. Когда пошли мы на Днепр искупаться, спускались по откосам, таблички висели (это в 1949 году), воткнутые: «Мин нет, рядовой такой-то» – ещё не убрали. Но грузовиков вереницы вывозили мусор, всё это разбитое... Киев строила вся страна. Поселили нас, выселили, есть там такое – Арсенал, я впервые увидел такое здание, толщиной метра полтора. Там были койки, там нас и поселили, а напротив была Баня №5. Мы там ходили мылись, и когда идёшь

фото из архива семьи Катановых

туда, через садик, где стоял памятник Ватутину, и там Рада рядом, и, конечно, на горку ходили. И впервые я увидел церковь, у нас в городе не было церкви, город новый по тем временам. Вы знаете, я чувствовал себя в СССР, но так чтобы кто-то, как сейчас, сказал «кацап» или «хохол» – такого не было, общались как люди. Пафос такой был.

За перевыполнение плана все боролись. Не выполнить план считалось позором. Вот даже помню, когда я уже был мастером, мне начальник говорит: «Ты не дотягиваешь до плана 1%, оставайся на субботу». Субботников много было, и воскресников много было. Последний рабочий день – суббота, а воскресник – это уборка или ещё что-то.

На демонстрации ходили с удовольствием, готовились к ним. Я как раз в техникум ходил, у меня почерк был хороший, и я зарабатывал тем, что мать приносила материалы для школы, а я писал на них плакаты, транспаранты, и расчерчивал и белилами. 5 рублей плакат, помню.

*Иванов Генрих Иванович,
1931 г.р.*

▶ **ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ МЫ РАБОТАЛИ, И ПОСЛЕ ВОЙНЫ ТАК САМО РАБОТАЛИ В ТРИ СМЕНЫ, ПОТОМУ ЧТО НУЖНО БЫЛО ВСЁ ПОДЫМАТЬ.** Женщины работали – а кто же ещё? Мужики повертались калеками. Двоюродный брат у меня прошёл всю войну – от своего села, его там организовали, и он

командиром был, у него было в роте три дядька, и тут село Лиманы есть у нас, и они погибли два. Папу ранило, и он пошёл дальше, дошёл до Германии, под Германией его ранило, он сильно долго лежал в болоте, пока его нашли, пришёл из Германии – туберкулёз лёгких, и он умер...

А мы работали в колхозе за трудодень: выполнил семь соток картошки – получил один трудодень, палочку записали – и всё. Норму – хоть ты её выполни за час, хоть за весь день, – это был трудодень. Винограда надо было выкопать 15 соток, садов 25 на трудодень, гектар надо четырёх выкопать, чтобы заработать по трудодню. А потом в конце года эти трудодни подсчитывают. Я закончила три класса, умела считать, а считать на чём было? Ни тетради, ни ручки – на песке.

Вот виноград зимой закапывали, а весной надо было откопать. Ты откопал 50 кустов, а та откопала 70 кустов, кто 100 кустов. Я села, посчитала кому сколько – кому трудодень, кому полтора. Я пишу сводку, подаю бригадиру, бригадир уже в бухгалтерию, там пересчитывают. В конце года картошку давали на трудодни, морковку давали, сушку давали, в колхозе денег не было, ни карточек не было, но попробуй взять... Нет. Уборка кончится – всё поделим, но чтоб так тянули, как сейчас тянут – по сумкам, – этого не было, воровства не было. Там было так, что кушай весь день сколько хочешь во время работы – хочешь виноград, хочешь

абрикосу, хоть помидоры, хоть что хочешь, и огурцы... У нас колхоз всё сеял. У нас песок, у нас хлеб не растёт, у нас одни овощи. Всё под конец года делили и вот с этого жили. А мясо каждый себе держал – курицу, поросёнка, но поросёнка зарезали или телят – шкуру надо сдать государству. Сколько у нас кожаного всего было! А сейчас нет ничего у нас, всё за границей покупаем, а тогда у нас кожаные заводы были, цеха были...

Мы были как одна семья. Сейчас посмотришь – дико. Вот мне сейчас дико, как живёт молодёжь, как соседи, а мы жили как одна семья, особенно когда у нас сбор сена шёл. Овцы были в колхозе, лошади были позже – сразу после войны не было, потому что немцы пожарили всё. А потом наши пришли, всего три месяца стоял фронт, им тоже надо было что-то кушать, и то, что осталось – поедали всё вокруг, не было чем огород посадить. Где что было – всё поели...

В город попала я из нашего села в 1951 году. Было так, что у одной девочки Гали из нашего села и её сестры родители поумирали, была голодовка в 1943 и 1947 годах, и дядька взял их, через Днепр перевёз и в Киндийку бросил, и они между людьми пережили, подросли и пошли в Херсон работать. И Галя вышла замуж за еврея, у которого в войну расстреляли двух дочек и жену, он капитан был сам, он объехал все города, доехал до Херсона, остановился сначала в гостинице Ленина, устроился в Госбанк инкассатором работать, а потом искал квартиру. А у Гали была двухкомнатная квартира и сын – после войны, можно так сказать, было кто что захватил, кто вернулся – кто не вернулся. Бабы говорят: «Галя, возьми его, у тебя две комнаты, будет в одной комнате». Она и согласилась, он перешёл к ней из гостиницы. Она такая хозяйливая была, стала ему готовить кушать, и так он прожил полгода и попросил её руки, он на 16 лет старше её был.

Прошло время, и какой-то праздник был, Гале захотелось приехать в село до дядьки (может, захотелось показать, что она замуж вышла). Приехала с мужем, а

мой папа как инвалид – скамеечка, и сидит с палочкой. Она шла, остановилась, поздоровалась: «Здравствуйте, дядя Гриша!» И тут бегу я с колхоза, сапа в руках, корзина, вот такие кудри на голове – как ветер была, крученая была, страшна, надо было мальчиком родиться... Я поздоровалась и пошла, и как-то я ему бросилась в глаза – показалось, что я еврейка и сильно похожа на его дочку, и вот он как начал: «Это не дяди Гришина дочка, это кто-то ему подкинул!» И как уцепился! А из колхоза никого не выпускали, боже сохрани, а он говорит: «Отдайте мне её! Не надо ни документы, ни паспорт!» И в чём я стояла, в том он меня забрал в Херсон в 1951 году. Меня весь город знал, что я Наума Моисеевича племянница, никто не говорил, что меня из села какого-то привезли. Я попала в город – как в рай. Какая я была в колхозе? Звали меня там Муська Каланча, такая я была высокая и худая. А в Херсоне уже стала – посмотрите какая мордыка на фото...

Устроил он меня в индпошив. А у меня было всего 4 класса, и я в индпошиве работала. В индпошиве у нас были свои ткани, но больше приходили со своими тканями. Тогда ничего не привозили из-за рубежа – тогда было строго, боже сохрани! Был Лёня Цитирин – популярный мастер по верхнему пальто, и Сметана был популярный. Закройщики были все мужчины, только одна армянка Сусанна была по детской одежде.

И он мне нашёл мужа и отдал меня замуж. Прожила я 52 года как у бога за пазухой. Муж не пил, не курил, никогда меня пальцем не тронул, такой был башковитый, у него было пять медалей и шестой орден, в Одессе по телевизору его показывали – вот такой у меня муж был. Муж работал на аэродроме в служебной части. До этого он служил в Житомире, там был подземный аэродром, он четыре года там служил – «слепая посадка» называлось: он управлял самолётом этим. Там были только москвичи, тульские и орловские, больше не было никого. Сейчас и турки, и татары, и евреи, и хохлы, и кто хочешь, а там было только Москва,

Тула и Орёл. Сталин сколько раз приезжал! В отпуск никого ни на один день не отпускали, это был засекреченный аэродром, и вот он там 4 года служил, учился, и вышел в люди. Потом нашёл квартиру за городом, в Былехивке. И я ходила на работу целый день, я зимой к нему ездила – ночь туда и ночь назад, не боялась ничего.

*Катанова (Филипова)
Мария Григорьевна, 1930 г.р.*

► **В 1945 ГОДУ В ЧЕРНОВЦАХ Я ПОШЁЛ В СРЕДНЮЮ ШКОЛУ №1, КЛАСС 1-Б.** И я закончил первый класс там, а потом вернулся отец. Его отправили после ранения на военный завод в Чапаевск Волгоградской области. На этом заводе подыхали, конечно, как в концлагерях, давали им по три грамма пшена... И это наш советский военный завод! Они все желтые ходили от тола. Спирта там было много: стояли бачки, полные спирта, и как смена закончилась – стоит старший бригадир, кружка, три глотка, раз-два-три, на вздохе. Чистый спирт, три глотка и быстро на выход, чтобы проходную проскочить. Отца спасло то, что он был агроном...

Отец вернулся отец в 1946 году, и мы из Черновцов поехали в Тамань, откуда его забрали на фронт, откуда мы эвакуировались. Там было два колхоза, и виноградарство было развито. Отца сразу взяли в винтрест агрономом, директор на коленях стоял перед ним – его убили вскоре, этого директора. И приехали мы туда, ничего нет... Топили перекасти-полем, я помню, что оно горит мгновенно, я помню, что оно горит мгновенно, сидишь, его целая куча и тычешь его в огонь. Керосиновая лампа, конечно... Воду носили из турецкого фонтана, там была крепость – всё разрушено, а водопровод остался, сработанный ещё во времена Рима, это Тамань.

В Херсон переехать хотелось потому, что там разруха, а хотелось в город. А просто переехать нельзя было, нужно было, чтобы перевели. И мать всеми правдами и неправдами, но добилась. И мы ехали. Перевезли нас сюда на машине, ехали и кабана везли, отец в кузове ехал и кабана держал. От

Тамани ехали аж сюда, мы с матерью в кабинке, а он в кузове... В Херсон мы попали по переводу в областное управление сельского хозяйства, отец занялся хлопководством. Интереснейшая тема – хлопководство на Херсонщине, оно было и до войны, а после отец этим занимался. Херсон тогда какой был? Пыль – это назывался херсонский дождь. Жара и пустые улицы.

Тогда по карточкам хлеб давали, а потом карточки отменили, но очередь... Отец идёт рано утром на работу, занимает очередь, я прибегаю – стою вместо него, и он возвращается вечером и покупает хлеб. Одну буханку давали... Тогда заходишь в магазин, а там все полки – лежат консервы – крабы, я, сколько потом ни ездил – ни в Москве, ни где не видел. Большой дефицит был, даже бычки в томате тяжело было достать...

*Дибров Олег Афанасьевич,
1938 г.р.*

► **ИЗ ХЕРСОНА Я ПОПАЛА НА ФРОНТ, В ЗАПАСНОЙ ПОЛК. ПОТОМ – НА ТРЕТИЙ ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ, ТАМ Я БЫЛА АЖ ДО ЯНВАРЯ 1945 ГОДА.** Перешли оттуда до Пскова, потом в Эстонию, Латвию, в Риге мы были. Потом в Бресте мы стояли на границе, а 2 мая 1945 года я ещё была в центральном аэродроме Берлина. А потом Потсдамская конференция, мы ушли оттуда в Бранденбург город, я оттуда и демобилизовалась.

Нас собирали по районам – кого на запад, кого на восток, кого на юг. Собрали, кого на юг – Николаевская, Одесская, Херсонская области, и на товарняке на соломе мы поехали... Как на фронт на соломе, так и обратно. Приехали на вокзал, здесь нас пересадили в железнодорожные вагоны, и мы мотались от вокзала в порт, потому что машины нас встречали в порту. А порт был разрушен, а мы ехали с чемоданами, у нас были трофеи, ну, тряпки, шинель со мной была. Тогда брали, что можно взять. Первыми шли танкисты, они забирали ценности, потом шла пехота, а потом мы уже шли, когда уже нечего было брать. В Германии однажды начальник почты нам

говорит: «Поедьте в Берлин!» И мы, сильно умные (собралось нас человек пять), поехали в Берлин. Заезжаем, там центральная улица была Фридрихштрассе, канцелярия там была – горело тоже, но все здания стояли. Подъезжаем мы к Рейхстагу, стоит колонна немцев, у нас бы уже разбежались, ни одного нашего охраны, но они очень организованный народ... Мы едем, они расступаются, женщины среди них в чёрных одеждах, военные. Мы едем и чувствуем, что нас сейчас перевернут – и всё... Но мы проехали эту колонну. Едем дальше, написано «Ломбард», оно и по-русски понятно, что ломбард. Наши хлопцы заскочили туда, вытащили какие-то чемоданы, что там – никто не знает, у немцев же были списки на все их вещи, у Гитлера был список его ложек, вилок, тарелок, у каждого всё было известно, а мы ничего не знаем. Там оказалось постельное белье. У меня ещё даже сохранилось оттуда, потому что размеры на наши подушки не годились.

И вот мы приехали в Херсон в 12 часов ночи, было темно. Нужно было идти, у меня мама здесь, в Херсоне жила, она возвратилась из эвакуации с сестрой. Свою квартиру они не сумели взять, их обманули, и она заняла комнатку маленькую, там жила когда-то наша тётя. Они не знали, что я еду, хотя в исполкоме знали. Меня довезли до дома. Трудно узнать было город, много было разрушено. На первое время нам дали паёк. Нам давали два месяца, чтобы мы могли решить, уехать из Херсона или не уехать, на учёт ставили. Но я сразу определилась, что я останусь в Херсоне, это моя родина. Я начала искать сразу работу, потому что у меня не было средств других – мама работала в пекарне, очень тяжело было. Она носила воду, водопровода там не было, в подвале был источник воды, и она оттуда носила. Тяжёлая работа, она грыжу себе заработала. А я пошла просто по городу, шла и встретила сестру моей сестры. Мы поговорили, а я ещё военную форму не сняла, и я говорю: «Ищу работу». Она: «А что ты умеешь?» Я: «Я экономист». Она: «А нам нужен экономист, приходи

завтра». Я пришла, начальник меня тут же принял на работу, и я проработала там семь месяцев.

А потом я работала в управлении лагеря военнопленных. В Херсоне военнопленные восстанавливали завод, там не было ни одного нашего. Жили они в казармах, деревянные бараки им сделали – обычные казармы, как и мы когда-то жили. Они очень сачковали, очень много было среди них больных. Но, может, и условия такие были, но они, по-моему, сачковали хорошо. Но немцы там сами делали всё, старшие офицеры всем там заправляли. Ни охраны там не было – ничего, у них стадный характер такой, мы бы разбежались, конечно, а они не разбежались.

В 1946 году ликвидировалось управление лагеря, и мне была выдана справка. Нас не просто уволили, нас всех пытались трудоустроить. Это был лагерь МВД, нас держали месяц предлагали разные должности. Мне предлагали идти начальником ЗАГСа, но я не понимала того, что можно и учиться заочно, и работать. В архив можно было устроиться – в те службы, которые принадлежали МВД, но я уже отказалась, меня уволили – и всё...

В 1947 году отменили карточную систему, это большое было дело. Только война кончилась, и 1946 году был голод. У меня сестра работала в банке, она кормила ребёнка и жила у сватов, они её подкармливали. А я с мамой жила, мама тогда не работала, и я ходила обедать в банк, там варили суп, она брала три порции и из них делала одну, потому что была вода, там была крупа, но очень мало. Хлеба, конечно, не давали, хлеб получали по карточкам. Моей зарплаты хватало на 10 баночек крупы, никаких пайков не было. Когда отменили карточки, сначала хуже стало, потому что появились большие очереди за хлебом, нужно было с ночи вставать и становится в очередь. Были драки, скандалы. В Германии тоже во время войны была карточная система, но стояло десять человек, больше женщины, мужчины не стояли, и молчок – тихо, спокойно, хлеба нет ещё, стоят ждут, и ни звука. Но со временем прошло это,

люди наелись, и всё вошло в свою колею.

*Украинцева Ольга Сигизмундовна,
1922 г.р.*

► **КОГДА МЫ ПРИЕХАЛИ НА НЕФТЕЗАВОД, СНАЧАЛА МЫ ЖИЛИ В БАРАКАХ.** Это были бараки, построенные немецкими пленными – одна комнатка, коридор, одна кухня, туалет, естественно, на улице. И люди массово ушли из этих барраков. Я до сих пор удивляюсь, как в то время, вопреки той социалистической логике, разрешили строить частные дома. Северный посёлок, Западный посёлок – все частные. Особенно построились те ребята, которые работали водителями: они смогли привезти кирпич, камень. Построились целые посёлки, и это прошло как-то незаметно. Видимо, когда люди начали уходить из этих коммуналок, – именно тогда и началось обособление, ломка общая психологическая какая-то...

До сих пор мне удивляет отношение к отчиму моему. Он был настолько известен, что, когда вернулся в Херсон после Сибири, после смерти Сталина, через некоторое время ему дали квартиру, а квартиру получить в то время было почти невозможно... Мои внуки до сих пор живут в этой квартире.

Когда я вернулся, особых изменений в городе не увидел. Ну, новостроечки там, завод ХБК. 18 лет мне было. Потом пошёл в вечернюю школу, закончил восьмой класс, потом экстерном сдал за девятый и пошёл учиться в десятый. На Нефтезаводе в 10-й школе был замечательный человек – Беньковский Валентин Фёдорович, он меня поддержал, подтолкнул. И я сдал выпускной экзамен, потом работал на Нефтезаводе. Потом у меня появился стаж больше двух лет, потому что я начал работать ещё в Якутии, в посёлке, в который выслали отчима. Я закончил пединститут, но не любил учёбу в этом институте. Я, когда заканчивал третий курс, уже поступил на работу в ту вечернюю школу, которую я когда-то заканчивал, учителем физики. Днём я учился в институте, а вечером работал в школе, такое у меня было...

Одно время шло массовое строительство и в Херсоне, это в 1950-е, 60-е, 70-е годы. Моя жена работала на заводе полупроводников, мы получили квартиру около завода в пятиэтажном доме, там до сих пор живём. И это было с очень многими людьми.

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

фото из архива семьи Пляс

фото из коллекции Н. Гоманюка

▶ ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ШЛИ ЭШЕЛОНЫ, КОТОРЫЕ НЕ ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ.

Оказываться, это шли эшелоны на Дальний Восток на другую войну. Потом, через месяц начали приходить люди, у которых ранения, контузии. Они быстро всё восстанавливали, налаживали. И, что меня поразило, не то колхоз, не то совхоз, который был рядом, получил 10 тракторов новеньких-новеньких. Столько радости было! Все трудоустроивались, а многих ребят, которые приходил с фронта, определяли учиться, было бы только желание и стремление. Много людей, которые были ранены, контужены, которые были в сложнейших ситуациях, оказались в поле сражений – им был нанесён морально-психологический удар, и они очень больно всё воспринимали, пили...

Мы на момент освобождения этой территории оказались в Снегирёвке. Мы жили на окраине. Прошёл месяц, вызывают мою маму и говорят: «Срочно выезжайте в Николаев». Мама берёт меня, и мы приезжаем в Николаев, встречают нас и дают коняку, печать, штамп, два миллиона рублей и банковскую чековую книжку на 50 или на 100 тысяч рублей, и говорят: «Езжайте туда, на окраину Снегирёв-

ки, организовываете там учебное заведение». И вот мы с этими деньгами двинулись в путь. Но Николаев тогда был наводнён разными людьми нехорошими, воров было много, а у мамы была такая сумка, и бритвой полоснули по сумке, а там дальше фанера, и у них ничего не получилось. Таким образом деньги, печать и книжка – всё сохранилось.

Прибыли мы с мамой в Снегирёвку. А тогда командовали всем делами военкоматы, и нам говорят: «Идите на окраину, там есть здание, и будет там сельскохозяйственное учебное заведение. Скоро приедет директор и завуч. Начинайте там работать». Мы там прожили, наверное, с полмесяца. Женщины потянулись, убрали эти помещения. Потом приезжает танкист раненый, без руки, директором становится. Потом завуч приезжает – без ноги. Потом набрали преподавателей, и набрали учиться трактористов, комбайнёров, полеводов и зоотехников – человек 400 набрали. Среди этих учеников многие стали заслуженными и героями соцтруда, и до сегодняшнего дня это училище существует.

Был такой курьезный случай. Для того, чтоб учить ребят, пригнали три трактора. А у них была особенность такая: они дизельные, и, чтобы его завести, надо руль вынуть, вставить сбоку в маховик, крутануть – и двигатель запускается. Снова вынимаешь, и тогда

только можно ехать. И вот один как-то на тракторе решил прокатиться, похвастаться, вытащил руль, кинулся вставлять, а вставить не может, и на нём прямо въехал в реку – в Ингулец. Ну, его быстро достали, пожурили крепенько, повысушивали и трактор спасли. Время было сложное, но работали и учили молодёжь, чтобы все могли работать.

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

▶ ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ – ЭТО ДЛЯ ГАЗЕТ ВСЁ. А МЫ ПРОДОЛЖАЛИ ЕЩЁ ВОЕВАТЬ.

Я воевал рядовым после подполья и после концлагеря немецкого, я всё время был автоматчиком на передовой. Я воевал на территории Венгрии и Австрии, там были наши предатели, всякие власовцы, потом были немецкие группировки, которые не сдались, так что мы вынуждены были продолжать войну.

Когда из госпиталя выписывали меня, спросили: «Тебе провожатого давать?» Я поскромничал: «Не нужно». И что-то очень долго ехал я до Херсона, я недели две добирался, можно было за сутки. Мама меня встречала, она получила повестку, что я пропал без вести, и в книге памяти есть моя фамилия. Но мама не поверила этому, чувства ей подсказывали, что я жив. Пошёл сразу на работу устраиваться, они меня хотели в школу НКВД или КГБ, ведь я солдат. Я туда пошёл, там посмотрели и сказали: «Нам такие не нужны –

раненные инвалиды». Хотел пойти шофёром – тоже не берут. И я стал учиться сапожному делу.

Умереть с голоду нельзя было. Конечно, продуктов не хватало, карточки нам давали, по карточкам были продукты.

Потом гидромедтехникум открылся. Встретил меня учитель, Михаил Михайлович Овсянников, он меня в школе физике учил, сказал: «Поучисься, получишь диплом». А я не знаю, что оно такое... А меня после войны принимали в пединститут без экзаменов, но я стеснялся: у меня одна шинель была, молодой же был, а там же девчата, а я в этой шинели... Вот такая дурацкая застенчивость... И я поступил в Гидрометеорологический техникум. Очень интересно было учиться, там хорошие преподаватели, кормили нас. Техникум и сейчас на улице Дзержинского, и тогда был. Раньше, при царе, там была гостиница, а при немцах там была полиция, но туда сажали не нашего брата, а своих.

Два года поучился – с 1945 по 1947, получил специальность техник-океанолог, знал гидрологию, метеорологию, другие науки. Учился, стипендию получал 400 рублей, все получали, независимо от того, на сколько учились. Но тогда все хорошо учились, в моей группе океанологов были все девчата...

Я был контуженный и по полмесяца не спал. Мне говорили врачи, что нужно сменить обстановку сильно. И я, как ветеран войны, попросил, чтобы меня отправили на крайний Север, в Арктику, в управление гидрометеослужбы. Поехал я на практику туда, а потом мне вызов прислали туда, в Арктику...

Жил я в Мурманске, на Петушинке. Есть такая гора Петушинка, там было управление, а рядом завод рыбообработывающий. Я там сначала на столе спал первую и вторую ночь, прямо в управлении в кабинете. А потом поселили меня у начальника управления. Нас двое там жило, мы спали вместе, два парня, дом деревянный, паровое отопление было. Мне выдали удостоверение техника-океанолога, и справку, что я могу работать штурманом малого каботажа. Представляете, за два года я получил

фото из коллекции Н. Гоманюка

специальность метеоролога, синоптика, геодезиста, гидролога и океанолога! Мне там понравилось, там голодовки нет. Я рисовал, я художник немножко, подрисовывал портретики, и меня кормили в столовой за портреты. 400 грамм хлеба давали, а пайки там какие! И сахара, и масла килограммы, там много всего этого...

Плавал я немного, спасали меня с флота. Я плавал на научном судне, по Баренцевому морю я ходил трощи. И меня направили работать начальником полярной гидрометеостанции, километров сто от Мурманска, на границе с Финляндией. Там был начальник станции хороший, он у меня потом работал техником. Но он пропил карточки (у нас карточки были хлебные), он пропил всех работников карточки, его посадили на 10 лет. И там женщина была – она меня надула: она мне передала ломанные термометры, жульница была, москвичка... Она мне передавала имущество – термометры, они в футляре были. Она вынет, номер покажет, а всё разбитое. А термометры просто так не списывали, нужно акт составлять, и высчитывали деньги.

Девчата меня научили работать, там же всё на девчатах держится. Девушка – она же отважнее парня, парень думает: «Что я, дурак прыгать в холодную воду?» А девушка так не думает, девушки иначе рассуждают, а если ещё для кого-то, так она вообще что угодно

сделает. Был случай – лодка углыла, девушка её не привязала, так она в ледяную воду, в порожистую речку без всяких размышлений прыгнула, доплыла. Я ей вынес выговор за нарушение правил техники безопасности и благодарность за спасение плавсредства, там очень трудно было лодку достать.

Я работал начальником станции, штат у меня был разный, до десяти человек – гидрологи, метеорологи были, менялись всё время. У меня было 8 постов в радиусе до 100 километров, и я эти посты объезжал на лыжах, на аэросанях. Как-то я шёл я на пост. А там медведей много. Там я встречался и с рососомами, и с медведями, и с волками. Иду, там сопки, болота, солнышко светит, птички поют. А Заполярье получает столько же солнечной радиации, как тропики, солнце два месяца не заходит. Вот я иду, песни пою, а ветерок был не от меня, а ко мне, а у меня же нюх не такой, я ж не могу... И я выскочил на полянку, там муравейники высокие – метр-полтора, и сидит медведь на тропе, зараза, муравьёв пожирает, разрушает муравейники. Я стал, стою... У меня за плечами карабин, на поясе ножи. Я знаю, куда стрелять, но, если только рано – то медведь-подранок наверняка меня поломает, и шатун зимой поломает тоже. И сидит этот медведь – прям как человек, чисто человеческие глаза, такая злость бесконечная... Я стою, спокойно смотрю на него. Он второй раз

поднял голову, продолжает есть, злости уже меньше. Я не двигаюсь, и он, как говорится, плюнул и ушёл, убежал. В минуты опасности у меня и на войне начинала работать голова, я ничего не боялся, но потом... Потом страшная депрессия наступает, и на меня такая хандра напала... Но не догонит же меня медведь...

Я там был «комсомольским богом», меня избирали четыре раза в местный совет, меня там все знали. Но, когда партия меня выдвинула, я отказался идти в аппарат из-за головы, из-за контузии. Уже Иосиф Виссарионович умер, так что меня не исключили из партии, но не включили в список депутатов. 15 лет я в Мурманске был. И вот приходит ко мне как-то рабочий-лесоруб, говорит: «Возьми Шурку на пост». А пост там такой: нужно было через речку переезжать, порожистая река, лесосплав, нужно переходить по бревну, а потом идти километра четыре. Там медвежьи места были, и каждый день ходить нужно. Там не то что девушку, там и мужика здорового я не имел права посылать без оружия по технике безопасности. Я этого лесоруба спрашиваю: «А если что случится?» Он: «Ну ты ж меня знаешь...» Ну, взял. Шурка с собакой ходила. Ну, собаки тоже бывают разные, бывают непорядочные собаки. Как зашли они на медвежьи места, так собака тихонько смылась и пошла назад. Шурка эта идёт, чувствует – руку на плечё ей положил, она смотрит – а там когти... Медведь лапу ложит и таким образом снимает скальп. Я видел потом на телогрейке следы когтей. Что её спасло – то, что она описалась, обкакалась и потеряла сознание, и в таком виде медведь взял её, перенёс, ямку вырыл на болоте, её в эту ямку положил. Я видел эту яму потом и засыпал землей. Это у них такой вкус, они мясо любят с запахом, свеженину не едят, им надо, чтобы привнялось немного мяса. Шурка там лежала, а в болоте в ямку водица холодная поступает. И она пришла в чувства, побежала, добралась до дому, и потом несколько месяцев лежала...

Мне на станцию присылали

всех, и девочек присылали мне, профессионалки были, они на меня жалобу писали в обком, что мало внимания им уделяю. Но я никого не снял, никого не убрал, я их всех принимал в комсомол. Одна девушка (а там волки ходили у нас) пошла в туалет и там с волком встретилась. Она ещё в положении была, но ничего, всё хорошо, родила.

*Лонский Сергей Иосифович,
1925 г.р.*

фото из архива Кедровского

► **С ПРОДУКТАМИ НЕ ВСЕГДА БЫЛО ТАК, КАК СЕЙЧАС – ЧТО ХОЧЕШЬ, ТО ВОЗЬМЕШЬ...** 1947-й год был как 1933-й, тогда было трудно. Я в Херсон приехала – удивилась: здесь мясо было свободно купить, а в Сибири было сложно...

Я в свободное время дома вышивала и вязала, и все платья шила сама. Я всё умею, и все мои подружки умеют, показывали друг другу всякое, переснимали рисунки. Меня мама всему научила, она очень хорошо умела шить, на фабрике у нас работала во время войны. Ткань можно было купить, а готового было очень мало, по благу хорошая ткань. Мама шила, к ней приходили жены начальства, и у них был блат со склада, и они приносили маме. Тогда ковров ещё не было, первый ковер принесли маме, мы так радовались – ковёрчик... После войны был целый праздник – ковёр купили.

*Силантьева Мария Кузьминична,
1933 г.р.*

► **1953 ГОД – Я ПОШЛА УЧИТЬСЯ В ПЕДУЧИЛИЩЕ.** Я хотела танцевать, но мама сказала: «Не будет этого!» Я сдавала экзамены и получила одну «тройку» по сочинению, и я пол года не получала стипендию. Это была настоящая работа, только ходили на танцы вечером. Бывало так, что нечего что кушать, и мы ели пшено, зёрнышки. На втором курсе пошла помогать: у нас училась женщина, у неё было двое деток, муж у неё был секретарь райкома. Я ей помогала по математике и помогала дома, мы стирали вместе, убрали, и за то, что я ей помогала, она давала мне кушать и девочкам. Я тогда ходила в фуфаячке и в ботинках. Раз я поехала к маме аж за сто километров и отморозила себе ноги, и я на физкультуру не ходила. Это время мне запомнилось тем, что это был мой труд, это всё был мой труд. Я трудилась, я закончила университет на специальность «русский язык и литература»

В 1957 году я сама поехала в министерство образования, надо было от министерства два вагона и подьёмные – нас отправляли в Дагестан. И вот два вагона было у нас, ехали мы большими пересадками – Минводы, Армавир. В Дагестан мы приехали 82 человека.

В Дагестане я работала учителем начальных классов. Мне не было тяжело, мне было хорошо, весело, я даже маму свою забрала туда. Нас было шесть русских девушек, остальные были других национальностей. Я вела русский язык и литературу в начальных классах, зоологию, биологию (ботаника тогда называлась), но я много часов имела.

Первый раз я купила себе часы, потом купила красивые туфли – лакированные, чёрные, и платье. К русским там относились хорошо. Нам председатель выписал молоко, сметану, яички с фермы, и мы ходили километра два за этим. Было масло топленое, и всё у нас было. Всюду, куда мы приходили, готовили, мясо варили и угощали. Если ты не возьмешь и не покушаешь – это будет большая обида...

*Шаварина Ольга Лазаревна,
1938 г.р.*

КРИМИНАЛ

КАРМАННЫЙ ФОНАРИК

В состав «джентльменского» набора «джентльмена удачи» входил фонарик – вещь незаменимая в темноте, когда обычное освещение – «лампочку Ильича» лучше не включать. Фонарик должен быть и у каждого борца с преступностью на случай ночной погони по тёмным подворотням. Армейский фонарик, который работает в двух режимах – постоянного света и режима азбуки Морзе, – это ещё и передатчик, с помощью которого можно послать сигнал «своим» – конечно, если владеешь языком точек и тире.

► Я ПОМНЮ, ЧТО ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ С ФРОНТОВ ИЛИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ ВОЗВРАЩАЛИСЬ – ИМ СРАЗУ ГОСУДАРСТВО ДОВЕРЯЛО УЧАСТИ В ТАКИХ СЕРЬЁЗНЫХ КОМПАНИЯХ КАК ОРГАНЫ МИЛИЦИИ, где действительно они несли эту честность, добросовестность. И я помню, что в ту пору был один милиционер на три села, на 4-5 сёл, потому что в основном люди разбегались сами между собой. И если уже была какая-то сверхситуация, связанная с убийством или воровством, тогда только подключалась милиция, а так человеческое отношение вершило суд между собой – не до избиения, но порицание было настолько сильным, что люди стыдились. Стыдясь этого, не совершали проказ. Я видел людей, которые возвращались и шли на предприятия, они становились за станки. Я видел это на судостроительном заводе, там у меня отец работал, он меня проводил туда, и у отца были знакомые, которые после войны приходили.

Конечно, было и хулиганство у нас, детей, но в каком смысле – мы ждали, пока взрослые в том доме, где была водонапорная колонка, засыпали, и мы открывали эту колонку для того, чтобы вода застелила улицу. И под утро это был гололёд, на котором мы и санками, и коньками, и что хотите делали, тем более что город Херсон имеет покатищность: стал на коньки просто, и инерция своё дело делает – получаешь удовольствие. Вплоть до того, что ребята хватались за проезжавший транспорт и сзади

ехали. Мы сзади цеплялись, и на лошадь тянула вместе с телегой. Конечно, ямщик был разъярён, хлестал так, что кому-то и доставалось. Помню, и мне по голове один раз попало этим шнурком, но всё равно эти развлечения были, но они не были такие как сегодня, вандализма этого не было, издевательств...

*Левченко Николай Алексеевич,
1945 г.р.*

► 5 ДЕКАБРЯ 1945 ГОДА, В ДЕНЬ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ, Я ВОЗВРАЩАЛСЯ С ДЕЖУРСТВА.

И я чувствую, что кто-то за мной идёт. Обернулась – парень или мужчина. Я добавила ходу, а там из скверика шла какая-то парочка. И вдруг он в меня стреляет... Я в эту минуту, когда он начал стрелять, кинулась бежать, а он опоздал – в спину мне выстрелил, и пуля попала в ногу, вошла и задела кость малую берцовую. Я с раненой ногой бегу, а та пара, которая шла, - они увидели этот выстрел, услышали, они стали кричать, вызывали скорую помощь, милиция приехала, меня забрали в милицию. У меня и справка есть о ранении. Но после войны это уже не считалось военное ранение, и так и неизвестно, что это было.

*Жирнова (Аркаева)
Тамара Георгиевна, 1928 г.р.*

► 1945-46 ГОД – МЫ ЖИЛИ В ЧЕРНОВЦАХ, ЭТО БЫЛО СТРАШНОЕ ВРЕМЯ. Стреляли в городе комсомольских работников. Это бендеровцы были, их не могли оттуда выгнать. Потом, когда в

1953 году объявили амнистию, они повыходили из леса – так везде хаты были закрыты, боялись. Тогда девчонок, учителей-выпускниц посылали в сёла, они там имели смерть страшную, если учит русскому языку – смерть. Убивали не просто, мучили, звёзды вырезали. Они оборудовались в лесах так... Они ж местные. Вот смотришь – простой пенёк, вроде пенёк и всё, а он вот так проворачивается, под ним лаз, и там и электростанция дизельная, и запасы продовольствия. Другое дело, что человек звереет – представьте, столько лет там сидеть... Приходили они, конечно, в сёла, и девчата приносили им жратву... Мама у меня агрономом, и она была полеводом, а не землемером или заготовителем, она только рассказывала, как выращивать культуры. Она была беспартийная, украинка. У отца была фамилия Дибров, а она Онищенко, и её отправляли в командировку, а как командировка: телега, дядько и агрономша в телеге. Вечером под лесом: «Стой!» Выходят хлопцы, с автоматами все, как положено: «Кого везешь? – Та от пані агрономша. – Документи!» Паспорт посмотрят, и мать ни разу не тронули. И я оставался, а мать уезжала в командировку.

Криминальная атмосфера после войны была везде – и в Одессе, и в Херсоне. Причём тут была масса оружия, был бандитизм, потому что быстро отдышались. Вы помните выражение «бодяга»? Это по-испански «харчевня». Была столовая возле старообрядческой церкви, которую взорвали, и там

был притон, называлось «бодяга». Бандиты там сидели, и из этой комнаты был подземный ход, который выходил прямо под церковь. А в церкви немцы пленные сидели, которые восстанавливали Херсон тогда, и при мне ещё взрывали колокольню. Церковь ту взорвали раньше, а колокольню я ещё помню. И отца сколько раз подстерегали, когда он домой шёл, поэтому люди ходили группами, конечно же... И какой дурак по улицам ночью в Херсоне ходил...

*Дибров Олег Афанасьевич,
1938 г.р.*

► **ОТЕЦ БЫЛ У МЕНЯ ВОЕННЫЙ, С ДОНА, А МАТЬ ХЕРСОНКА.** И в 1925 году мы переехали в Херсон. Мамины родные жили на Забалке, мы приехали на мамину родину. Отец здесь работал в милиции, начальником конного резерва. Тогда милиция была на лошадях; это сейчас машины, а раньше были только лошади. Выезжали, окру-

жали бандитов. Здесь банды были – Зелёного банды, я помню по разговорам. Там, где Казачьи Лагерь, была банда Ковалева. И милиция на лошадях выезжала, выискивали, ловили этих бандитов.

*Украинцева Ольга Сигизмундовна,
1922 г.р.*

► **ГОРОД ВОССТАНАВЛИВАЛИ.**

Херсон был разрушен не очень сравнению с другими городами, например, Брянском, но всё-таки сильно. Единственное, что было нехорошее явление – я был старшиной роты назначен, было лётное училище, и мореходка с ним дрались. При том режиме сразу же задавили это дело, а так были случаи, что рота на роту выходила.

*Казначеев Владимир Петрович,
1928 г.р.*

► **СУВОРОВСКАЯ УЛИЦА БЫЛА «ПРОМЕНАД». ТАМ ПОСТОЯННО, КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ВЫХОДИЛИ РАЗНЫЕ СЛОИ.** Безусловно, было

очень много ПТУ здесь, и мы их называли ПТУшники. Одно время было интересное: пояс, и на поясе обязательно бляха, и эта бляха была изготовлена вручную – там могли быть и львы, и кинжалы, и якоря, сердца. Всё из меди, надренное, блестит... Те, кто работали с металлом, на станках, этими бляхами форсили – это предтеча металлостов, которые были гораздо позже... Вот на Суворовской променады были, постоянно какие-то встречи, обмены мнениями. Что-то вроде клуба на ногах эта Суворовская была: ходили, вставляли, ещё кого-то встретил, два-три знакомых, постояли-покалякали, дальше пошли. Ну, вином увлекались, было такое сухое вино – портвейн. Был из той же компании Женя Грошев, он сейчас в Днепропетровске, не знаю, жив или нет. Он отличался тем, что резал на металле очень хорошо монеты, юбилейные медали. И потом его посадили за фальшивомонетчество. Так он умудрился даже в заключении, здесь у нас в колонии что-то вырезать. Я лично видел, как этот Женя вырезал монету «рубль семь» – рубль ноль семь. Тогда бутылка вина – портвейна, – стоила рубль ноль семь. А тогда это была цена металла,

скільки вибили – столько и стоит: если выбили на сковородке 70 коп – и это надолго.

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

► **С ВОЙНЫ РАЗНЫЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ...** Вооружённые люди были, и были такие две организации – «Чёрная Кошка» и «Голубая Лента», они свирепствовали в Херсоне, это было, когда я учился в техникуме, с 1945 по 1947 годы. И я один раз шёл из дома в техникум, по парку пешком. Я с Военки пешком ходил. В парке света не было, только свет горел на Екатерининском дубе. И выходит навстречу мне мужик в фетровой шляпе, а, раз в шляпе, – известно, что жулик. Они с оружием были, они ходили в шляпах. Ну, я сразу руку сунул в карман, а в кармане у меня бутылка. Он посмотрел на меня, что я в шинели, да ещё и руку в карман засунул... Они понимали, что, если рука в кармане, то чёрт его знает, что там... И он мимо меня проскочил, я больше с ним не встречался.

После 8-ми вечера люди опасались выходить. Идешь через парк и видишь: вот эти люди стоят – паршивая «Чёрная кошка» Смиревского, и люди боялись вечером выходить. Милиция, конечно, была. Но дело в том, что в милиции тоже люди работают всякие... А потом знаете, как побороли эту «Чёрную кошку»? Элементарно: вооружили рабочих завода Петровского, им разрешили стрелять, и ликвидировали очень быстро «кошку» эту.

Я уже работал на Севере, приехал в Херсон ещё неженатый, и мы с мамой в кино пошли. А кинотеатров было два – «Коминтерн» и «Спартак». Вышли мы, сели в автобус, сидим вдвоём. И тут один мужик начал к нам приставать. А я с Севера приехал, я с медведями разговаривал, думаю: «Да что мне какая-то паршивая «кошка»? Мы подъехали к углу парка, а дальше нужно продолжать идти до кинотеатра «Спартак», квартал надо пройти. Там милицейская вышка стоит, но милиции нет. И вот мы вышли, автобус остался стоять. Тот мужик выскочил. Мы вышли из парка, а парк был ограждён железной огра-

дой. И вот прыгает человек наверно 7-8 парней оттуда через забор. Кроме нас, никого на улице нет, и я думаю: «Господи, мама же рядом!» Если б я один – то и чёрт со мной, и я говорю: «Нет, мама, мы рисковать не будем, я не справлюсь с ними». И мы заскочили обратно в автобус, автобус подождал нас, и мы уехали.. Вот это такой кусочек этой обстановки, только кусочек...

А потом раздали оружие, и бандиты стреляли и все, которые увидят бандитов. А их явно видно было, что бандиты. И очень быстро это дело прикрылось. А потом ещё задержали одного, оказался начальником военкомата, он тоже был с ними...

*Лонский Сергей Иосифович,
1925 г.р.*

► **КРИМИНАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА БЫЛА ОЧЕНЬ СЛОЖНАЯ.** Мы в 1957 году оказались в Одессе, на железнодорожном вокзале и воочию увидели, что там творится. Все эти бандиты ходили и с оружием, и с кинжалами, и с ножами, не скрывая. Но только появляется патруль – семь-восемь человек моментально кидается в сторону.

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

► **КРИМИНАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА БЫЛА БУДЬ ЗДОРОВ!** Херсон никогда не был особо криминальным городом в смысле воровства, бандитских дел и прочего. Даже знаменитое ограбление херсонского банка – и то приехали из Одессы, но это было до революции: приехали «гастролеры» из Одессы, вырыли подкоп. У нас в Херсоне было в основном хулиганство, Херсон – это хулиганский город, у нас вечные драки: город дерётся с Военкой, город дерётся с Забалкой. Это так исторически сложилось: город – он был «город», Забалка была Забалка, а Военка была Военка. Обыкновенно драки проходили на вала. В особенности город дрался с Военкой. Был предварительный конфликт, потом шла драка, потом шли разборки, потом всё осадилось на свои места. Дрались только так – показать свою удаль. Потом уже позже моряки точно так же драки устраивали,

«мореходка» с «тюлькой» дрались – вот это так у нас в Херсоне шли ночные бои.

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

► **У НАС В КАРДАШИНКЕ НІХТО НЕ ВОРУВАВ.** Даже такой пример: був у нас чоловік – Кушнарченко Митрофан, у нього була сім'я велика, дітей дев'ять чи десять. І він був сторожем. Тут організували курину ферму. І якось зібралися жінки, була у них випивка, вони його зустріли і кажуть: «Діду Митрофан, Ви ж коло курей, принесіть картуз крашанок, ми зробимо яєшню, і Ви теж поїсте!» Він не хотім, вони його умовляли, а потім стакан вина налили, і він пішов і приніс картуз яєчок. А ті жінки вже були випивши. У когось корова отелася, і молозиво зробили. О ось вони нажарили яєшню, самі їдять яєшню, а йому молозиво дали. Це нечесно було, хоча шутка була. А він їсть і каже: «Дівчата, хоч вірте, хоч ні, але я перший раз в житті ем яєшню!» Він не мог взяти там крашанку, хоча у нього діти були. Отакі люди були чесні. І на виноградниках люди сторожили, дорожки заметені, загребені, і провіряють – ніяких слідів. Созрел виноград – бригада пройшла, вирізали, зважили, здали н склад, розчитали, скільки членів колхоза, розділили.

І після війни такого хуліганства не було – тільки по домах пили, шукали вдовушок...

Мене суддя Малишев за активність пригласив до себе на роботу секретарем, в Голу Пристань. Кожен лень туди-сюди ходила сім кілометрів. Це був 1952 рік. При мені судили жінчину, яка жила в Херсоні на острові. Судили за те, що вона на польовій бригаді була сторожем, і там були коні, і була диверсія – погоріли ті коні. Не вона була винувата, а бригадір. Бригадір була жінчина, і вона загуляла. Прокаторів так і не найшли, а осудили ту дівчину. Ще судили жінку з Малих Копанів – за те, що вона де-то на гармані у польовій бригаді украла ведро ячменя. Восім год дали... Вона 1926 году рожденія, ще дитина була...

*Павлова Валентина Ивановна,
1927 г.р.*

АРЕСТЫ. ДОПРОСЫ. ЛАГЕРЯ.

НАМОРДНИК

Решётки, стены, замки, колючая проволока – сколько предметов разделяло людей на тех, кто обладал свободой, и тех, кто нет... Но свобода может пониматься по-разному. И не факт, что отсутствие свободы слова, вероисповедания, выбора в широком смысле этого слова лучше, чем отсутствие свободы физической.

1937-1941

▶ **ПО МУЖУ МОЯ ФАМИЛИЯ ДРУЖЧЕНКО.** Моя девичья фамилия Гетманенко, а дед мой был грек, он жил в Херсоне, на правом берегу Днепра, по улице Петренко (где стоит таможня, там стоял дом моего деда). Он маленьким был, когда его привезли. Его родители – это была большая семья. Херсон, Крым и Херсон греками часто посещаем был, и они основали здесь колонию греческую, и жили здесь. Семья многодетная была, а с левой стороны напротив них вся улица была – жили евреи. Мирно жили между собой соседи. В 1937 году моего деда забрали. «Чёрный ворон» подъехал – как это раньше было. А моя бабушка с мамой сумели скрыться, убежать. Никаких предъявлено оснований не было, просто приехали. Но вообще-то основаниями для ареста раньше были ложные свидетельства, подделки всякие – подводили для того, чтоб его уничтожить. Всё это делало НКВД. Вот что деду было потом предъявлено: сюда в порт пришло судно греческое «Елена», и так как мой дед был хорошим механиком судовым, его пригласили на это греческое судно. Там вышла из строя помпа. Он разговаривал по-гречески, мог перевести, и капитан этой «Елены» попросил его: «Окажите помощь, мы заплатим, сколько это будет стоить – переведите это моему руководству». Мой дед перевёл это, нужно было 3 че-

ловека туда. Помпу починили, всё сделали, судно ушло, а деда моего ночью пришли и неожиданно забрали. Потом ему сказали, что было два свидетеля, которые с ним ходили туда (ещё один механик ходил и работник) – они написали заявление, что дед с ними разговаривал, чтобы уехать за границу. А после 1917-го года, когда было неустройство, его сестра Елена (она замужняя была) выехала назад в Грецию и забрала маленького братика, ему 9 лет было тогда – думали, что на время они поедут туда, но так получилось, что они не встретились. С родителями дедовыми оставалось ещё три брата, у них была очень многочисленная семья (12 детей). Одна только девочка была – старшая дочь, а то были мальчики, один жил в Таганроге, несколько человек жили в Херсоне – всех их расстреляли. Никто из них в живых не остался. Уже после ареста деда мы узнали, что их всех уничтожили, поводом послужил вот этот случай, что дед побывал на этом судне «Елена». Это было необоснованно, ложно записали то, что он там говорил, что он якобы сговаривался убежать за границу. Если бы он хотел – он бы что-то там собирал, документы какие-то...

Это была «тройка» – три человека от имени советского государства подписывали. И его расстреляли. Два или три месяца он там побыл, пока они подтасовывали эти документы. Мою маму и бабушку выслали в Никополь, они

жили там два года, и они его не искали. Потом они вернулись в Херсон, и стали искать после 60-х годов. Мама говорила: «Я найду его!» Она запросы давала, тогда уже было КГБ. И ей отказы давали или давали такой ответ: «Он сослан под Воркуту был». Волей случая мы поехали жить под Воркуту, и где мама только не искала – нигде там его не было. А его из этой тюрьмы и не вывозили, и неизвестно, в каком овраге тут лежит его тело. Потом уже мы документы получили, что дед реабилитирован посмертно... Дедушка мой 1903 года рождения, расстреляли в 1937-м, маме тогда было 12 лет, они скрывались у евреев, евреи их прятали...

*Дружченко Лидия Андреевна,
1946 г.р.*

▶ **ЭТИ ВСЕ РАЗГОВОРЫ (ПОТОМ ДАЖЕ В РЕБУСАХ В ЖУРНАЛАХ ПЕЧАТАЛИ) О ТОМ, ЧТО ОТЕЦ ПАВЛИКА МОРОЗОВА БЫЛ «КУЛАКОМ» – ОН НИКОГДА НЕ БЫЛ КУЛАКОМ.** Его же в председатели колхоза избрали. У него семья была, жена Ольга, в семье дети Павлик, Ромка и девочка. Я мать Павлика Морозова Ольгу хорошо знал. Когда Павлика объявили героем, мы собирались на сорокалетие окончания техникума и обязательно ездили на могилу Павлика Морозова. В полукилометре от села Герасимовка начинается болото, и Павлик с Ромкой пошли по ягоды, и когда Данила с топором набросился на Павлика – ударил топором, но не убил, – Павлик крикнул: «Ромка,

беги!» А что Ромка? Ему было 4 года, куда он от мужика здорового мог убежать? Это одно, а другое – в деревне хорошо знали, кто богатый, кто бедный. А отец Павлика напоит человека, и тот подписывает, что налог на зерно сдал, а какое зерно? Народ знает, сколько у него зерна, он два мешка кинул, а кормить армию надо, госпоставки зерна, а ребята честные. Убили Павлика за то, что они докладывали, у них же была комсомольская организация. Докладывали, что вот у этого кулака ещё зерно есть, а там же эти продотряды, сразу: «Ага, зерно не сдал!» А там же деревня, все знают, у кого зерно и кто заложил...

Павлика в 1930 или 1931 убили, а потом мать Павлика жила в Артеке. Сначала в городе у нас жила, а потом в Артеке, она как пропагандист. Если б она была женой кулака, а он сыном кулака – разве бы его возвеличили так? Семья была бедная, и отец пьяница.

Жили мы в Свердловской области, у нас в городе было три тюрьмы. Все заключённые работали на лесокombинатах, три завода лесопильных и один фанерный, причем лесопильный всесоюзного значения, фанерный комбинат всесоюзного значения, к стати он и сейчас в России конкурирует. И надо было там работать: заключённых выпускали, они шли этапом, тюрьма напротив лесокombината. И мы работали среди них, видимо, это были не уголовники.

Я, когда играл за «Динамо» вратарём, посещал три или четыре раза закрытые концерты, и там были эти заключённые. Я тогда ещё не всё понимал, но там были такие мастера – и балет, и концерты ставили. Жуков, заслуженный мастер спорта, гиревик, выступал тоже на этих концертах.

Когда шёл фильм «Подкидыш», когда сборная СССР выиграла в Англии матч, когда Хомич снял мяч с ноги Лоутона – их встречала делегация, и капитан той команды сидел у нас. Он был в то время уже расконвоирован, это 1937 или 1938 год, и он тренировал нашу команду.

Когда сформировали наш техникум, то преподаватели были такие: директором был орденносец

Первой Мировой войны, три или четыре преподавателя были отсидевшие по 7-8 лет за что-то – ни за что... И они у нас были преподаватели высокого класса, спокойно у нас жили, никаких нервов – ничего. Был один артист, певец. Он, когда освободился, у нашей бабушки жил, я говорю: «Почему вы домой в Москву не едете?» Он говорит: «Я жду жену, она через месяц должна освободиться». Она освободилась, и они уехали, я не знаю куда.

...В 1939 или 40-м году у меня дядю посадили, он работал на станции Свердловск-Товарная. В 1940 году при формировании состава сошёл вагон с рельс, ну (это обычное) его и объявили врагом народа, дали 10 лет Колымы. В 1942 мы получили извещение, что он умер. И было много таких...

Вот такая обстановка была.

*Иванов Генрих Иванович,
1931 г.р.*

▶ **ОТЦА БЫ ТРОНУЛИ, ЕСЛИ БЫ ОН... КРОМЕ ТОГО, ЧТО ОТЕЦ БЫЛ МОРЯКОМ, ОН ОКОНЧИЛ ОДЕССКУЮ КОНСЕРВАТОРИЮ (ТАК ОНА СЕЙЧАС НАЗЫВАЕТСЯ) ПО КЛАССУ ТРУБЫ.** Он пошёл военным дирижёром после войны, и тот, который «Марш Славянки» написал, был его другом.

Будённый и Ворошилов приходили к нам домой выпить, и, когда Фрунзе уже погиб, Ворошилова назначили наркомом обороны. И вот он приехал, дома сидели, и он говорит: «Поехали со мной в академию красных командиров». И отец не захотел, и правильно сделал. Если бы поехал – его бы расстреляли. У отца был друг Дыбенко, он был командующий ленинградским военным округом, и в 1933 году, помню, я пришёл из школы, а отец (я никогда не видел, чтоб он пьяный был) – а тут вижу, что отец пьяный в дым, в одних трусах и плачет... Плачет и бросает партбилет. А у него партбилет был 1917 года, и говорит: «Если Павлик Дыбенко – враг народа, то я не хочу быть в такой партии...»

*Алексеев Леонид Степанович,
1928 г.р.*

1945-1953

▶ **СОСЕДИ У НАС В ХЕРСОНЕ БЫЛИ ТАКИЕ ЖЕ, КАК МЫ. РАЗНЫЕ БЫЛИ СОСЕДИ...** Через дом от нас жила женщина, так она на всех писала, что такие-сякие... Когда папа ещё во время войны приехал в Херсон, он пошёл в военкомат, ему там сказали: «У тебя бронь, иди – заводы поднимай, ты нам в армии не нужен». И вот эта соседка на папу написала, что он был не то полицаем, не то служил немцам, и даже написала свидетелей – кого он там якобы бил и над кем издевался. Их вызвали, они говорят: «Да вы что! Он вообще не работал при немцах!» Папу, конечно, часто вызвали в КГБ, проверяли...

В 1947-м папу арестовали, нас обокрали. За что арестовали – нам никогда родители не говорили, мы вообще этой темы не касались. Я знаю только, что очень долго не судили, потому что в Херсон из Одессы должен был приехать трибунал военный, какая-то «тройка», вот это я помню.

Нам помогали, когда папу арестовали. Главный инженер его завода нам помогал, потому что говорил: «Его ни за что, ни про что», и соседи помогали...

Папе дали восемь лет, и папа на Севере их отбыл. Но никогда в школе меня не упрекали, что мой папа в заточении, и ко мне относились так, как я того заслуживаю. Такого не было, чтобы говорили: «Ты не такая, твой отец – враг народа или заключенный». И к маме так же относились.

Отец возвратился в 1952-м году, потому что он был там свободный. Так как он механик, то ему выделили катер, и они там на этом катере по побережью ездили и по Лене. Куда там бежать? Папа рассказывал про обычаи на Севере, он говорил, что там, если старик совсем становился немощный, он созывал всех своих родственников, старший сын садился ему на ноги и удавкой давил – это отправляли к «верхним людям»... Он говорил, что там год за два считали, что его реабилитировали – у нас есть документ. Может быть, поэтому он и вышел. У него обида была не то

чтобы на власть, а на тех людей, которые его подставили. Не просто обида, но он с ними уже не общался. Он вернулся оттуда большим человеком, у него эмфизема лёгких была, сердце никудашнее...

*Красутская Александра Георгиевна,
1935 г.р.*

► **СРАЗУ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА ВОЛНА ПОШЛА, КОГДА НАЧАЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ОТТУДА.** У нас преподавал мужик – он оттуда вернулся, лощёный иностранец, в плен, видно, попал. У него был серый костюм и зубы такие голливудские – и это в те времена. Помню вопрос: мы у него спрашивали, есть ли по-английски слово “ты”. Он говорит: «Нет, только “вы”», но он тебе так это «вы» скажет... Вот это я на всю жизнь запомнил... А потом его забрали, и все говорили, что он шпион, капитан дальнего плавания...

*Дибров Олег Афанасьевич,
1938 г.р.*

► **У НАС БУЛИ ТАКІ КОМУНІСТІ, ЩО ЇХ ЗАБИРАЛИ НА ГУЛАГ, ТО Ж НЕ ВІНА БУЛА СТАЛІНА, ТО МІСЦЕВА ВЛАДА – ХТО БУЛИ ПРОТІВ НЬОГО.** При керівництві були такі, що безчесні люди, а хто правдивий був комуніст – то їх забирали і розстрілювали. Ми вже знали, що людей забирали. В нас був такий поштар, у нього почта була в хаті, він був комуністом. Так його забрали – і все... А вже коли реабілітували, то позже, як і всіх. Боялися, знаєте, даже боялися друзів і родичів. Доклади йшли голові селищної ради, доклади.

*Бундуки Вера Михайловна,
1939 г.р.*

► **ИНТЕРЕСНАЯ ИСТОРИЯ МОЕГО РОЖДЕНИЯ.** Когда вошли в Херсон наши, то первые шли НКВДшники – сначала были вопросы, почему вы в тыл не ушли, а тут остались? Бабушка рассказывает им, что вот у меня почки, делали операцию, идти не могла. А они – нет, вот ваш муж расстрелян, вы репрессированные, значит, вы враги народа, а так вы ещё и верующие! Вы дважды враги народа! И мою маму начали вызывать на допросы, от 9 утра до 5 вечера. Моя

мама находилась на допросах полгода, это 61-я зона, там здание, подвалы по Кирова. Ложат пистолет рядом, говорят: «Мы тебя расстреляем прямо здесь, и никто и не узнает, что с тобой стало. Говори – почему ты осталась? Ты молодая, ты должна была это...» Мама говорит: «Я осталась, потому что у меня больная мама на руках, маму не могу бросить, она очень тяжёлая. Ещё и немцы её ударили, опять оторвали ту почку». И это так было полгода. Маму били, но не так били, чтоб умер человек, а издевались. Бабушка это всё время ходила вокруг здания и молилась... Девочка 16 лет – что она могла сделать такого? Винават потому, что ты есть...

Один раз на допрос зашёл мой отец. Он был старший следователь по местам заключения по Херсону и Херсонской области, это большая была должность. Он ходил в кожаной куртке, и перед ним все кланялись, потому что это НКВД было всесильное. И он сказал моей маме: «Если выйдешь за меня замуж, то я прекращу всё это дело». Ну одна молодая девчонка, как избавиться? Она пришла домой и сказала маме, он на 10 лет старше её, у него уже была семья до этого. Вот так вот она сама приняла решение. Бабушка не хотела, чтобы она за него выходила, потому что он работник НКВД. Расстреляла эта власть дедушку и в мужья, значит, просится... Бабушка была против, но мама сама приняла решение. Конечно, все дела сразу прекратились, но маме не дали доучиться в Херсоне. Он поехал с ней, доучивалась она в Черновцах, я там и родилась.

Отцу это всё на карьеру не повлияло, ему здесь разрешили. Моя мама боялась его как огня, а он себя так ставил, что он добрый человек. Промучилась она с ним пять лет, то сходился, то расходился – он такой был.

Однажды он меня украл, мне было год и 8 месяцев, я помню моменты этого всего. Он отвёз меня в Краснодар и отдал чужим людям. Сказал: «Усыновляйте, у неё матери нет». Помню, это были старые дед и баба, лес вокруг и хата на краю.

У него что-то такое с головой было... Он мог ночью лампу включить настольную, к глазам поднести жене и кричать: «Отвечайте, отвечайте!» Наверное, шизофрения началась, они же неуправляемые были, они что хотели – то и делали. Однажды он позвонил, мама спрашивает: «А где Ляля?» Он: «У меня тут». Потом они спросили у телефонистки, откуда был звонок, оказалось – из Краснодара. Мама и бабушка продали вещи и поехали туда, ходили из дома в дом, спрашивали меня. И нашли! Я помню, я стою, у неё кукла большая такая, она мне даёт и говорит: «Я твоя мама!» А я: «Уйди, ты тётка чужая!» Я уже разговаривала, это было мне 2 с половиной года уже. Сколько я была у чужих людей... И они меня забрали.

Бабушка в Херсон приехала назад, а мама там осталась, и пришла к нему на работу. Он боялся, что его за это могут снять с работы, и говорит: «Ну давай сойдёмся с тобой». И они сошлись. Мама стала работать в детском доме воспитателем. Заведующая детского дома говорит: «Валя, почему ты всегда такая скучная? Никогда у тебя улыбки нет на лице». Мама не выдержала, расплакалась и рассказала – вот такая вот жизнь у меня. Заведующая говорит: «Валечка, у меня муж полковник, он возьмёт тебя под защиту. Не знаю, каких войск он полковник, но он будет ехать в Одессу, и он тебя до Херсона доставит, езжай отсюда, езжай к маме своей, и живите там. Нашли девочку – воспитывай её». Документов у мамы не было. Пересадка была через Симферополь, и в Симферополе встречает её милиция, говорят – рецидивистка украла ребенка. Маме плохо так стало, а этот полковник говорит: «Подождите, эта женщина едет со мной, я буду присутствовать при всём этом. Пожалуйста, вызовите прокурора!» А мой отец уже работал прокурором Краснодара. Открывается дверь, заходит мой отец, и полковник тогда говорит: «Ваша жена едет к матери, хоть Вы и прокурор, какое Вы имеете право ей документы не отдавать? Я буду свидетелем». Я не знаю, какой там был дальше разговор, но мою

маму посадили на самолёт, отправили сюда, в Херсон, и мы больше его не видели, только один раз, через пять лет он пришёл... На этом закончилось всё... Потом говорили, что его дискредитировали, что у него забрали документы на право ведения дел всяких... Эта власть НКВД была такая неуправляемая, моя мама столько от него натерпелась... Он её насильно взял замуж, и давление неприятное было каждый день.

Мне не удалось никуда поступить, потому что всё время указывали на эти документы – что семья была репрессирована. Потом я вышла замуж, уехала в Донбасс, это был уже 1964 год. Тогда уже молчали, на это просто ничего не говорили. Однако же когда я приехала сюда, в Херсон, хотела встать на очередь на квартиру, на заводе полупроводников я работала, и тогда меня спросили: «Вы хотите на очередь стать?» У моей мамы домик маленький, а людей много. И говорят: «А мы верующих не ставим на очередь». Я глазами похлопала, постояла, пришла домой, маме говорю, она: «Ну и ладно, не хотят ставить – ну и ладно, построим дом». И построили вместе с мамой дом. Потом моя дочь поступила в культпросвет училище, у моей дочери оперный голос редкой красоты. Но ей не дали учиться, потому что она не комсомолка была, моя дочь оттуда ушла. Уже потом она поступила в наш Херсонский университет на музыкальное отделение, и всё равно было такое предвзятое отношение...

*Дружченко Лидия Андреевна,
1946 г.р.*

▶ **КОГДА УЖЕ ПРОШЛА ВОЙНА, ПАПЫ НЕ СТАЛО.** Папа одному не дал лес, он его взял и посадил. Его врагом народа признали. Бондарь у меня папа был, травили его, в тюрьме на голову всё время капали. Два года ему дали, и он год и девять месяцев в тюрьме был. А когда пришёл, то через неделю умер. 48 лет ему было, он в 1946 году после войны сразу и умер, осталось нас у матери пятеро...

*Смеян Тамара Павловна,
1937 г.р.*

Отчим занимал должность начальника строительства СУ-8 – это была та организация, которая отстраивала послевоенный Херсон, в частности, они строили нефтезавод, окружение нефтезавода, бараки. Когда мы приехали, нам дали квартиру на улице Артёма 17, это был заводской дом, он до сих пор сохранился. Я иногда хожу туда, вспоминаю... Потом мы жили на нефтезаводе, там получили квартиру.

Но потом мы на короткое время попали в Сибирь, в Якутию. Надо было послать в Сибирь специалиста – и отчиму дали 14 лет, на высылки послали. За что – я до сих пор толком не знаю. Вроде какие-то фуфайки рабочие кто-то не туда дел... Это была абсолютно надуманная вещь, но его как начальника послали на Север, и он там строил мосты, был на поселении 14 лет. Мне запомнилось, что было судебное решение – выслать на 14 лет на поселение. Под городом Якутском есть город Алдан, и он туда уехал в 1949-м году, а в 1950-м мы выехали туда к нему.

Спирт, так называемая «стойка» – это в центре поселка на курьих ножках стоит избушка, и из чайника разливается спирт, вот это всё развлечение. В том посёлке была электростанция, и туда всё время дрова возили, она работала только на дровах. Я часто ездил со знакомыми шоферами за дровами, просто ради интереса сажусь к ним в кабину и еду со знакомым. Там сосед был, и они выезжали в те участки, где зеки заготавливали дрова, брёвна грузили, и мы ехали обратно, сгружали в этот посёлок, кололи их, рубили...

В 1955 году после смерти Сталина мы вернулись обратно, отчима реабилитировали сразу... Там были условия суровые, всё снег, снег, снег... Два месяца в году только лето, правда, до 30 градусов доходило. Купались там в горных речках, тепло было. Лето там быстрое, скоротечное, а потом снова снег, снег, скрипит под ногами, валенки, холодно. Дело в том, что у отчима потом был инсульт, отняло левую сторону, пришлось нам оттуда уезжать. Все запасы, которые у нас там были – всё ушло на пе-

нициллин, на всякие уколы. Отчим был очень добрый человек, он ещё 20 лет здесь, в Херсоне проработал, числился то ли слесарем, то ли что... А работал в том же СУ-8 сметчиком. Я сейчас понимаю, что он был очень хорошим специалистом по составлению разных планов, графиков, смет, расчётов строительных...

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

▶ **В 1950-М ГОДУ Я ОКОНЧИЛ ДИВИЗИОННУЮ ПАРТИЙНУЮ ШКОЛУ.** А тут приехала комиссия в библиотеку ревизию делать и уничтожать книги. Была там книга про судебный процесс правотроцкистского блока, её уничтожают, мне говорят: «Ты возьми, почитай». Этот процесс был в 1937 году. Ну я и рассуждаю – как ни за что Рыкова, Бухарина судили. Рассуждаю: Рыков же не может говорить, отбили там печёнки – и всё, он и подписал, что под председательством наркома якобы они вредительством занимались, переписывались с Троцким.

Правду у нас не любили. Вот съездил я в отпуск, замполит и говорит: «Дроботенко, выступи на собрании, расскажи, как восстановилось там всё хозяйство». Я: «Товарищ полковник, я не вижу там ничего! Нет такого, как в газетах пишут». Он: «Ну, тогда выступать не надо».

А потом ещё было... Солдаты играют в футбол, а офицеры как стали играть командами, а солдаты не при делах. Хотят поиграть (ну как заведено у нас), подходят ко мне и говорят: «Ну что это такое?» Я иду, офицеры сидят, говорю: «Товарищи офицеры, не хорошо это, дайте поиграть солдатам». А Панчук, уполномоченный контрразведки: «А тебе больше всех надо?» Я говорю: «Ну люди же, охота же поиграть». Он: «Ну подожди, ты мне попадешься!» Я: «За что?» И это он стал ко мне подсылать. Подходит ко мне Орлов: «Борис, меня вызывали к уполномоченному, доносить на тебя». Я: «За что?» Не за что.

В общем, мне приписали клевету, что в тюрьмах били в 1937 году, клеветнический анекдот про Калинина – ну и давай рубить всё:

клевета на подвиг советский, про Александра Матросова (погиб он по молодости, старик разве бы так сделал? По дурному погиб, убили его. Когда он гранаты бросил – ничего не получилось, его из пулемета убили и он упал на амбразуру). Клевета на колхозное строительство. В колхозы как сгоняли? Хошь – не хошь иди. Когда на суде я стал говорить: «У нас же свобода слова!» А судья: «Свобода слова в рамках». Я: «Но если стол на четырёх ножках, я не могу сказать, что стол на одной ножке!» И вы не поверите, он мне: «Это к делу не относится».

Тогда нужна была дешёвая рабочая сила. Строить на Севере – это нужно людей вербовать, нужно деньги большие платить, общежития надо. А тут взял, пригнал, четыре кола вбил – и стройте, живите. Ну вот мы и жили в палатках на севере в Якутии. Печка стоит, ногам тепло, а волосы примерзают к палатке. Я вам скажу так: у нас в лагерях был беспредел, то есть главенствовали блатные, было это выгодно советской власти. Вор честный не заставлял работать, он не грабил мужика, ему с воли присылали. Он самый заядлый вор, но он честный. Такие не работали бригадирами и никого не заставляли работать. Но администрации надо было, чтобы кто-то заставлял работать. Они собрали воров, подговорили – это были ссученные воровы. Он уже сука. Приходит честный вор, эти суки его трюмят – это две пики в бок (ножи такие), чтоб он сдавался. Если он сдастся, он – ссученный вор, они его садят, чифирят, жрут вместе. Те воровы, которые не сдавались – их убивали. Но кто сдавался, тот ссученный. А сука попадёт к честному в лагерь – его сразу убивали, потому что если он раз продал, то значит, и снова продаст.

После войны стали лагеря пополняться фронтниками. Стали возмущаться, как так: мужик работает, а его гнут как хотят. Получаешь деньги, а ночью в барак заскакивают суки: «Мужики, деньги давайте». Это Сталин уже умер. Мы к оперуполномоченному, так и так, а он: «Я распоряжусь, чтобы вам колотушки принесли в барак. Как заскочит – вы их колотушками,

только не убивайте, за убийство отвечать придётся». А потом стали делать так: всех выгнали, хочешь жить – живи, не тронь мужика. Мужичья зона. Приходит конвой, объявляю: «Мужичья зона, кто хочет жить – иди, кто не хочет – не иди». Суки сразу в сторону, там грабить нельзя, их в другой лагерь, где их примут. А воры идут, они никого не касаются, не работают. Ну, их на штрафную пайку посадят – если всем хлеба по 400 грамм, то им по 200. И когда (уже перед освобождением, это был 1954-1955 годы) я водовозом работал, тушку оленины привезу, на завалинку поставлю ящик картошки мороженой – уже никто ничего не трогал. Если вор захочет погреть – попросит.

С довольствия я списался, с вещимущества списался. С меня только за охрану высчитывали. А когда с Сахалина нас везли на Колыму, пароход подогнали «Феликс Дзержинский». В трюме 270 мест, а нас больше 1000. Мы объявили голодовку, требовали на opravку 2 раза ходить, 250 человек – на палубу жить в палатки, вытяжные рукава поставить, вентиляция чтоб была. Охрана с собаками, нам говорят: «Мы вас в море поскидаем, рыбы всё съедят!» Ну а мы настаиваем. А что? Железная коробка, июнь месяц, жара, а иллюминаторы не открыты, вентиляции нет, а если в парашу... Они потыкаются, потыкаются, капитану приказывают: «Отправляй, пусть дохнут». А он: «Нет, по международным правилам – если голодовка на корабле, то это предвестник восстания. Убьёте 500 человек, остальные задавят». На четвёртый день они согласились на палубу поставить вытяжные рукава, на opravку водить два раза, два раза в туалет сходить – это нормально. Это в истории был первый раз, когда пошли на уступки.

У меня друг был – замполит командира корабля, грамотный. Везут нас, пригнали на Колыму, Магадан. Там нас на автотранспорт, и везут 1200 километров... Сидишь за загородкой, охрана, ноги затекают... В лагерь нас везли, комнаты квадратов 20, нас 60 человек. Я стал возмущаться, а на меня: «Фашист!» И меня в изолятор. Изолятор – это тюрьма та-

кая, тюрьма в тюрьме. Я думаю: «Будут меня сейчас метелить. Если метелить будут – схвачу за горло». Такая злость была... Слышу за дверь – ещё кидают одного. Потом нас выводят и в другую камеру. Камера большая, свободная. Думаю: «Ладно, метелить не стали...» А как раз Берию арестовали, охрана приходит, мы: «Уууу, берийские осколки, скоро и вас понимают!» И тут стали снимать всех начальников, МВДшников, ставить новых. И вот нас утром выводят, комиссия, спрашивают, какие у нас жалобы. Я рассказываю – так и так. Они: «И что, вам хуже было?» Я: «Не хуже, но всё-таки изолятор». Речка рядом была небольшая, нас на речку на солнце стали выводить, пошло уже облегчение. И когда в Верхоянск привезли нас, в Якутию, то уже совсем другое дело. Самолётом везли нас 7 человек, офицер с нами. Посёлок Бытыгай, мы спрашиваем, где тут лагерь. А этот офицер говорит, что в один лагерь не принимают, в другой. Безконвойник я стал. Сначала трилевал лес – называется трилёвка, лес рубят, его надо свозить, на лошадку... А потом работал на обогатительной фабрике: столы такие трясутся, и там струйка серебряная, олово, серебро, подставляешь металлическую коробочку, наберётся – и в ящик. Потом на материк отправляли, бочка 500 килограмм. А потом мне предложили работать водовозом. Я пошёл водовозом. Сначала всю службу обслужить и четыре бочки в столовую, и каждого служаку обслужить. Я объезжаю их, к 12 часам всех обеспечил, и я свободный. По 200 рублей давали, если надо – пиши, ещё дадут, а остальные деньги идут на фонд освобождения.

У нас прораб был, заключённый. День рождения у него, а он в Киеве начальник большой стройки был, говорит – в шампанском купался, может, и утрировал... Говорит: «Два состава придут с известью, один снабженцы продадут на сторону». И когда его арестовали по 58-й статье, он: «Чего вы меня арестовали по 58-й (политической), я вот это...» А они: «Это дело милиции, не наше».

Я ходил в магазин в посёл-

ке, там и спирт был. Был там такой Вышинский, грамотный. И вот надо спирта ему, он говорит: «Борис, давай». А я уже несколько раз спирт пробовал провозить: когда везёшь, охранник и под хвост лошади заглянет, и в гриву, и бочки с водой пошерудит. А я приспособился так: бочки накрыты мешком, везёшь – лёд образуется. Он подходит к бочке, открывает мешок, туда-сюда – нету, проезжай. А я мешок этот со льдом... А тут я уже воду отвёз, а две бутылки спирта надо провезти. Я положил две бутылки спирта в рукавицы, везу, а он меня за рукавицы... А меня как раз на освобождение оформляли, ну, думаю – всё, попух я. Он: «Проходи». Думаю – выйду, а меня в изолятор. Прихожу, отдаю спирт. Ну а ночью не сплю, думаю, как же так я погорел. Утром выхожу – пропуск, всё без проблем... Выхожу, бутылку спирта взял – охраннику. Он с дежурства идёт, говорит мне: «Заходи». Я: «Ну спасибо тебе». А он: «Да я же знаю, что ты не себе». Спирт поставил, выпили, говорю: «Буду вечно благодарен тебе...»

Много хороших людей там было... Вот в Ворошилове, это на востоке, сидим, заключённые говорят: «Сегодня Хохол дежурит, ни прикурить не даст, ничего, у него строго». А попал я в камеру с двумя сержантами и бывшим прокурором, подполковником, фамилия Гребень. Ему 10 лет дали, он местный, ему передачи приносят, он с нами делился. А за что попал – был у них полковник один, с женщинами у него не получалось. Он Гребеню говорит: «Лекарство такое есть?» Тот: «Запросто! «Домкратус» называется...» А тот не врубился, что это шутка. Едет в город, около аптеки остановились, идёт в аптеку, спрашивает аптекаршу – лекарство «Домкратус», а она тоже не врубилась сразу, говорит: «Нет такого лекарства». Он выходит из аптеки и говорит: «Борис Михайлович, как же так, иди!» Он заходит в аптеку: «Как лекарство называлось?» – «Домкратус». А аптекарша стоит, врубилась, говорит: «Нету такого лекарства, у водителя спросите». Приехали, и этот полковник давай на него писать... Сталин сказал, что без социальной револю-

ции к социализму нельзя прийти. А этот Гребень и говорит, что вот в Венгрии не было революции, мы их освободили, а у них уже социализм. И его на 10 лет, он с нами сидел.

В 1955 году я освободился, уже 29 лет мне было. Супругу нашёл... Приехал я домой в Куйбышев, у меня там отец и мать, устроился в контору связи монтером, оклад 440 рублей, в тюрьме было больше...

*Дроботенко Борис Никитович,
1926 г.р.*

► **У НАС В КЕМЕРОВО РЯДОМ С ДОМОМ БЫЛА ТЮРЬМА, КАК ТОЛЬКО ВЫЙДЕШЬ СО ДВОРА – И СРАЗУ ТЮРЬМА.** Каждый день этапами шли люди, все одинаково одетые в чёрные колпаки, чёрные фуфайки, чёрные брюки. Это ж надо было нашить столько... Шли как демонстрация, по 8 человек ряды, и таких рядов тоже 8 – такая колонна, и колонн пять Их отправляли на Север, у нас пересадочная станция была. Я слышала разговоры, как на фронте воевали, там же не по-газетному, а из уст в уста. И вот я слышала, что набивали камеры в тюрьме так, что нельзя было подвинуться. Стоя спали и умирали стоя. Тот, кто работал там, говорил: колени прижмёшь, и ещё одного вместят. У нас никого не забирали. У нас там село было, где расстреливали, и там озеро было – туда и сталкивали. Были побеги, они куда-то далеко от нас убежали. А фронтовики приходили, они с таким подъёмом наоборот рассказывали, что да, тяжело, очень тяжело, но мы все же выиграли бой...

Папа в тюрьме работал. Приходил и маме говорил: «Ты, если что-то где-то увидишь, ничего никому не говори, за язык можно сесть». Я туда постоянно ходила. Часто работали за оградой, и я туда ходила. Там за городом у них лагерь был, папа меня туда возил, отдыхала с ними, повара меня очень любили...

*Силантьева Мария Кузьминична,
1933 г.р.*

► **С ТЕМИ ДЕВУШКАМИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ СО МНОЙ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ В ГЕРМАНИИ, МЫ ПОТОМ ОБЩАЛИСЬ,**

собирались, на День Победы, возле танка сфотографировались. Потом у одной из наших собрались и отметили День Победы, перезванивались...

Как-то в Херсоне я встретила одну девушку – Тамара её зовут, фамилию уже забыла. Я в 1964 году уже в прокуратуре работала. Прокуратура тогда находилась на улице 9-го Января, а она жила в том районе. В Германии она работала на кухне в том селе, куда нас привезли. Мы работали на деревоотделочной фабрике, а она работала с женой шефа, собственника этой фабрики. И она рассказала, что девочки наши сказали, что, когда придут наши войска, мы шефа повесим на столбе. Она рассказала об этом разговоре, и из-за этого разговора двух девочек арестовали. Их судили, они в Освенцим попали, но они живы остались обе. Одна из них жила в Херсоне, у неё было пятеро детей, но она уже умерла. А вторая, когда мы вернулись после войны, уехала к своим родственникам в Николаевскую область, больше мы её не видели. И вот когда я эту Тamarу встретила, она сделала вид, что ничего не случилось. Она после войны отсидела 10 лет – так ей присудили, и у нас разговора по этому поводу не было: ни я не стала её спрашивать, ни она сама не стала говорить о том, как она отбыла наказание...

*Матвиенко Белона Акимовна,
1927 г.р.*

► **СРЕДИ МОИХ ЗНАКОМЫХ БЫЛО, ЧТО ЗАБИРАЛИ – И ЛЮДИ НЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ.** Если вы попали туда – всё! Был у них такой закон, у КГБистов: был бы человек – дело мы сделаем. У них был план, и фактически они брали этих людей, чтобы люди бесплатно работали. Кормёжка ерундовая была, и судостроительный завод в Херсоне тоже строили «политические» так называемые.

*Алексеев Леонид Степанович,
1928 г.р.*

► **ВЕРНУВШИСЬ ИЗ ГЕРМАНИИ, ПЕРЕЖИВ КОНЦЛАГЕРЬ БУХЕНВАЛЬД, В КОТОРОМ ОН РАБОТАЛ ВРАЧОМ И СПАС ЖИЗНИ СОТНЯМ УЗНИКОВ,** мой отец – Орест

Орест Кузнецов с женой Александрой

Дворников, – в Херсоне не мог найти работу, и тогда взял жену и дочь и переехал в Кировоград. Он надеялся, что там к нему будут относиться иначе. Ему писали, что его тещу останавливали на улице чужие люди и просили передать благодарность зятю за спасение сына, дочери или отца. Его приняли вольнонаёмным врачом в танковое училище. Мама ждала рождения второго ребёнка. Летом она устроилась врачом в пионерский лагерь, и я там была с ней, и отец почти каждый вечер приходил к нам в гости: 4 км туда и 4 км обратно.

Но эта идиллия длилась недолго. 19 июля 1946 года отец вышел из дома, направляясь на работу. На улице с ним поравнялась легковая машина, и офицер СМЕРШ в чине капитана передал якобы приказ начальника училища срочно приехать и провести вскрытие убитого курсанта. Нечего не подозревавший отец сел в машину и исчез. На работу он не пришёл, ни о каком вскрытии в училище не знали. И домой он не вернулся, и к нам с мамой вечером не пришёл. Утром к нам прибежала мамина сестра и сказала, что Орест пропал. Время было беспокойное, послевоенное, голодное, всё могло случиться. Бросились отца искать по всем инстанциям – ни в больницах, ни в милиции, ни в КГБ ничего нет.

А в это время отце уже через сутки был в Херсоне, в подвале МГБ прямо напротив дома, где жила наша семья. Мама вместе со мной вернулась в Херсон, тут родилась вторая дочь Алиса. Отец даже слышал из своей камеры, как мама зовёт: «Норочка, иди ужинать!» Но семья не знала, что он так близко от нас. Конечно, догадывались, что он может сидеть в камере МГБ: тогда многие, побывавшие в фашистском плену, попадали в их застенки.

Моя бабушка Ксения Яковлевна сказала мне, чтобы я почаще пробегала мимо здания напротив и заглядывала в окна. Часовые не разрешали прохаживаться по той стороне и останавливаться. Но мне было восемь лет, на меня кто обратит внимание? И я стала часто играть на улице, под балконом, и

часовые привыкли ко мне. Однажды я нарочно возле самого окна скинула с ноги сандалию. Присела на корточки, застёгиваю пряжку, а сама смотрю в окно – а у самого стекла, на откосе, висит папин пиджак в «шахматную» клеточку. Я бы его ни с чем не спутала! Тут же побежала к бабушке и рассказала. Бабушка собрала узелок – кусок сала, буханку хлеба и кожаные заготовки для сапог – самое ценное, что было в доме. Вечером, после смены караула, стала у ворот, остановила молодого солдата с приятным, добрым лицом, пригласила в дом, пошептала с ним, вручила ему узелок. Отдельно передала смену чистого белья.

Через пару дней этот солдатик вечером сам пришёл к бабушке, принёс записку от отца и свёрток с бельём. Когда он ушёл, бабушка развернула свёрток, увидела окровавленную рубашку Ореста, зарыдала, прижала её к лицу. Дед к ней подошёл, отнял бельё и бросил в огонь. Так семья узнала, что Орест здесь.

Дед стал искать встречи со следователем. Но один адвокат (его вскоре застрелили на улице) посоветовал не проявлять активность, так как Оресту это не поможет, а всей семье навредит.

Через несколько дней солдат, который передал записку, пришёл к нам домой последний раз и говорит: «Меня выгнали из охраны».

Что-то заподозрили, но прямых улик не нашли, поэтому ограничились увольнением.

Дело отца вёл следователь Кожухарь. Ему предъявили обвинение в измене Родине, пособничестве фашистам, шпионаже. Он пытался рассказать правду, доказать свою невиновность. Но правда никого не интересовала. Отец Ореста (мой дед) передал следователю справку, выданную в Бухенвальде уже после освобождения, о том, что «О.В.Дворников является членом подпольной антифашистской организации и участвовал в освобождении и спасении узников Бухенвальда». Но следователь заявил, что эта справка фальшивая и ничего не значит. Много лет спустя отец узнал, что такие справки предъявляли и другие участники подполья, но Берия приказал считать справки фальшивками, а их подателей – американскими и немецкими шпионами, потому что он не верил, что немцы могли допустить существование подпольных организаций в концлагере. Подробности своего пребывания в застенках МГБ отец никогда своим близким не рассказывал. Я это узнала от друга семьи, бывшего работника прокуратуры.

Двадцать два дня отца пытали, заставляя подписать признание. Помещали в «каменный мешок» - бункер, где невозможно было даже присесть, только стоять. По несколько суток не давали ни еды, ни воды, лишали сна. Допросы могли длиться непрерывно, сутками, только менялись следователи. Сосед по камере советовал отцу подписать признание, согласиться, что справка фальшивая, тогда эта справка может остаться в его деле, а иначе её могут просто уничтожить, и потом вообще никому ничего не докажешь. Но, когда отец уже согласился подписать признание, что он был немецким шпионом, он вдруг сказал, что должен признаться, что был ещё и французским шпионом. Дело послали на дополнительное расследование. Потом он «признался», что он и английский шпион. Кожухарь понял, что Орест над ним издевается. Он приказал «поработать» с обвиняемым, после чего он

признался, что является агентом девяти иностранных держав. И ещё ему предъявили обвинение в выдаче гестапо участников патриотической группы в Кировограде.

Приговор Таврического военного округа от 17.01.1947 г. по ст.54-1 (б) и 54-10-2: тюремное заключение сроком на 10 лет и 5 лет поражения в правах (измена родине с оружием в руках).

Через год открылась фамилия настоящего предателя патриотической группы, его нашли в Сибири, судили, и с отца обвинение было снято.

Много лет спустя, когда отец уже освободился из лагеря и работал в Херсоне в инфекционной больнице, судьба его опять свела со следователем Кожухарём. Его доставили в палату, где находился ещё один из «подопечных» Кожухаря. Бывший следователь был совершенно беспомощным, парализованным, да ещё и с инфекционным заболеванием. Увидев, что его лечатим врачом будет Орест Дворников, он испугался. Но доктор его успокоил: «Не бойтесь, я вам мстить не буду, судьба уже отомстила за меня». И доктор, и сосед по палате ухаживали за беспомощным Кожухарём. Но это было уже в 1956 году.

А в 1946 году, вскоре после ареста, когда наша семья ещё не знала точно, где находится отец, в наш дом пришли с обыском. Пришли, как обычно делалось, глубокой ночью. Все уже спали, когда раздался громкий стук в дверь с требованием немедленно открыть. Взрослые вскочили, набросили на себя халаты, платки. Зашли трое военных, в дверях стояла дворничиха тётя Дуся. Никто не знал, за чем и за кем они пришли. Они, ничего не объяснив, начали обыск. Выгребали все вещи из шкафов, ящиков, переворачивали постели, даже детские, заставили вынуть новорожденную Алису, младшую дочь Ореста.

В руки молодого офицера попал блокнотик Ореста немецкого производства, который он привёз из Германии, из Бухенвальда. Там разными почерками, на разных языках были записаны адреса его бухенвальдских друзей со всей

Европы. Перелистав несколько страничек, офицер незаметно для своих спутников опустил блокнотик за спинку дивана. Но блокнот выглянул из-под дивана. Подвинув его носком сапога обратно, он громко сказал: «Здесь ничего подозрительно нет». А, выходя из квартиры, шепнул бабушке: «После нашего ухода – сожгите». Если бы он показал своим спутникам эти адреса (прямое доказательство связи с иностранцами), смертная казнь была бы неминуема.

После вынесения приговора отца перевели в тюрьму по Перекопской. Но когда родственники подошли к окошку для принятия

Доктор Орест Кузнецов

передач, то передачу не приняли – сказали, что такого здесь нет. И в МГБ отвечали, что нет. Где искать? Что делать? Через родственников узнали, что он всё-таки в этой тюрьме. Бабушка взяла меня и пошла на валы. Напротив тюремных окон, где сейчас аллея Славы, был глубокий овраг до самого Днепра, а по краю оврага – земляной вал. Бабушка садилась на край оврага и внимательно смотрела на тюремные окна, а я взбиралась на самую высокую точку вала и по просьбе бабушки начинала танцевать, кружись и размахивая белым платочком. Танцую, машу, уже устала, надоело, а бабушка просит: «Потанцуй ещё, так надо». А сама смотрела в окна. И так мы ходили на валы три дня, и только на третий день в одном из окон верхнего

этажа замелькала белая тряпочка. Значит, отец там, он жив! Спустя много лет отец рассказывал, что вся тюрьма наблюдала за танцующей девочкой, все по очереди пробирались к окнам, потому что в камере было так много народа, что даже сидеть на полу одновременно могли не все. И только на третий день дошла очередь до Ореста подойти к единственному окошку. Когда он увидел свою маму и дочь, заплакал, а взмахнуть в ответ было нечем. Кто-то оторвал от своей рубашки светлый лоскут и дал ему. Ему помогли подтянуться повыше к окну, и он долго нам махал белым лоскутом.

Через знакомых удалось ему что-то передать в тюрьму, а спустя полтора месяца уже официально ответили, что он здесь, и разрешили передавать передачи один раз в квартал.

В 1949 году его перевели в колонию в посёлке Сливино под Николаевом, и перед отъездом разрешили свидание. На свидание пришла жена и две дочек. Отец впервые увидел свою младшую дочь Алису, которой было почти три года. Он хотел взять Алису на руки, но она его не знала, дичилась.

В Сливино отец был недолго, работал там врачом в лагерной больнице. Через несколько месяцев поступило распоряжение перевести его в Сибирь. Семье разрешили свидание, но о переводе в Сибирь ничего не сказали, и тёплых вещей отцу мы не привезли. Осенью одетого в пиджак и летние туфли отца привезли в Сибирь, где уже стояли 40-градусные морозы. Год он работал на лесоповале, а с сентября 1951 года по октябрь 1954 года – в лагерной больнице врачом-терапевтом и рентгенологом в г. Мариинске Кемеровской области. Госпиталь был большой, врачей много, а больных ещё больше. Но у отца был опыт Бухенвальда, его там французские патриоты называли «врач невозможного».

В сибирских лагерях были генералы, академики, учёные разных отраслей наук, артисты, высококлассные специалисты – цвет советского народа, победители фашизма, которых «последним

фото из архива семьи Кузнецовых

сталинским ударом» пытались сломать духовно и физически. Судьба отца свела с адъютантом маршала Жукова – Александром Алексеевичем Филатовым. Его, больного туберкулёзом, направили в больницу. Он и в зоне носил генеральский мундир. Над ним насмехались, издевались и охрана, и уголовник, а он, высококультурный человек, сносил все издевательства с достоинством. И мой отец забрал его к себе в медицинский барак завхозом по белью, и этим оградил от унижений.

В Сибири отец отпустил бороду и имел прозвище «дед». Он и там не падал духом, любил общаться, а общаться было с кем – в лагере был цвет советской интеллигенции. Он участвовал в лагерной самодеятельности, хотя самодеятельностью её называть нельзя, потому что выступали профессиональные артисты, были среди них заслуженные и народные. Он подружился с музыкантом Пимке – первой скрипкой Большого театра.

Домой ему разрешали писать четыре письма в год...

Через год после смерти Сталина военная коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела «Дело по обвинению О.В.Дворникова» и «по вновь открывшимся обстоятельствам приговор отменён, и дело прекращено за отсутствием состава преступления».

О тюрьме и лагере в Сибири

отец рассказывал мало. В одном интервью он сказал: «Я никогда не обижался на Родину. Я был песчинкой в общей массе пострадавших». А на вопрос «где было тяжелее?» ответил: «Конечно, здесь. Там, в Бухенвальде, у нас был общий враг – фашизм. Мы верили в победу над ним, мы объединялись и боролись. А здесь, на родине, морально было гораздо тяжелее. Угнетало чувство несправедливости. Каждый считал себя незаконно наказанным, оговоренным, а вот другие – это, наверное, настоящие враги народа, изменники Родины. И это чувство недоверия, настороженности к ним, кто прошёл чистилище ГУЛАГа, осталось до конца жизни».

*Кузнецова (Дворникова)
Элеонора Орестовна, 1938 г.р.*

► **ПРОРАБОТАВ В ХЕРСОНЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА ВРАЧОМ НА УЧАСТКЕ, В 1954 ГОДУ Я БЫЛА ПЕРЕВЕДЕНА В СТАЦИОНАР ТРОПИНКИ** – ординатором детского отделения и педиатром родильного.

Главным врачом больницы с послевоенного времени был Владимир Зиновьевич Зильберштейн, по профессии – акушер-гинеколог. Войну прошёл фронтовым хирургом. Руководил спокойно, тихо, криков никто не слышал. Приезжал всегда в бричке на лошадке в 6 часов утра. В 1953 году мы пережили с ним драму – «дело врачей»...

Потрясением было для всех,

когда впервые объявили, что в Москве открылась, как тогда писали, «банда врачей-убийц». Врачи были уже арестованы. Как правило, это были врачи, лечившие Сталина и правительство – крупные учёные, доктора наук, с большим опытом, стажем работы. И, как всегда в те времена, стали искать такие группы по всему СССР. И вот в Херсоне (были ли ещё где, мы не знали) «обнаружили» такую группу. А что в это время творилось в городе! Везде только разговоры о врачах-убийцах. Поликлиники пустые, больницы тоже опустели. Врачам не верят, от лечения отказываются. Во всех местах скопления людей только и разговоры, что о врачах. Боишься, чтобы тебя не узнали в автобусе, на улице, оскорбляли.

И вот в такой обстановке в феврале 1953 года меня вызвали на первый допрос в КГБ. Я шла и понимала, что обречена. Был опыт 1937-го, 1947-го годов. Мне тогда было 28 лет, у меня был 4-летний сын. А муж в это время учился в мединституте, жил в Днепропетровске и ни о чём не знал, даже не догадывался. Перед первым допросом я даже не догадывалась, о чём будет идти речь. Прихожу, при входе показываю свой вызов, отбирают, и с дежурным мы спускаемся в подвал – слева, справа стальные двери, тихо (а может, это от страха всё показалось). Из подвала поднимаемся на второй этаж, вводят в кабинет, где сидит следователь. Первое, что он делает – берёт подписку о неразглашении тайны. Следователь молодой, а руководитель следственной группы – мой сосед по квартире – дверь в дверь. Что пришлось нам с ним пережить! Общий коридор, общая кухня, общий умывальник. Как мы прятались друг от друга! Как мы боялись друг друга! После каждого допроса следователь звонил ему и спрашивал:

– Закончил допрос Подольской. Вы придете?

– Нет, отпускайте.

Начинается допрос с заполнения обычных официальных данных:

– Фамилия, имя, год рождения, национальность.

– Русская.

Следователь вздрагивает и

фото из архива семьи Подольских

говорит:

– Как русская?! А почему же Подольская?

– Потому что у меня муж еврей.

– А, так вы из одного кодла!

И вот это слово, и то, как оно было сказано, подтвердило, что всё, о чём бы ты не говорила – ничего не поможет. Всё уже решено. И началось...

На столе бутылочки с таблетками, порошками, жидкими лекарствами. Следователь спрашивает: – Скажите, каким из этих лекарств можно отравить ребёнка?

Пирамидон, сульфодимезин, хлористый кальций...

Отвечаю:

– Этими лекарствами отравить нельзя.

– А может быть, можно? А чем можно? А знаете ли в вашем объединении врача, который мог бы отравить ребёнка?

И вот до меня наконец доходит. У нас на Жилпосёлке была высокая детская смертность. А что такое Жилпосёлок? Бараки, матери-вдовы или одиночки, голод, холод, нищета. Педиатры детской поликлиники Тропинки в основном еврейки. Главный врач Зильберштейн Владимир Зиновьевич – еврей. А я сижу в горздраве – инспектор по вопросам охраны материнства и детства и «покрываю» их. Следователь продолжает:

– А как вы работаете? Какой

у вас стиль работы? Как часто вы контролируете учреждения? Бывают сбои в плане проверок?

– Конечно, бывают.

– Напишите, какие сбои бывали?

И вопросы как-то ставились под таким углом, что получался ответ: «Да, не выполнила, да, не успела». И опять по второму кругу:

– Нет, этим нельзя отравить.

– Назовите фамилию педиатра, который мог это сделать.

– Я такого не знаю.

– А может быть, знаете?

Вспомните!

И так ещё раз по тому же кругу. Все 20 листов я подписала – да, я виновата, да, я не выполнила. Очень долго, мучительно долго для меня шёл допрос. Вышла с допроса в темноте и в таком шоковом состоянии, что не знала, куда мне идти. Чтобы только скорее отойти от этого здания, я пошла. И, как оказалось, я ушла в сторону ХБК, а жила на улице Ленина, 40. Смотрю – район незнакомый. Стала спрашивать, как мне выйти на улицу Ленина.

Я не помню, во сколько я пришла домой. Захожу. Сын Женя сидит на стульчике у печки-голландки. Я сняла его с этого стульчика, села сама, прислонилась к печке спиной, Женю посадила к себе на колени и замерла. Сколько мы

так просидели, я тоже не знаю. Как сын всё это выдержал? А родители – что они могли подумать? Откуда я явилась, что со мной? Потом я молча уложила Женю спать, легла и стала прислушиваться, когда приедет за мной «воронка». И все последующие ночи были с ожиданием «воронка».

Через какое-то время опять вызывают на допрос. Опять те же вопросы и те же ответы. Допрос короче по времени, отпускают. Назначают встречу на 5 марта. Утром собираюсь на допрос. По радио объявили, что умер Сталин. Уже двое суток шли сообщения, что он тяжело болен, в коме. Иду на 9 часов зарёванная, красная, лицо распухшее, иду по улице Ришельевской (теперь улица Октябрьской революции), где стоит здание КГБ – угол Декабристов. Потом это здание было закрыто, но я его боялась и обходила всякими другими путями, лишь бы не пройти мимо.

И вот я прихожу, открываю дверь, подхожу к окошку, называю себя и говорю, что меня на сегодня вызывали. Жду. И вот по лестнице сбегает мой следователь, и замечаю, что у него не траурное лицо. Я зарёванная, а он светлый какой-то. Подходит и говорит:

– Вы видите, какой сегодня тяжёлый день, какое несчастье. Мы сегодня с Вами работать не будем. Идите домой. Когда Вы ещё понадобится, мы вызовем.

Так я перестала ждать ночью «воронка», отсыпалась.

Кстати, когда я пришла после первого допроса в своё детское отделение в Тропинке, я поняла, кто из сотрудников побывал там, в КГБ. Лица были другие. Потом через много лет мне сестра-хозяйка отделения рассказывала, что,

фото из архива семьи Подольских

когда её там допытывали (она же очень давно работала с Зильберштейном), она его защищала и говорила:

– Я его давно знаю, не может он быть таким.

А следователь ей сказал:

– Эх вы, русская женщина!

Хозяйку эту звали Матрёна Ивановна.

Дело о «врачах-убийцах» - это, по сути, был «еврейский вопрос». Значительно позже рассказывали, что были готовы составы теплушек, готовились списки. Смерть Сталина мгновенно остановила этот процесс. Следовательно, даже ближайшему окружению была понятна вся абсурдность этого обвинения.

*Подольская Лилия Степановна,
1925 г.р.*

► **НЕ ХОЧУ НАЗВАТЬ СЕБЯ “ОТКАЗНИКОМ” ИЛИ “БОРЦОМ”, НО СОГЛАШАТЬСЯ – Я НИКОГДА НЕ СОГЛАШАЛСЯ**, и язык свой не держал при себе, а что на уме, то и на языке... Кто-то из своих донёс, что я про социализм сказал. Нас было трое, но один моряк, а один готовился в моря – Алик его звали. Моряк был честный человек, мы с ним ругались на счёт еврейства. Он как-то пришёл и говорит: «Я сегодня был в КГБ (у него визы и всё такое), и меня о тебе спрашивали на счёт этого социализма». Я: «Ну и что ты сказал?» Он: «Ну, ты же знаешь, я не мог не подтвердить, потому что закروют визу, и закончатся все дела...» Он подтвердил, но сам мне сказал. Значит, он не пошёл специально, чтобы меня заложить, а Алик – он готовился...

Я не любил Советской власти. И я знаю, за что её не любил: за то, что в 1936 году моего папу арестовали ни за что, выпустили в 1941 году, и в 1941-м забрали на фронт. Он погиб в 1944 году, прошёл войну, а потом мне в КГБ выдали бумажку: «Оправдан за отсутствием состава преступления». Человек шесть лет отсидел на каторге, понимаете? Я просто не могу этого простить так же, как я Гитлеру не прощу моего деда. Это моё личное дело, но я не любил эту фальшивую власть. Вот если бы сейчас меня спросили: «Что ты больше всего ненавидишь на свете?» я бы

сказал: «Две вещи – лицемерие и зависть». Вот у меня нет ни грамма зависти – ни к кому и никогда, и я ненавижу лицемерие, а вся советская система – полностью вся! – была пропитана лицемерием. Вот начальник КГБ меня вызывал, он сидит за столом, я сижу перед ним, он говорит: “Вот вы преклоняетесь перед этой границей, за эти сраные шмотки вы готовы всё отдать!” А сам сидит – на нём английский костюм, французская рубашка, французский галстук, обувь фирменная... И он мне это говорит! А на мне почти ничего, ну, то, что я достал – может, джинсы (на мне всегда были джинсы), а больше на мне ничего иностранного нет. Это, конечно, мелкий пример, но оно так было везде. Те же учителя нам в школе говорили какую-то ерунду о дружбе, о товариществе, о дружбе народов, о том, что нужно жить только ради родины, ради партии, и никто не говорил, что каждый из них в первую очередь живёт для себя...

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

► **В 30-ТІ РОКИ ДО НАС У КАРДАШИНКУ РОЗКУЛАЧИВАТЬ НЕ ПРИЇДЖАЛИ, А ПРИЇДЖАЛИ АГІТАТОРИ-ОРГАНІЗАТОРИ**. А потом підбирали своїх таких, а свої були неграмотні, і вони ходили і забирали у кого що є – у кого корова, у кого ще щось, і здавали «у суспільство» – так називали. Голодомора у нас не було, але активісти приходили і забирали. Вони були не вредітелі, вони недопонімали. В селі їх зразу боялися, а потом вони вже ніхто були. Була у нас в селі во время колективізації (це 1929-1931 роки) одна жінка-активістка Веселовська Христина. А потім вона просто робила в колхозі, а при немцях на неї указали, що вона була членом партії і організатором, і у нас її одну-єдинственну розстріляли. У нас були три такі чоловіки, які не були багаті куркулі, але були проти советської власті, вони прі немцях осталися, і вони вказували. І ці троє добилися, щоб її розстріляли. У нас немці не стояли, один раз пройшов обоз руминів – заблудилися, один день по хатах ходили, лазили по скринях і їсти

шукали. Комендатура була в Голій Пристані, туді ходили пішки, і сюди приїхали один офіцер і два німці на бричці. Там, де зараз сільсовет, була управа, і вони послали поліцая, щоб привів ту Веселовську. З нею не бесідували, вивели трохи за город, поліцая заставили викопати яму – і розстріляли. Поліцай був з наших, але у нас люди не йшли в поліцаї, тільки троє пішли добровольно, а то заставляли – визивали, надівали оті повязки. Цей чоловік, який привів Веселовську – він після війни вже в колхозі робив, даже був бригадіром, був чесний робочий, і донос на нього прийшов, його після війни судили, він 10 год одсидів. А на нього люди не ображалися, таких як він називали не поліцаями, а говорили «стрибки». А ті троє були заядлі...

В 1947 році був секретар райкома партії – Смирнов. Люди не могли вироблять мінімум трудоднів. Надо било виробить 120 трудоднів. Одна жінка не виробила. І получається, що не всі на роботу ходять. І приїжджає цей Смирнов в Кардашинку, і председатель колхоза должен підібрати людей, хто не виробляв мінімум трудоднів, щоб їх сільським судом усудить і вислати за межі України. У школі зібрали людей з усієї Кардашинки, привели двох жінок. Одна з них була жінкою поліцая, причому противного поліцая, але вона була з ним нещасна, і у неї був син-каліка. Друга жінка – Марія, у ній шість чоловік було в сім'ї, руки покручені, ну не могла вона виробляти ті трудодні! І третя. І ось їх судять. Секретар райкома виступає, каже: «Хто за те, щоб вислати цих жінок за межі України? Прошу підняти руку!» Ніхто не підняв, ні один чоловік. «А хто проти?» - знов ніхто. Він каже: «Одногосно». Підїжджає машина, грузять цих жінок і вивозять. І вони десь сиділи... Так вивезла ж не советська власть! А потом оказалось, що того Смирнова судили, він оказався предателем. От такі руководили і такі судили безневинних!

*Павлова Валентина Ивановна,
1927 г.р.*

ЛИДЕРЫ СССР

ПОРТРЕТ СТАЛИНА

Культ личности генсека Сталина был развенчан генсеком Хрущевым. Мраморные, бронзовые, железобетонные и гипсовые Сталины навсегда ушли с советских площадей, улиц, парков, скверов, залов, кабинетов. Но вот с генералиссимусом Сталиным попрощаться не удалось. В бумажном формате, с ретушью, в военном мундире с орденами Иосиф Виссарионович остался на стенах в домах и квартирах, под стеклом в сервантах, даже в окнах грузовых автомобилей.

фото из архива семьи Подольских

СМЕРТЬ СТАЛИНА

▶ Я ПОМНЮ, БЫЛ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СТАЛИНА, И НАМ ДАВАЛИ КОНФЕТКИ И ПРЯНИЧКИ – пару конфет и пряничков, завернутых в кулёчек бумажный. Это первый раз такое было. А когда я в первом классе, нам давали маленький кусочек хлеба, и я пыталась немножко съесть и принести маме, а мама меня ругала.

А потом, когда в 1953 году умер Сталин, я помню, весь народ плакал, все плакали. Помню, собирался народ на площадь, там было невозможно, можно было задушиться на этой площади! Все говорили, выступали. Но, знаете, мы тогда не обращали внимания на политику – ну, умер, ну жалко.

А когда я в 1957 году была на фестивале молодёжи и студентов в Москве (это я уже закончила херсонское педучилище), я жила не в общежитиях, а на квартире. Начальник педучилища дала мне два ведра яблок «белый налив», и у неё там был родственник, жил на Арбате, улица Молчановка. Я у него была дней пять. Как я приехала, меня все спрашивали: «Вы яблоки продаете?» А я: «Да нет, это просто гостинец». Пришла, позвонила, хорошо меня встретили. Мужчина этот, старик, он мне показывал кусочки то ли железа, то ли латуни и говорил: «Я делал гроб Сталину». И вот у меня один кусочек до сих пор хранится, там написано «В память такой-то».

*Шаварина Ольга Лазаревна,
1938 г.р.*

▶ Я ПОМНЮ – Я БЕЖАЛ, МЫ БЕЖАЛИ, НАС ЛЮДИ ОСТАНОВИЛИ, ГОВОРЯТ: «ТИХО!» Я: «Что случилось?» – «Сталин умер». Это был 1953 год, и возле сегодняшнего городского ЗАГСа, в сквере стоял бюст Сталина. И люди сразу там собрались, траурный митинг с возложением венков – вот это я помню. Мы там стояли, и шалости были молниеносно прекращены. Вот так могли взрослые одним словом воздействовать на молодёжь. Даже в нашем сознании восьмилетних девчат и мальчишек это сразу – бах...

*Левченко Николай Алексеевич,
1945 г.р.*

▶ СМЕРТЬ СТАЛИНА – ПЛАКАЛИ, ПЛАКАЛИ И ПЛАКАЛИ. СТРАХ БЫЛ ЗА ТО, КАК МЫ ДАЛЬШЕ ЖИТЬ БУДЕМ? Мы привыкли к тому, что нам всё указано – что делать, как делать и где делать. А тут смятение такое. Очень тяжело народ переживал. Сталину верили, несмотря на всё. Потом, конечно, когда Берия арестовали, я в техникуме агитатором работал, все пошли на обед, а в обед передали, что Берия арестован. Я прихожу, меня подменили, и мне говорят: «Вот ты нам рассказывал про Сталина, про Берия, а Берия твой – предатель!» Я так возмутился! Я уже был членом коммунистической партии. Я был в партии с 1946 до 1948 года, а потом стычка произошла, и я сам послушал...

*Иванов Генрих Иванович,
1931 г.р.*

▶ ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО СТАЛИНА – НЕ БЫЛО БЫ ПОБЕДЫ, ПОВЕРЬТЕ МНЕ. Это человек, который своей силой воли создал военную экономику, создал военные силы, создал дисциплину в армии. Немцы, когда напали, – они были вооружены до зубов и полны решимости, у нас была паника большая, эту панику нужно было останавливать. После войны, даже ещё самое тяжёлое время было, была плохо развита лёгкая промышленность, было трудно с одеждой, трудно со всем, а уже цены начали понижаться, коробочка икры чёрной, красной стоила 80 копеек.

*Казначеев Владимир Петрович,
1928 г.р.*

▶ КОГДА УМЕР СТАЛИН, ЛЮДИ БЫЛИ ШОКИРОВАНЫ, потому что в тот период, после войны, быстро налаживалась жизнь, это было заметно. Даже мы, дети, это замечали. Второе, что было заметно – очень много было детских домов, там детей учили, питание было, и детьми занимались, многие же остались без родителей. Сталин умер 5 марта. Женщины 8 марта тихо собрались, посидели как подруги. Когда Сталин умер, у народа был сильный шок, страха не было, но в этот период прошло несколько понижений цен, люди радовались, что выскочили с голодовки послевоенной, которая была в 1947 году...

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

► **СМЕРТЬ СТАЛИНА – ЭТО БЫЛО, КОНЕЧНО, НЕПОНЯТНО, В СВОЕЙ СРЕДЕ НЕ ПОНИМАЛИ.**

Сталин был как отец, вождь, мы за него шли в бой. В Бога не верили, а Сталин был как душа. Когда он выступал, мы, затаив дыхание, слушали его речь. Патриотизм был сильный.

*Украинцева Ольга Сигизмундовна,
1922 г.р.*

► **1953 ГОД, КОГДА УМЕР СТАЛИН – ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ СТРАШНО.**

Всем было страшно от неизвестности. Бюст Сталина был в каждой школе обязательно. На улице Ришельевской, где сейчас памятник Божьей матери, там был большой памятник Сталину – очень большой, высокий, в длинной шинели. И вот возле этого памятника был почётный караул. Памятник этот стоял на там месте, где взорвали церковь, а взорвали церковь где-то в 1947 году, после войны, долго её взрывали, она такая крепкая была, долго она не хотела рушиться... И вот почётный караул стоял от дня смерти до погребения Сталина, стоял круглосуточно. Дежурили там со всех предприятий. В первый же день там был большой митинг, вся эта площадь бала запружена людьми, люди плакали.

Самое интересное, что моя мама, которая пострадала от Сталина – её муж был осуждён, её любимый дядя был тоже репрессирован ни за что и погиб в тюрьме, – так мама плакала и говорила: «Лучше бы я умерла, чем Сталин! Пусть бы Сталин жил...» Потому что все настолько привыкли, чувствовали себя защищёнными, когда был Сталин. Люди не представляли, как они будут жить без Сталина. И в каждой школе был почётный караул, и лучшие ученики стояли, это считалось почётным – постоять 20-30 минут возле бюста Сталина. Какого-то злорадства или возмущения я не помню, а помню именно страх – а что дальше будет?

*Кузнецова Элеонора Орестовна,
1938 г.р.*

► **У НАС В КЛАССЕ БЫЛО 19 ЧЕЛОВЕК, МАЛЕНЬКИЙ КЛАСС БЫЛ.** Тогда были все кружки – физический, химический, математи-

ческий, географический, исторический – какие ты хочешь. После школы нас оставляли, и мы занимались. Кроме пионер-дворца, мы ещё и в школе занимались. И вот, когда умер Сталин, нас всех собрали и объявили траур. И мы, как старшие, объявили своё желание круглосуточно дежурить у бюста Сталина, и так по двое стояли. А остальные (пусть простит нас товарищ Сталин) в приёмнике что-то искали и слушали музыку, причём такую – неразрешённую, зарубежную...

Как-то раз к нам архиерей приехал в город. А в этот день как раз было открытие памятника Сталину, во весь рост. И вот у нас несколько человек пошло на открытие памятника, а остальные побежали смотреть на архиерея. И мы сорвали урок, а потом нам: «Как это так, вы пошли на архиерея...» Ну, памятник-то Сталину будет стоять, а архиерей уедет...

Памятник Сталину в Херсоне стоял в сквере по улице Комсомольской (старое название - Эрделевская), за центральным городским ЗАГСом. Раньше это была Покровская площадь. В 1804-1812 годах здесь была построена Покровская церковь, разрушенная в 1946 году – её колонны до сих пор украшают вход в парк им. Ленина. На месте колокольни сначала поставили памятник Сталину, со временем - Шевченко, потом - обычную клумбу. Сейчас на этом месте – скульптура Богородицы.

*Красутская Александра
Георгиевна, 1935 г.р.*

► **КОГДА УМЕР СТАЛИН, Я ЗАНИМАЛСЯ В ДОСААФ НА УЛИЦЕ СУВОРОВА.**

Нас вывели всех, построили, и ребята плакали – не знали, какой он изверг... Сейчас документы опубликовали, где Сталин сказал: «Солдат не жалеть». Я сам не переживал, не плакал, только слышал неоднократно, и даже мои родственники говорили: «Что ж делать будем? Такой человек умер, такой человек! Неужели нельзя было его спасти, что ж теперь будет?»

*Кедровский Владимир Трофимович,
1934 г.р.*

► **Я МОГУ СКАЗАТЬ, ЧТО КОГДА СТАЛИН УМЕР, И МЫ УЗНАЛИ ОБ ЭТОМ,**

я зашёл в часть, ребята сидят там – некоторые даже плакали. Я говорю: «Ребята, вы что, дураки? Свобода пришла!» И действительно – всё... Страшно до этого было: вот вы что-нибудь сказали, вот мы разговариваем, а кто-то донос написал, взяли – закрыли. Все боялись, страшно было.

Я помню, отдышал я в санатории в Гаграх. Там я познакомился с Георгием, он был преподавателем политэкономии Тбилисского университета, заведующий кафедрой был. И вот тогда я впервые услышал, что в Грузии в то время (а это было уже в 60-х годах) была частная собственность, личная собственность, и это никакими налогами не облагалось – вот что Сталин для них делал, он делал сильнейшие вещи...

*Алексеев Леонид Степанович,
1928 г.р.*

фото из коллекции Н. Гоманюка

► **КОГДА Я БЫЛА МАЛЕНЬКАЯ, У НАС НА КУХНЕ ВИСЕЛО РАДИО – ТАКОЕ, КАК ПОКАЗЫВАЮТ ЕГО В ФИЛЬМАХ, ЧЁРНОЕ, КРУГЛАЯ ТАКАЯ «ТАРЕЛКА».**

И вся семья собралась, ещё соседка пришла. В доме, кроме детей, была я, брат на 10 лет старше. Помню, я ещё болталась, и мне подзатыльник дали, чтобы не баловалась и не мешала. И слышу голос Левитана – такой голос, что нельзя было не слушать, я останавливалась и слушала. И вот он объявляет... Тишина, все сидят на кровати. Я остановилась. Он объявляет, что умер Сталин. И та-

фото из архива семьи Данчук

кая гробовая тишина у нас... И потом уже всё закончилось это, как-то все зашевелились, смотрю... Никто не плакал, я вам честно скажу, траура никакого не было. Я так думаю, что, наверно, просто вздохнули. Но помню, в детстве у нас в доме такой маленький бюст был – Сталин такой был, покрашен серебрином, он у нас стоял на окне, занимал самое видное место, все, когда заходили на кухню – все его видели. А когда это всё случилось – я не помню, какой был разговор, только помню, чтоб из дома это всё не уходило. Наверно, как-то это связано было с нашей семьей, но мой брат вскоре взял этого Сталина, засунул его в чулок и подвесил – у нас была длинная такая лежанка, в деревнях такие были, и он подвесил, а дедушка всё говорил: «Смотрите, чтоб никто не видел!» Такой страх ещё присутствовал, чтобы это всё из дома не выходило. Ну а я была девочка очень любопытная, я вскорости разбила этого Сталина, мне было интересно, что там внутри – красная глина, не пойму, откуда она взялась. У нас красной глины не было, я всю территорию у нас обходила, всё знала. И вскорости я разобрала и это радио. Мы купили другой приемник – такой квадратный, а я думала, эта «тарелка», которая висела, была мощная, а это оказалась обыкновенная бумага, я её прорвала – и всё.

Аноним. 1949 г.р.

► **КОГДА СТАЛИН УМЕР, ВЕСЬ ГОРОД ПЛАКАЛ.** На улице стояли рупоры, народу было очень мно-

го. Я как раз за хлебом ходила. В центре города смотрю – народ, я подошла. Все плакали, я тоже плакала, было жалко его...

*Силантьева Мария
Кузьминична, 1933 г.р.*

► **Я ПОМНЮ, КОГДА Я БЫЛ ЕЩЁ ПАЦАНОМ, В КАЖДОЙ ГАЗЕТЕ – СТАЛИН, СТАЛИН...** Культ личности же развивался с 30-х годов. И вот однажды отец меня чуть не отлупасил за то, что я портрету Сталина в какой-то районной газете щелчок дал. А он меня: «Ты ещё раз при ком-нибудь так сделаешь – тюрьма и всё!» И уже тогда ненависть была. А когда смерть его была – это я после армии уже был, работал на заводе домостроения. Там лесопильный завод и завод домостроения был, и там старики работали. Старик один вдруг говорит: «Сталин заболел, без сознания». Передают сводку – состояние Сталина, потом передают, что некоторые улучшения, а старые люди говорят: «О, видишь, оживает...» На заводе какое-то собрание, каждый выступает, кончает Сталиным – такой культ личности был. И потом вдруг слышим, гудок – это сам директор завода вдруг приходит, добрался туда, где гудок и собственноручно начал гудеть часа два. И все поняли, что умер Сталин, и они все плакали, а мы в душе радовались. Потом раз – колхозникам облегчение, поставки уменьшили, пошло-поехало, почувствовали облегчение.

*Чуйченко Иван
Степанович, 1928 г.р.*

► **Я УЖЕ БЫЛА В ШКОЛЕ, Я ПОМНЮ ХОРОШО, ЧТО ВСЁ ВРЕМЯ ПЕРЕДАВАЛИ ПО РАДИО, ПО ПРИЁМНИКУ КАК ОН ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ.**

Как-то народ страдал, все как-то старались услышать.... Красный пионерские галстуки были обшиты полосочкой чёрной, люди, можно сказать, ходили в трауре. Я не могу сказать, что люди обозленные были на Сталина, потому что, может, что-то там и было, но это не доходило до массы людей, как сейчас делается. Может, что-то и не надо бы говорить, но всё равно надо вынести мусор из избы. Поэтому, как он умер, плакали люди. Каждую весну до 1953 года было понижение цен, и люди это ждали – все знали, что будет на 20% дешевле, и все бежали утречком скупиться. Когда он умер – гудели все гудки. В этот момент где кто шёл (я была в сельхозколонию как раз) – все остановились, вот насколько уважали своё руководство и уважали друг друга, я так думаю.

*Гаврилова Людмила Аврамовна,
1931 г.р.*

► **СТАЛИН УМЕР НА МОЕМ ДЕЖУРСТВЕ.** Я работала телефонисткой на заводе «Сельмаш», и как раз моё дежурство было. И когда Сталин умер, тут позвонили, и я должна уйти на 12 ночи на работу (шестичасовой рабочий день), а в 6 утра прийти. И когда получилось, что Сталин умер, я и директору позвонила, и парторгу – все на ногах. А мужу звоню домой, говорю: «Что ты, уже все на ногах, ты тоже член партии!» А он говорит: «Ты ж меня в квартире закрыла!» А я настолько была патриот, что говорю: «Спускайся со второго этажа на простынях!» Вот такое было. Чисто-сердечная правда.

*Олейникова Ганна Даниловна,
1923 г.р.*

► **Я БУЛА В 7-МУ КЛАСІ УЖЕ. Я ПАМ'ЯТАЮ, ЩО ТОДІ ВСІ ШКОЛИ ПРЕКРАТИЛИ ЗАНЯТТЯ, І ВСЕ СЕЛО...** Я думала, що Сталін – це таке велике, як дерево – поняття таке в дитини було. Ми думали, що Сталін – це не людина, а це таке щось велике, і умний, що без Сталіна ми не зможемо навіть прожити. Було так, що тільки конституція 5 декабря – так сніженіє цен, і жда-

ли цієї конституції, бо знали, що буде зниження цен на продукти. То все село плакало. То я пам'ятаю добре, що все село плакало – що тепер буде, коли Сталіна не буде? Таке поняття було у людей, що без Сталіна і країни не буде, і тут начав Хрущов виступать про культ Сталіна...

*Бундуки Вера Михайловна,
1939 г.р.*

► **СМЕРТЬ СТАЛИНА – ЭТО Я БЫЛ ТОГДА В 7-М КЛАССЕ, ЖИЛИ В ГОРОДЕ АЛДАН, ПОД ЯКУТСКОМ** – туда отчима выслали на 14 лет на поселение. Помню, там что-то дети плачут, а я был в политике не особо тогда – ну, смерть и смерть... Я находился в такой простой среде, жил среди ссыльных татар – очень много крымских татар, которых туда согнали, очень много было прибалтов. У нас в школе был директор и завуч – высланные прибалты, я не знаю, за что их выслали. Седьмой класс, сколько мне было лет – 14-13? Я в политику сильно не вникал, любил ходить по ближайшей тайге с мелкокалиберкой, постреливать куропаток – вот это и всё, на что меня, так сказать, хватало.

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

► **КАК ЛЮДИ РЕАГИРОВАЛИ НА СМЕРТЬ СТАЛИНА?** Массово поезда ехали на похороны. Люди преданны Сталіну очень были, плакали, буквально плакали. Сталин, конечно, гуманистом ни в коем случае не был, но он реалист и революционер. А Хрущёва у нас на севере называли не иначе как дураком. Во-первых, он кукурузу на севере выращивал. Там такая репа растёт, там животноводческие колхозы были. У меня там пост был, и за одну ночь – ложишься спать, и трава на глазах растёт, картошка такая за один месяц вырастает! Ну, удобрять, конечно, нужно... А в Мурманске я был свидетелем, как приехал Хрущёв, выступал. Он обидел сильно мурманчан, урезал льготы, за стаж перестали доплачивать. Так вот он выступал, а я в толпе стоял и это выступление слышал. Так его забросали яйцами. Я не знаю, тухлые яйца были

или не тухлые, но с него текло, и никого не посадили – милиция тоже его не любила. А почему Хрущёв эту антисталинщину придумал – он был величайший подхалим, этот Хрущёв.

Сталина я уже в мавзолее видел, лежит как живой. Благостное ощущение было, когда входили в мавзолей. Заходим, там охрана с двух сторон, с одной стороны Ленин лежал, с другой Сталин, и проход между ними, с ног выходим, смотрим на головы.

*Лонский Сергей Иосифович,
1925 г.р.*

► **Я ПОМНЮ, КОГДА ТОВАРИЩ СТАЛИН УМЕР, МЫ ВСЕ ПОШЛИ ПОВЯЗКИ – ВСЕ, ВСЯ СТРАНА, ВСЕ МЫ В ТРАУРНЫХ ПОВЯЗКАХ ХОДИЛИ.** В нашей школе (я 28-ю школу кончал), да и во всех школах стоял портрет Сталина и почётный караул, мы сменялись. А мой товарищ, который сейчас на Сахалине, – он отказался, и учительница подняла такой вой: «Вот Семён такой-то в обморок упал, когда узнал о смерти Сталина, а ты...» А у него что-то было с отцом, его репрессировали во время войны.

*Дибров Олег Афанасьевич,
1938 г.р.*

ХРУЩЁВ

► **БЫЛО ПИСЬМО СЕКРЕТНОЕ, КОГДА ХРУЩЁВ ВСТУПИЛ НА ПРЕСТОЛ В 1954 ГОДУ.** И где-то в конце этого года было это закрытое письмо ЦК КПСС о всех злодеяниях – про Берию, про 1937-1 год, и всё такое. У нас в Министерстве

судостроительной промышленности было закрытое партийное общее собрание, мы сидели, на входе стояла охрана, чтобы беспартийные не попали – и нам читали это письмо на много страниц. Все эти письма Хрущёв в своё время визировал. Если бы другой во власть пришёл – там бы и Хрущёв был, в этом письме.

*Афанасьев Игорь Петрович
1918 г.р.*

► **В 50-Х ГОДАХ, КОГДА МЫ ПЕРЕЕХАЛИ В ХЕРСОН, Я РАБОТАЛ СЕКРЕТАРЕМ ХЕРСОНСКОГО СЕЛЬХОЗИНСТИТУТА, ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ.** Как в песне поётся: «Екатерина – золотой век», так вот Хрущёв – это тоже был золотой век для Советского Союза. Когда он приехал в Херсон, меня Кочубей взял в его охрану. Вот мы ехали по Бериславскому шоссе, кавалькада впереди, вдоль дороги ГАИ. И мы подъезжаем к месту, где памятник Богдану Хмельницкому (сейчас там, говорят, кафе, но тогда там сделали беседку деревянную). Мы заходим, Никита был одет – белая рубашка, закачены чуть-чуть рукава, галстук расстёгнут, в чёрных брюках. Поднялись, там озеро за беседкой, говорят – для полива. Мы поднялись, там тарелка и арбуз здоровый. Он страшный матерщинник был, говорит: «Откуда взял арбуз в своей области? Их же нет!» А ему говорят, что у нас такие растут, убедитесь сами. Берёт нож, порезал арбуз на скибки, а себе середину вырезал ножом и стал кушать, и каждому по скибочке... Потом мы ехали к Новой Каховке. Напротив стадиона энергетиков была столовая, думали там сделать обед. Остановились: «Никита Сергеевич, обед, мы заказали столовую!» И он говорит водителю: «Иван, ты взял то, что я тебя просил?» Тот вытаскивает обыкновенную бутылку кефира, тогда пробок не было, обыкновенная бумажка вместо крышки и резиночкой перевязана, и сдобная булочка. Булка тогда стоила 3 копейки, очень хорошие булочки были. И он нам: «Вы идите, а я уже пообедаю». А мы узнали, что он любит борщ харчо, и глечики такие, в которых температура долго держится. Мы заскочи-

ли в столовую – кто ел, кто не ел. Он ходит там вокруг машины... Потом ехали в колхоз, где председателем был такой Ганжа. И он сделал мемориал своим погибшим в Великую Отечественную войну возле озера – медсестра поит солдата из каски. Мы остановились, вышли девчата, принесли хлеб-соль, Хрущёв обмакнул и говорит: «Кто ж такую красу, такую память о войне оставил?» Говорит помощнику своему: «Запиши: ему, Ганже, за такую красоту орден Трудового Знамени». Потом мы ехали в Скадовск на рисовые поля, там крейсер Киров зашел на рейс. Мы зашли, командующий Черноморским флотом ему отрапортовал и говорит: «Садитесь – прокатимся, посмотрим». А Хрущёв ему: «Ты что, блядь, я культ Сталина развеял, а ты меня как Сталина... Иди, занимайся своим делом!»

*Алексеев Леонид Степанович,
1928 г.р.*

▶ **ХРУЩЁВА Я ЗАПОМНИЛА... ЭТО УЖЕ ПОСЛЕ ИНСТИТУТА,** у меня уже дочь родилась... Я запомнила Хрущёва тем, что мой брат родился в октябре 1945 года, и ему, когда выписывали из больницы, давали приданное так называемое – пелёнки, распашонки, чепчик. А дочь родилась в 1962 году, и тоже нам давали – сгущенку там... Так что я Хрущёва вспоминаю незлым тихим словом, потому что высокая политика – она высокая политика, а мне надо было кормить ребёнка. И потом, когда я уже работала, я знала, что у нас на юге пары – это основа. Не будет паров – не будет и пшеницы, это единственные земли, которые влагу держали. Во-вторых, из всех кормовых у нас была люцерна, которая кормит скот, и он это всё запретило... Пары распахать, люцерну убирать, капусту садить... Тогда я сталкивалась с таким человеком – Капустин фамилия, председатель колхоза, он отказался уничтожать пары и люцерну, и кто-то донёс. Так его из партии исключили, с председательства сняли, но колхозники стали горой, и его восстановили.

Красутская Александра Георгиевна, 1935 г.р.

▶ **ХРУЩЁВА НЕ ВОСПРИНИМАЛИ.** Мы прошли под руководством Ленина и Сталина весь период сознательной жизни. Хрущёва вообще воспринимали очень плохо. В Сибири начали сеять кукурузу, кукуруза чуть вылезет – и погибнет. А должны были сеять рожь, овёс, и загубили животноводство – кормить-то нечем, лугов нет, коров пасли по лесу. Пастух добросовестный срубил липу, моментально её корова обглодывает – и к болоту, на болоте осока. Не зря его Кукурузником называли, много он урона нанёс стране...

Про Хрущева анекдотов много было, про Сталина только хорошее. Вот про Хрущева: «Встречается русский и американец. Русский говорит:

– Мы вас ракетами закидаем!

– А мы (говорит американец) у вас Хрущёва украдем!

– Ну и пожалуйста, и у вас хлеба не будет!

При Хрущёве тяжело было, и хлеб с примесью был. Если в Сибири ржаной хлеб был, то после Хрущёва горох, жмых мы получали с Украины – это макуха. Нам паек давали плитками, резали и давали на целый день – пока не сгрызешь.

*Иванов Генрих Иванович,
1931 г.р.*

▶ **Я ТЕХНИКОЙ УВЛЕКАЛСЯ, МАШИНАМИ.** Я помню, с тестем мы машину купили в 1961 году. Хрущёв когда пришёл, пошла такая волна: денег, видимо, у государства не было, и решили старые машины легковые и даже грузовые продавать населению. Выставляли «Победы», «Волги»... Мы, естественно, купили ГАЗ-67: это для военных целей была машина типа «Виллис», но сделана у нас. Ребята заканчивали курсы, могли поступить водителем куда-то.

Хрущёв – это страшное дело... Я помню, у меня родилась дочь, и молоко пропало начисто, хлеб... сказали, что масла будет в два раза меньше, но масло вообще пропало. В хлеб начали добавлять фиг знает что, какую-то кукурузу. Молока не достать. Я ехал чуть ли не в Камышаны, чтобы достать молока у какого-то частника, который держал корову чуть ли не в под-

вале... Это было жуткое дело. Начало было очень скверное. Народ материл Хрущёва по-чёрному. Но это наш правитель, который ушёл с поста живым, других выносили вперед ногами. А он подал пример, правда, прожил не долго...

Экономически было очень тяжело. В войну я голод не ощущал, а тогда... Может, потому, что у меня дочь родилась, и нужно ж было чем-то кормить её. Я тогда забегался, помню... До 70-х годов в магазинах было четыре продукта – хлеб, кефир, колбаса, может, ещё какие-то макаронные изделия... Тогда ж рынка не было. Какая-то бабка вышла со своего участка, что-то продала – если поймал, то хорошо. Рынок был сильно регулируемый. Если картошка – то вся гнилая. Нас постоянно гоняли с нашей работы на переборку картошки на овощных базах. Разнарядка приходила начальнику цеха: выделить столько-то, диспетчер давал указания, посылали на картошку, буряки... «Чистые четверги» были, всегда полдня мы выходили и территорию убирали, но зато территория чистая была, не то что сейчас...

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

▶ **ОЧЕНЬ ПЛОХО К ХРУЩЁВУ ОТНОСИЛИСЬ.** Я его до сих пор ненавижу. Он за сына своего Сталина отомстил. Сейчас идёт восстановление имени Сталина, а среди народа всякие есть – есть такие, кто пострадали. Многие про Хрущёва говорили, но у нас боялись вслух говорить, всё шёпотом... Вот я в школе работала, математику преподавала, так у нас все, сколько работали, были за Сталина и против Хрущева. При Сталине не было мысли правительство обсуждать, мы были довольны... Ну а после Сталина началось – плохо стало. Эти сплетни про Сталина Хрущёв распустил. Сталин – он постоянно снижал цены, восстанавливал всё, и цены всё ниже и ниже, а при Хрущеве всё остановилось, а при Брежневем вы знаете что делалось... А Горбачёв тот вообще...

*Силантьева Мария Кузьминична,
1933 г.р.*

КИНО И ТЕАТР

КИНОПРОЕКТОР

Домашнее кино навсегда прописалось в советской квартире. Героями черно-белых экранов перестали быть исключительно генералы, стахановцы и вымышленные персонажи. С помощью кинопроектора и восьмимиллиметровой пленки в домашний киноархив попадает и день рождения тети Нины (тогда, когда дядя Петя сильно поддал), и первый звонок внучки Олеськи, и провода Андрюхи в армию.

фото из архива Павловой В.И.

фото из архива семьи Пляс

► **ЗДЕСЬ, В ХЕРСОНЕ, БЫЛ КИНОТЕАТР «СПАРТАК» – ТАМ, ГДЕ СЕЙЧАС КОМСОМЛЬСКИЙ РАЙСПОЛКОМ ПОСТРОЕН, И «КОМИНТЕРН».** В «Коминтерне» играла группа музыкантов, певица пела перед сеансом. Тогда мы большинство фильмов получали трофейные. Был фильм такой – «Случай при Шверме», и я Херсон так до сих пор называю. Это была комедия, причём комедия изумительная, французский фильм. Суть в чём: открытие общественного туалета, министр приезжал – это так коротко, а народ падал со смеху! Дублированные фильмы были, только они были серые, один был цветной немецкий – сильнейший фильм, тоже трофейный, немецкий...

*Алексеев Леонид Степанович,
1928 г.р.*

► **БУКВАЛЬНО СРАЗУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ВОССТАНАВЛИВАЛИСЬ КИНОТЕАТРЫ.** Люди тогда очень любили кино, и мы любили ходить в кино. У нас работал кинотеатр «Коминтерн», на улице Суворова работала еврейская синагога. И там, где сейчас памятный знак, виселица стояла. Когда мы приехали в Херсон, эта виселица ещё стояла. Там же был летний кинотеатр «Спартак», и тогда очень много фильмов было трофейных, с субтитрами. А я ж плохо читала, только в первый класс пошла, но очень любила ходить в кино. Я помню,

как-то пошла одна, «Леди Гамильтон» смотрела, это ещё лето было, я в школу не ходила. И мне так жалко её было, хотя я не читала и не поняла, но по её виду – мне так жалко эту тётю было! И я шла и плакала, а все спрашивали: «Девочка, ты карточку потеряла?» Самое страшное тогда было – это потерять карточки. Эти очереди страшные за отовариванием карточек...

Как-то тогда общались люди, даже с соседями во дворе... То, что День Победы праздновали – это все помнят и знают. Но во дворе очень дружили. Вечером люди сидят, кто-то вынесет бутылочку, кто-то вынесет закусочку – и уже импровизированный стол, сидят общаются. И все про всех всё знали, все друг другу помогали...

Дети самодеятельностью занимались, у нас был самодеятельный театр, пьесы ставили. Мне бабушка помогала, она была неграмотная, поэтому помогала в основном костюмами. Из скатерти сделает мантию королевскую, из простыни делает занавес, всякие украшения, и мы сказки ставили – «Аленький цветочек», «Золушку». Выпускали стенгазету дворовую,

делали фотомонтажи, вырезали из газет разные новости, наклеивали и вывешивали в подъезде – там был большой лист фанеры, и мы там всегда писали футбольные соревнования...

Я всегда классику любила, мы с папой ходили часто на концерты. В Херсоне была чудесная филармония. Она была такая уютная, с прекрасной акустикой, и высокого качества была музыка. Когда мы были в Кировограде, пошли с папой на концерт: приехали из Ленинграда два артиста и привезли электромusыкальный инструмент – йонику. Это был 1957 год, это для нас такое чудо было – дощечка с клавишами на тоненьких ножках, которая играет и за трубу, и за барабан, и за скрипку, и за фортепиано. И, помню, мы с папой там сидели и слушали-слушали, и вдруг чей-то голос: «Та не брэнчи как сумасшедший!» Папа так расстроился, так рассердился! Это же было чудо какое-то!..

*Кузнецова Элеонора Орестовна,
1938 г.р.*

► **БЫЛ ТОГДА «КАБАЧОК 13 СТУЛЬЕВ», ТОЛЬКО ОН ТОГДА НАЗЫВАЛСЯ «ТЕАТР МИНИАТЮР».** Каждую субботу-воскресенье у

фото из коллекции Н. Гоманюка

нас были танцы в сельхоз институте, под проигрыватель. Новогодние карнавалы были, на 5-м курсе я даже получила приз за костюм: я была Людмилой, а моя подружка была Русланом... Потом были ситцевые балы к 8-му Марта, нужно было из ситца или х/б пошить платье нарядное. У меня было сатиновое чёрное платье, я тоже получила приз...

Поехала я в Москву перед институтом, и я тогда везде была – в Третьяковке, на выставке. В мавзолее я тогда не пошла, я позже была в мавзолее. Пошла в Исторический музей, музей Ленина (он же рядом там), квартиру Шаляпина смотрела, в Останкинском музее была, хотя я там всего недельку прожила... Ещё по Арбату трамвай ходил тогда.

*Красутская Александра Георгиевна,
1935 г.р.*

▶ **Я ЛЮБИЛА ВОЕННЫЕ ФИЛЬМЫ.** Сейчас их смотреть не могу, а тогда только военные и показывали, а сейчас я их выключаю. Что показывают – кино не пропускали. В театр ходили, был у нас Самойлов артист, играл отлично, а потом переехал в Москву.

Я институт закончила и в школу устроилась, институт в Кемерово, у нас очень хорошая была атмосфера, были часто вечера, и в школе тоже. Были мальчики и девочки отдельно, в субботу прихо-

дят мальчики к нам, или мы идём к мальчикам. Танцы, танцы... Только когда большой праздник какое-то выступление было – мы пели, даже фотография есть. Даже перед работниками МВД выступали, пели.

Детство я вспоминаю с теплом, хоть оно и было трудным.

В 8-м классе я была, а муж был в 10-м, мы познакомились, ходили на танцы, в театр, в кино. Три года мы встречались, у нас никаких близких отношений не было, я сейчас довольна – вот такая чистая прозрачная дружба. А потом уже в институте мы поженились... В театр часто ходили. Как новый спектакль – так идём. Приезжих театров не было, только свой. Нравился мне этот Самойлов – как он играл, я засматривалась прям... Он потом снимался в кино, во многих фильмах играл. Спектакли о том, как приезжает с фронта, уже послевоенные годы. Самойлов тогда был одет в военную форму, стоял такой... С мужем посмотрим – и идём домой.

*Силантьева Мария Кузьминична,
1933 г.р.*

▶ **Я ПОСТУПИЛ В ОДЕССЕ В СПЕЦШКОЛУ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ.** В 1947 году закончил, ровно сто человек было в роте нашего выпуска. Сто человек курсантов. Нас просто готовили – для чего угодно, для того, чтобы мы хоть знали, что такое авиация.

Мы прыгали с парашютом, а потом нас после окончания направляли в авиационные училища. Но потом война закончилась, всё. Но перед нами было два выпуска, и очень много погибло тогда – так получилось, что они шли сразу на фронт.

Были у нас вечера, танцы. И нас приглашали в школы, и мы приглашали их. Но вы знаете, тогда не было таких лёгких отношений с девушками, как сейчас, вот честное слово вам говорю. У нас был кинозал, да. У нас была учительница – она русский язык и литературу преподавала, и у неё какая-то связь была и в Оперном театре, и в Русском театре – наверное, одесситка. Ну и вот она в субботу, в воскресенье говорит: «Кто хочет пойти со мной в театр?» Приглашала. И нас без билетов пропускали, и мы смотрели... Я и ещё несколько ребят – мы очень интересовались этим делом. Поэтому мы без неё как делали (особенно летом): первый акт заканчивается, люди выходят, а мы, хоть и в форме, но пилотку засунул за пояс – и прошёл. И, начиная со второго акта, уже смотрим всё. А первые акты мы не смотрели...

*Врадий Юрий Афанасьевич,
1929 г.р.*

▶ **КИНО – ЭТО ПЕРВЫМ ДЕЛОМ “ЧАПАЕВ”, “АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ”, “КУТУЗОВ”, “ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ”, ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ФИЛЬМЫ.** Я ещё застал, когда приходили, назначали команду, и они крутили динаму. Раскрутишь эту динаму побыстрей, и оператор щёлкнет тебя – куда крутишь сильно? Немые кино, Чарли Чаплина много.

*Иванов Генрих Иванович,
1931 г.р.*

▶ **У НАС ТОГДА РАБОТАЛ ТЕАТР, МЫ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛИ ХОДИТЬ В ТЕАТР И С ЖЕНОЙ И С РЕБЯТАМИ.** Были хорошие артисты. Комедии тогда нам нравились.

Кинотеатр «Спартак» был, тогда шли все военные фильмы. Мы большими патриотами росли, смотрели военно-морские фильмы в основном, ходили строем и исполняли военно-морские песни – дисциплина была. Были и само-

волки, конечно, потому что было много ребят, которые ещё учились до войны, и многие сразу после войны пошли на второй курс.

Казначеев Владимир Петрович, 1928 г.р.

▶ **НА РАБОТУ ИДЁМ С ПЕСНЯМИ, СЕЛИ ОТДЫХАТЬ – ПЕСНИ.** А домой бежим бегом, у каждого огород, потому что не будешь поливать – ничего не вырастет. У нас было пять колодцев, журавлём один качал бочку, другой ведром поливал. С работы пришли – и снова пахать.

Брат мой подросток, брат был зав клубом, я сама ставила там спектакли... Но я всегда парня играла, потому что я высокая, кудри свои подберу в фуражку - и всегда я парня играла. Ставили больше колхозные спектакли, такие жизненные, и военные ставили. Клуб уже открыли, дед и бабка умерли во время войны, а у них детей не было, и в их доме открыли клуб. Брат в Цюрупинск ездил, там ему давали пьесы, лозунги все, большие портреты наших героев – я помню, Василий Василевский и Конев, такие красивые были наши герои! Рокоссовский тоже был большой, а Жуков маленький был портрет. Фильмы возили. Тряпку повесят, а там дырка была, и аппарат на улице стоял и крутил, собирались и дети, старики... 10 копеек был билет. Самый первый фильм нам привезли про собаку-разведчицу, большая такая овчарка, наш был фильм...

Катанова (Филипова) Мария Григорьевна, 1930 г.р.

▶ **В 70-Х ГОДАХ Я УЖЕ РАБОТАЛА В ХЕРСОНЕ, И К НАМ В УПРАВЛЕНИЕ ПРИШЁЛ СТРОБЫКИН – БЫВШИЙ ЛЁТЧИК.** Впервые я его увидела в 1944 году, когда работала на эвакуированном авиазаводе в Оренбурге. Там однажды, помню, кто-то говорит: «Сейчас будут самолёт забирать, транспортировать. Идёмте, девчата, там такие летчики красивые!» У девчат же всё равно на уме... Мы же ещё успевали в клуб ходить, танцевать, ставить пирамиды (тогда было модно), какую-то пьесу ставить. Откуда

брались энергия и силы при такой жизни, при таком питании? И вот побежали мы на эту площадку, где будут грузить самолёт, и там такой красивый лётчик, а около него пацан лет 12-ти – он в цехе подносил. И вот этот лётчик его приглубил, говорит: «Это сын нашего пока лётного, Дима». Они получили самолёт, улетели. Второй раз он прилетает – это оказался Стробыкин Николай Николаевич, потом он был Герой Советского Союза.

А потом в Херсоне я встречаю этого летчика... Прошло столько лет! Может, он сюда получил назначение или после демобилизации квартиру давали... Он пошёл работать, наверное, в 1970-м году, когда кинотеатр «Юбилейный» открылся, работал начальником ки-

нопроката. Я тоже туда пришла, там фильмы пересмотрела, а в зале не вижу же его! А потом, когда сделали кинотеатр, мы фуршет сделали, и является этот Стробыкин. Я сижу – на него смотрю, а он на меня тоже поглядывает и говорит: «Аркаева, что ты на меня так смотришь?» И я говорю: «Николай Николаевич, а вы помните 42 год, авиационный завод?» Он: «Так я ж там получал самолёты на испытание!» Он был лётчик-испытатель. Я: «А вы знаете, как вы мне тогда понравились? Я в вас влюбилась! Вы такой были красивый...» И мы как встретились... Я ему про этого мальчика напомнила, он плакал потом... Тот момент военных лет нам настолько был родным, и в то же время какой-то в лирической обработке...

А в 1974 году мы едем в Асканию-Нову в командировку, и Стробыкин мне говорит: «Тамара Юрьевна, почему вы не замужем? Вы ж такая видная женщина, симпатичная, образованная, в вас всё сочетается». – «Да, – я говорю, – я уже 12 лет не замужем». Он: «А я вас представляю с военным – с генералом или адмиралом». Я говорю: «Правильно, первый муж у меня был военный, в звании полковника, теперь нужно до генерала...» Вот так как-то пошутили, поговорили в машине, и вот в 1974 году в феврале приезжает к нам инспекция. Я работала администратором, и приехал генерал к нам на проверку. Нам позвонили, что будет генералитет на концерт, у нас же киноконцертный зал, хотя по паспорту он кинотеатр. Встречаем гостей, и вот явился генерал, работал в Министерстве обороны в Москве, говорит: «Я уже два года один, и я не могу себе подружку найти по душе. Полюбить бы ещё хотелось, но всем нужны мои погоны, а по духу моему я не могу встретить...» И ему говорят: «Обратите внимание вот на эту женщину, она очень молодая» (мне было 45 лет, а ему было 56). Говорят: «У нас лучше администратора нет, такая умница!» Так меня расхвалили, что он заинтересовался...

Жирнова (Аркаева) Тамара Георгиевна, 1928 г.р.

► Я ЛЮБИЛА ТАНЦЕВАТЬ, Я ПОШЛА В УЧИЛИЩЕ – ЭТО ДАЖЕ НЕ УЧИЛИЩЕ, А ДОМ КУЛЬТУРЫ БЫЛ, Я ТАМ ТАНЦЕВАЛА В БАЛЕТЕ, МНЕ ТАК ПРАВИЛОСЬ! Я стала в спектаклях выступать в доме культуры, играла там и девочек маленьких, и взрослых. В школе, помню, в 7 классе мы ставили пьесу о неграх: была русская девочка, и как она негра взяла за руку. Помню, пробкой намазывали лицо – пробку палили от бутылки и намазывали лицо, а я играла девочку белую, у меня были волосы белые, красивые, кучерявые. Я показывала фото, так гордилась, но меня мама осадила, сказала, чтобы это было в первый и в последний раз: вот ты дерёшься – дерись, защищая себя, но не смей воображать.

Было много ребят на танцах – человек, наверное, двадцать пять. Танцевали и балетные танцы, и хороводы. А спектакли – это я уже училась в педучилище и там участвовала тоже.

В кино ходили, какие фильмы я запомнила: “Каменный цветок” запомнила, “Багдадский вор”, потом Гоголя что-то такое было – “Вий”... Трофейные фильмы, конечно. “Мост Ватерлоо” – для меня это и сейчас прелесть. Где бы ни была (в санатории же ездили) – мне нравились вот эти фильмы “Свет и тень” и ещё “История любви”, они были и на немецком, и переводы русские.

«Молодую Гвардию» смотрели, но не в кинотеатре, а в доме, у кого-то в хате. Кто-то приносил движок, и на стене смотрели «Молодую гвардию», по частям. Молодёжь росла на этих фильмах.

*Шаварина Ольга Лазаревна,
1938 г.р.*

► КИНОТЕАТРЫ – ЭТО БЫЛО ТАКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ В ОЧЕРЕДЯХ! БИЛЕТ СТОИЛ 3 РУБЛЯ, 4,50, 5. На 10 рублей в то время можно было посидеть с девушкой, хорошо отдохнуть в ресторане. Невзирая на такие цены, люди шли, я помню фильм, который тогда был – “Тайна двух океанов”. Фильм шёл в кинотеатре «Коминтерн», и вот там народ в очередях стоял...

*Левченко Николай Алексеевич,
1945 г.р.*

► В 1953 ГОДУ Я РАБОТАЛ ГРУЗЧИКОМ НА ШАБСКОМ ВИНЗАВОДЕ, ЗАРАБОТАЛ ДЕНЕЖЕК И ПОЕХАЛ ПОСТУПАТЬ УЧИТЬСЯ В МОРЕХОДНУЮ ШКОЛУ ЮНГ В ГОРОД ВИЛКОВО ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ. Окончил её и стал работать. Жил в общежитии, жили в комнате

по 30 человек, а поначалу нас было вообще человек 60, этажные койки. Когда подъём, сначала один вскакивает одевается, только потом второй Тесно было, но не в обиде. Все дружно жили, учились, самодеятельность работала. Тут уже ходили на вечера, учились танцевать, музыка играла – в основном баяны, потом оркестр наладили. В кино в этот период начали чаще ходить, смотрели уже как советские, так и иностранные фильмы. Все смотрели серию о Тарзане, ну а больше всего люди после войны любили такие фильмы как «Волга-Волга», «Небесный тихоход», «Встретимся в 6 часов вечера после войны» – такие жизнерадостные. Хотя вместе с этим шли и патриотические фильмы: есть фильм “Сталинградская битва”, который был снят корреспондентами, и дополнили его, двухсерийный фильм, его все ездили смотрели, каждый был насыпан о том героическом сражении...

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

► ...БЫЛИ КАКИЕ-ТО КЛУБЫ, БЫЛА САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРИЕЗЖАЛИ К НАМ – ФИЛАРМОНИЯ, ОРКЕСТР ПРИЕЗЖАЛ, ВОЛЬФ МЕССИНГ ПРИЕЗЖАЛ. Я тогда ещё маленький был. Ну, как маленький? Мне было 13-14 лет. В городе появились загадочные такие плакаты – приезжает Вольф Мессинг, угадывает мысли, туманные воспоминания. Вышел он на сцену, вызвал человека и говорил, что тот думает, про прошлые годы и прочие вещи. Вот такие люди к нам приезжали...

Честно говоря, я скорее помню более поздний приезд Эсамбаева – этого танцора. Это уже было где-то в 60-е годы. Для Херсона это была настоящая легенда! Он выступал в старой филармонии, раньше её

в Херсоне не называли «филармония» – её называли «малый театр». Раньше говорили – театр (это драм-театр) и малый театр. Он выступал в малом театре. И вот танцует Махмуд Эсамбаев, и тут с галерки раздаётся такой

крик хриплым голосом: «Я говорю! Я говорю!!!» Человек в зале, который был немой, раньше не говорил, так восхищен был этим танцем, что заговорил...

В кино каждую неделю менялся фильм, это был как обычай – каждую неделю новый фильм. У нас в Херсоне было два кинотеатра в основном, в которых шли премьерные показы – «Спартак» и «Коминтерн». И каждую неделю новый фильм. Всё нравилось, потому что билеты трудно было достать. Пацанва с самого утра становилась в очередь, набирали билетов, а потом тут же их и перепродавали – билеты с рук. Это единственное развлечение было в городе – кино. В кино ходили лихо, сейчас так не ходят.

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

21. Парашютный десант с 36 самолетов «Ил-12».

Самолеты с десантом подходят к аэродрому в строю «колонна звеньев».

Выброска десанта производится над аэродромом с высоты 400 метров.

Ведущий
Командир
МЕНКО.

Г41876. Полн. к печати 12.08-54 г. Издательство ДОСААФ
Цена 2 руб.

7-я тип. УПИ. Зак. 1503.

ПРОГРАММА
ПРАЗДНОВАНИЯ

ДНЯ
ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА
СССР

Летчик — майор ЛАПШИН.

12. Пилотаж двух звеньев реактивных истребителей.
Выполняется: первое звено — полупетля и переворот, второе звено — поворот на 180°.

рзд.
хороший
сборный
командира
1-го Шерги
1954г

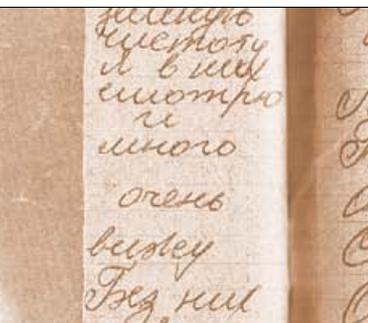

МУЗЫКА И ТАНЦЫ

ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО

Изобретение стилиг – запись на рентгеновскую пленку – со временем было легализовано. Предприимчивые люди, преимущественно в курортных местностях, дарили отдыхающим радость воспоминаний о солнце, воздухе и воде там, где солнце показывалось редко, воздух был не совсем прозрачным, а вода ласковой. Заодно на кустарную пластинку попадало и несколько песен западных артистов, которых на «Мелодию» не подпускали на пушечный выстрел.

▶ **ХОДИЛИ НА ТАНЦЫ С ХЛОПЦАМИ-МОРЕХОДЦАМИ, ОКОЛО СТАДИОНА «СПАРТАК», ТАМ ДОМ ОФИЦЕРОВ БЫЛ**, а сейчас стоят одни стены. Там танцы были, оркестры военные играли – культуры было больше, чем сейчас, особенно в субботу и воскресенье, и особенно в воскресенье, потому что в субботу работали ещё – до 12 часов были танцы.

Алексеев Леонид Степанович, 1928 г.р.

▶ **ПОСЛЕ ШКОЛЫ Я ПОШЛА В СЕЛЬХОЗ ИНСТИТУТ УЧИТЬСЯ.**

В институте мы уже получали стипендию, и я вам скажу, что Зыкину я слышала, Кобзона, Хазанова, Иванова, Александровича, Виноградова, Шульженко, Утесова, Исымбаева – вот всех, кто к нам приезжал, мы ходили и смотрели, успевали, и нам денег хватало. Я работала лаборантом, 90 рублей получала, и я могла позволить себе купить самый дорогой билет за 6 рублей на Лолиту Торес.

На танцах в Херсоне драки были, но не везде. Драки были в основном в парке. Мы ходили в клуб Шмидта, там был дворик такой, там всегда танцы. Туда ходили школьники. Мореходное училище у себя танцы устраивало, но некоторые из мореходного ходили в клуб Шмидта, и студенты приезжали – там была своеобразная такая публика, которая не дралась. Танцы были в клубе Ленина по улице Суворова, и были ещё в Доме офицеров, но то для старых дев, туда

пожилые уже ходили. Но не курили, не матерились, не дрались, ребята как-то с уважением к девочкам относились...

Красутская Александра Георгиевна, 1935 г.р.

▶ **ТАНЦПЛОЩАДКА – У НАС БЫЛ САД, ТАМ БОЛЬШАЯ ПЛОЩАДКА ГОРОДСКАЯ, ТУДА ВСЯ МОЛОДЕЖЬ ПРИХОДИЛА СО ВСЕХ РАЙОНОВ.** Танцы, гулянья... Никакого хулиганства не было. Потом по набережной гуляла молодёжь вечером, просто парочками туда-сюда.

Силантьева Мария Кузьминична, 1933 г.р.

▶ **ХОДИЛИ МЫ НА ТАНЦЫ, НА ТАНЦАХ БЫЛО СПОКОЙНО, У НАС ВЕДЬ ТАНЦЫ РАЗРЕШАЛИСЬ ДАЖЕ ДО ДВУХ НОЧИ, И СПОКОЙНО ВСЁ БЫЛО, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО МОЛОДЁЖЬ ПОДРАСТАЛО МНОГО.** У нас там не было алкоголя. Пили что? Квас, морс, пиво у нас в городе не продавалось. Единственное, что помню – на свадьбах. У нас самогонки не было, у нас делали брагу, вот на свадьбах пили брагу. А перед войной помню майские праздники, маёвки отмечали, причём отмечали так: на стадионе старики в городки, в кости играли, а пьяных я не замечал.

Иванов Генрих Иванович, 1931 г.р.

▶ **ВЫ ЗНАЕТЕ, Я ВСПОМИНАЮ СВОИ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ И ГОДЫ ПОСЛЕ ШКОЛЫ – ОЧЕНЬ**

СИЛЬНО СПОРТОМ ЗАНИМАЛИСЬ, ПО СРАВНЕНИЮ С СЕГОДНЯШНИМИ ПИВОПИТАМИ. Очень многие ребята занимались футболом, волейболом, регби, в школах были кружки, теннисные корты. В нашей школе был великолепный оркестр духовых инструментов, выступления были. Тогда к чему-то стремились, тогда шли учиться, ехали в другие города учиться. Я знаю многих моих сокурсников, которые позаканчивали Харьковский, Одесский институты... Многие спились, многих уже нет – и такое было.

Выходил тогда журнал “Радио” плюс журнал “Юный Техник”, и мы его часто читали. И там публиковались схемы, так что карманные приёмники были в каждом номере, и все их паяли. Детали доставали где-то, паяльники. Детали в магазине были, и ещё выручал всегда «толчок» так называемый: раз есть нужда – обязательно был кто-то, кто эту нужду удовлетворял. Я, например, очень любил слушать турок и румын на длинных волнах. Это сейчас в городе длинные и средние волны не работают, их заглушают высокочастотки, там сплошной шум. Иногда, если выйти за город, вы что-то можете на средних волнах и на длинных волнах найти – Одессу, Николаев. А тогда мы слушали румын, когда они не давали свою музыку, а давали зарубежную – вот это мы слушали. И Стамбул, как правило, давал зарубежную музыку – джаз, Пресли, Джо Дассен (уже позже),

фото из архива семьи Данчук

ведь наши не слишком радовали музыкально озабоченную молодёжь.

Если по Николаевскому шоссе ехать, под переходами железнодорожными – там было пустое место, и там был «толчок». Туда по субботам и по воскресеньям собирался народ, были ряды, и торговали кто чем мог – тряпками, железками. Народ что-то покупал, кто-то привозил. Разумеется, со спекулянтами боролись. И там были ребята, которые писали на так называемые рентгеновские снимки музыку. Брала мы там «Мишка, Мишка, где твоя улыбка», Лещенко – я и до сих пор это люблю. Гоняли, конечно, но это всё было скоропроходящее, эти плёнки долго не выдерживали, ставишь иглу – и всё.... Я даже вычитал в журнале «Совет», что вместо стальной иглы можно вставлять бамбуковую: кусочек бамбука вырезался как спичечка, и наружная сторона была твёрдая, затачивалась, ставилась в иглодержатель. Звук был чуть-чуть глуше, но зато не резал эту плёнку. Потом появились долгоиграющие пластинки. Обычно куда-то едешь – в Одессу или Николаев, – и сразу по этим магазинам... Зарубежных пластинок практически не было, разве что Луи Армстронга издавали...

В 60-е годы в моде был клёш – широко раструбы такие. И любили иностранные футболки – яркие, с попугаями, с пятнами. А если название какое-то – так вообще дру-

жинники могли забрать. Были так называемые пижоны, стилиаги. Боролись с ними постоянно, карикатуры на них на улице Суворовской вывешивали в газетах: стилиага такой-то на каблуках... Узкие брюки потом пошли – очень узкие, в натяжку. Их и сами шили, и умельцы шили, и на толчках покупали эти брюки.

Потом появились первые магнитофоны – даже не магнитофон, а магнитола «Неринга», тогда выпускали прибалты. Приёмник ВЕФ у нас считался самым лучшим, с полукруглыми краями, и эта «Неринга» – приёмник и магнитофон бобинный... Музыка доставали – то чисто междусобойчик был, обмен между собой, менялись, переписывали.

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

► **КОГДА Я РАБОТАЛА УЧИТЕЛЕМ В ДАГЕСТАНЕ, МЫ ХОДИЛИ НА ТАНЦЫ, ТАМ БЫЛ ПАТЕФОН.** И там женщин не было, одни мужчины, все в таких меховых одеждах – рукава не одеваются, а просто на низ сходят, просто на себя накидывается. И папахи на них, а у кого лучше – шапка из меленького такого барашка. Вот мужчины все там сидели, а мы танцевали, они на нас смотрели. Там женщины все ходили в платках, но без паранджи, и они не имели права разговаривать с мужчиной. А мы могли, и, так как я была с мамой, то как-то больше доверия было. Приходили к нам

играть в лото, по копеечке платили и играли.

Два года я там была, в 1959 году я уже оттуда выехала. Вышла замуж и уехала в Астрахань. В Астрахани я работала учителем, а муж водителем. Там был рыбный совхоз-миллионер, там я рыбу ловила на удочку, я даже осетра поймала на 9 с половиной килограммов. Там танцы были в клубе, и мы с мужем приходили. А на праздники были конкурсы, и мы с мужем все призы забирали: призы были – зеркало, бритвенный прибор, вешалка, щётка или духи – какие призы в колхозе? Я там вела в школе кружок русского народного танца, шили костюмы. Мы были большими активистами, агитаторами, участвовали в выборах – как секретарь или просто сидишь в комиссии. А муж мой работал водителем на машине и играл в футбол, был защитником. Футбол был очень популярен, они из района ехали в область и выигрывали. Председатель совхоза вывозил футбольную команду на природу, на поляну, осетры варились, пиво, водка. Но я мужа не всегда пускала, потому что поехал – приехал пьяный, а там у меня второй мальчик родился, у нас уже было двое деток.

В Херсоне тоже помню танцы – платья сами шили, ткань не достать было, очереди стояли. А мне из Баку брат присылал материал, из Киева крёстная и тётя присылали материал. Я сама не шила, нам тётки знакомые шили, получались хорошие платья. А, чтобы зайти в парк, нужно было заплатит, а потом ещё нужно было заплатит, чтобы на танцы пойти. Мы собирались – девчонки-мальчишки, подкапывали внизу под забором и пролазили танцплощадку. И один раз был такой случай: мальчик один (нравился он мне, но и нравился другой девочке) хотел, чтобы я с ним на танцы ходила. И он говорит: «Что мы лазим под забором, давайте обойдём там, где туалет, и с забора прыгнем». А у меня платье было красивое такое, и я прыгнула – и прямо в заросли крапивы и сразу: «Ой-ой-ой!» Нашли мне воды, помыли, но в этот же день я порвала платье своё красивое в клеточ-

ку – там выключили свет, и нужно было на танцплощадку прыгнуть через штатетник. И я прыгнула и порвала платье. Одна девочка Марина носила с собой нитки, там мы сели и зашили, потанцевали. Но домой я должна была приходиться не ночью, с этим было строго. В 10 часов я должна была быть дома у матери. Потом я платье это спокойно положила в сундук и больше его не одела, мама: «Чего ты не одеваешь платье?» И один раз она начала там что-то перебирать, и увидела вот это зашитое платье, а я просто забыла о нём уже. Получила от неё, конечно...

И патефоны были, и граммофоны были, и уже начинали мальчишки играть на гитарах. А потом пришло время – играла музыка вслух. Помню, песня «Мишка, Мишка» мне сильно нравилась, и ещё «Гавайские гитары» – это из того, что на пластинки записывали. Даже на этих рентгеновских плёнках записывали... Зарубежные пластинки редко когда слушали, потому что зарубежные припрятавали, включали только дома.

*Шаварина Ольга Лазаревна,
1938 г.р.*

► **В УЧИЛИЩЕ У НАС РАБОТАЛА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, А УЧИТЕЛЬ БЫЛ ОДЕТ В ФОРМУ – БРЮКИ, ГИМНАСТЁРКА.** И я слышал, как он, возвращаясь с 9 Мая, пел песни, радостный. А в городах в основном собирались в одном месте, где можно посидеть, песни пели. Бывало так, что кто-то, у кого гармошка есть, приходит, играет, и под неё песни поют.

Я работал в мореходном училище комсоргом. Сложное время было, потому что отменили военный цикл, нужно было заниматься молодёжью, а в училище училось 1200 человек курсантов. И мы сделали главное направление – это спорт, отдых после занятий. В то время нужно было устраивать вечера. Мы скинулись курсантами, купили инструмент и создали эстрадный оркестр, но людям хочется новое что-то, а тогда по радиостанции «Мелодия» в понедельник передавали новое произведение. И мы записывали это

фото из архива семьи Данчук

на магнитофон. Оркестром должен был кто-то руководить, но в то время выделяли мизерные деньги на культуру, и когда обратишься к специалисту, он: «Я за такие деньги работать не буду». И мы нашли одного парня, он учился в музыкальном училище, и он взялся: он то, что мы записывали на магнитофон, переключивал на ноты, и у нас через неделю вечером уже звучали новые песни. Весь город пытался у нас это дело заиметь, мы делились... Билеты раздавались курсантам, курсанты приводили девушек.

Недовольство было какое: высказывались по поводу того, что мало товаров народного потребления, что нельзя делать уравниловку. Например, привозят группой и группой принимают в комсомол. Высказывались о том, что есть хорошие произведения, которые создают в мире, почему у нас их не показывают? Люди наши работали по всему земному шару, эти люди видели многое, кассеты привозили с записями. Есть мировые шлягеры, которые и сегодня звучат, а тогда их привозили, переписывали.. Мы ни одного концерта не пропускали в ДКС и потом в «Юбилейном», мы деньги занимали, когда у нас не было, и шли в воскресенье на концерт.

Пластинки фирма «Мелодия» выпускала, у меня десятки пластинок сохранились всевозможных европейских и других исполнителей, но выпускались в малых количествах, поэтому переписывались на рентгеновские плёнки. Плёнку

где-то доставали, смывали и записывали. В последствии начали издавать журнал «Кругозор», и в нём были вкладыши – вот такие пластинки. Пластинки были в продаже, но пластинок не хватало, и поэтому некоторые ребята на этом хорошо заработали – иностранную музыку записывали. В это время пришла «мамба», «бесаме мучо», ворвались эти песни. В 50-х годах у нас закупили ряд фильмов иностранных и в том числе с Лолитой Торес – о любви и дружбе. Люди ходили на них, были полные залы. Кстати, она приезжала в Херсон три раза, и я три раза ходил и свою семью водил.

В своё время нашего директора филармонии (он был директором Харьковской филармонии, но его там подставили – сказали что-то сделать, а потом за это же и сняли), а у нас как раз не было директора филармонии, и его пригласили. И он долгое время жил на квартире, пока свою не получил. Он был членом Всесоюзного эстрадного комитета, и он всегда умудрялся, когда этот комитет заседал и приезжали иностранные эстрадные знаменитости, их заполучить... Я слушал рок, югославы приехали: Москва, Минск, Харьков, Киев и Херсон. Таким образом, мы многих знаменитостей посмотрели благодаря этому человеку. Лолита Торес выступала в Москве, Ленинграде и в Херсоне. Она, когда приезжала первый раз, концерт был в ДКС – это был самый большой зал на то время. Потом два раза в «Юбилейном» – 1200 мест, и всё было забито, в проходах даже стояли люди, с такой теплотой её

воспринимали... У неё очень высокая культура исполнения, отличный репертуар. Ей устраивали экскурсию по городу, показывали Днепр.

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

► Я УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ, ЭТО БЫЛА 6-Я УКРАИНСКАЯ МУЖСКАЯ ШКОЛА.

Мы дружили школами, была 15-я женская украинская школа, мы к ним ходили на вечера, и они к нам. А 20-я дружила с 17-й – две русские школы. Вечера были официальные, под надзором учителей, танцы, вальс... Самодетельность выступала. У нас были в 10-м классе юмористы – их двое было, такие шутки говорили, песни пели... Хор был у нас школьный. Ну, а потом под радиолу танцевали – вальс был, танго, полька, становились в пары и танцевали – знали танцы, хотя не обучали нас танцам.

В Херсоне была масса танцплощадок: в клубе моряков, в клубе судостроителей (это по улице Ворошилова, где теперь детский кукольный театр). Танцевали под радиолу, специально человек там стоял добровольный, ставил пластинки на свой выбор, и вот таким образом проводились вечера.

Когда началась война, в домах оставили одни громкоговорители – все приёмники и всё прочее было забрано, приказали сдать, люди сдали. Потом появились приёмники Александровского завода, трофейные и прочее. Из-за границы, когда наши солдаты после победы уходили, оттуда каждый что-нибудь спереть должен был. И привезли эти вот рекордеры, там записывающая игла, рупор (всё как полагается). И для этих целей шли пластинки, и таким образом записывали музыку на какие-то допотопные магнитофоны. Я помню первый магнитофон, который я увидел – «Днепр-1»: он был в магазине учебных принадлежностей. Всё время толпа стояла и смотрела: как это я сюда буду говорить, а ты меня потом слышать будешь? И вот с каких-то допотопных магнитофонов передирали на эти диски. Но за это сильно гоняли! Во-первых, это означало частное предпринимательство, а это на-

рушение закона. Во-вторых, у нас было так: что не запрещённое – то разрешённое. Если эта музыка не запрещённая, то можно использовать. А музыка запрещённая была, потому что она идеологически не наша, а ты её продаёшь. В-третьих, сам процесс продажи. Это же надо оформить как-то... Так что продавали из-под полы.

В Херсоне слушали Лещенко (только не Петра Лещенко, другого Лещенко), ходили про него легенды, что он сбежал в своё время в Румынию. Вертинского слушали, но уже более приподнятые слушали. Луи Армстронга тоже крутили. Потом появились рок-н-ролы, и это была запрещённая музыка. Музыка советских исполнителей можно было взять в магазинах, они не были в дефиците, идеология у нас стояла на высоком уровне.

А вообще о советской власти я ничего хорошего рассказать не могу, я её просто не люблю. У меня были встречи с КГБ – не очень приятные, конечно. Потому что я организовал одну из первых дискотек в городе Херсоне, в клубе Шмидта, в 1978 году. Я организовал в клубе Шмидта дискотеку «Фламинго», я сам всё там делал. Во-первых, там была куча работы, чтобы замаскировать всю эту советскую живопись так называемую, её нельзя было уничтожить: там были на стенках рельефы – рабочий и крестьянка с мышцами и со всеми делами, кусочками плитки облицованные. Мне пришлось массу работы провести, чтобы это всё замаскировать. Я там поставил всякие разные штучки... Ну, я открыл дискотеку и вёл её два года. Разумеется, зарубежную музыку крутил. Но я сделал не дискотеку, а диско-клуб. Я очень люблю джаз, и я перед каждым танцевальным вариантом делал вступительное слово, рассказывал людям о джазе, демонстрировал куски, показывал слайды, а потом сплошная танцевалка идёт. Две радиостанции можно было поймать – «Голос Америки» и «Свобода» из Западной Германии, правда, их тут у нас в Николаеве глушили, там до сих пор куча антенн. Но кое-как доходили, все это слушали. Иногда попадали журналы «Америка», да и

у нас, честно говоря, информация прорывалась, в частности, в Киеве был такой Симоненко – издал маленькую книжечку, она называлась «Энциклопедия джаза», там очень много было про джаз, и в журналах – в музыкальных и в литературных. Тем не менее, через два года меня потащили в КГБ. В газете «Надднiproньская правда» напечатали статью «Берегись диск-жокея», сделали меня и сукиным сыном, и бабником, вроде как я девочек запутываю и таскаю за стойку. И они меня из клуба убрали. У меня с этой статьей вообще была проблема: собрание собирали, осуждали меня, а потом мне сказали, что после меня стал работать другой человек, а его брат в КГБ работал. Они написали статью, причем специально подписали еврейской фамилией – я в Херсоне и в Цюрупинске специально в адресном бюро искал: такой фамилии не было. И так меня обгадили... Естественно, КГБ мотали мне душу за язык, мол – что ты разговариваешь на такие темы, вот ты говорил, что социализм не может создать выдающихся произведений искусства? Я: «Ну, я просто не знаю выдающихся произведений искусства времён социализма, просто не знаю!» А он начинает там про красные маки, я: «Это всё было идеологически направленное». Но с ними так нельзя было говорить, с ними надо было: «Да, знаю, понимаю, виноват, исправлюсь, больше не буду...» Они ведь легко могли... Они приехали ко мне домой, на «Волге» увезли, а сели бы брыкался – могли и на «воронке»... Что самое интересное: допрашивал меня капитан или подполковник, он меня допрашивал всё время, а уже по прошествии хорошего времени вдруг меня вызывает КГБ. Думаю: «Ну, опять. Заказы...» И что вы думаете? Передо мной извинились, но это было уже перед отъездом, спросили: «Ты в Израиль собираешься?» Я: «Да». Он: «Ну и молодец, тикай отсюда» – это в КГБ так сказали...

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

кто другой
перех
...

ОМ - ОМ

... что это, пройдет
здесь, или со
а все на оборот
се поше на проше
и смотрю в твое окно
знаю, что
и думаю, все давно
дальнейшем все же идет
а все же промежуток
жить труднее, а вокруг етоде
и етоде

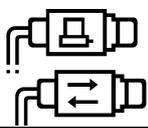
... и етими
дет друга
мои дев се
одну мед
тебе етоде ан

... и знай —
ето же из
прекра
не было
зла
людей
кар

... и вернусь
но я тебе уеина дуд
году ируликой етате
боду, как еси

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ

РАДИОЛАМПА

Длинные, средние, короткие и ультракороткие волны. Они пронзают эфир и несут информацию – о событиях в мире и стране, погоде, спортивных успехах. А для того, чтобы самому попасть в эфир, не обязательно копить на радиоприемник. Гораздо дешевле купить в «Юном технике» паяльник, припой с канифолью, радиодетали, а потом самому смастерить радиостанцию и выйти за пределы своей комнаты, дома, города, страны со своим личным позывным – пусть даже с риском быть пойманным и получить статью за «радиохулиганство»

фото из архива семьи Пляс

► **В ХЕРСОНЕ ПОЯВИЛОСЬ ТАКОЕ ПОНЯТИЕ – РАДИОХУЛИГАНЫ:** это люди заходили на официальную волну и начинали там хулиганить, выкрикивать. Ты слушаешь приёмник, и тут у тебя маты посыпались... Или музыку какую-нибудь запрещённую гонят. Даже использовали для этого дела телефонные трубки, поэтому телефоны вечно были без трубок – телефоны висели повсюду, но позвонить по ним было невозможно, потому что трубку кто-то отрезал, это были такие ребята шустрые. Их отлавливали, наказывали, как – я не знаю.

Первый телевизор... Они появились сначала с экранчиком КВН, на телевизор ходили как в гости.

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

► **ПЕРВЫЙ ТЕЛЕВИЗОР Я УВИДЕЛА В 1953 ГОДУ В МОСКВЕ** – ещё с линзой был такой маленький экранчик. Я остановилась на квартире, и у хозяев был телевизор, и к ним несколько квартир приходили его смотреть.

*Красутская Александра Георгиевна,
1935 г.р.*

► **В КАКОМ-ТО ОДНОМ ИЗ ЖУРНАЛОВ (ПО-МОЕМУ, В «ЮНОМ ТЕХНИКЕ» ИЛИ ДАЖЕ «РАДИО»)** какой-то специалист-радиотехник опубликовал схему передатчика на одной лампе, на двух. Простая лампа, вместо микрофона – капсуля телефонный, выкручивалась телефонная трубка... И после этого во всём городе на телефонных ав-

томатах эти капсули исчезли в момент... И ребята начали на одной лампе передатчики делать – трансформатор, блок питания, какой-то контур навивался, ставилась лампа, капсуля микрофонный, антенна. И позывные: «Седой, седой, отзовись» – где-то в радиусе километра можно было сигнал поймать. Некоторые делали помощнее передатчики, и чекисты стали их вылавливать, стали их ругать, писать статьи. Выходили эти радисты на средней волне, ближе к 600 метрам. Приходишь днём, включил приёмник и кого-то там ищешь, обычные разговоры полупиратские, ничего стоящего. Была эпоха такая, меня она как-то не затронула, но слушал их частенько: включаешь приёмник и ради инте-

реса и послушаешь. Были статьи в прессе, что они мешают полётам самолётов, поэтому боролись с этим делом, радиохулиганами их называли. Их вылавливали, мне даже рассказывали, что ходила машина «с ушами» и их вылавливали. Даже девчонки иногда выходили в эфир: «Здравствуй, я Ромашка! Привет, привет, букашка...» Это сейчас как в интернете ребята...

Помню первые телевизоры, эти антенны. Телевизор поработает два часа, и потом три дня его носишь на ремонт, потому что поломался. Появилась целая когорта ремонтников, которые как жрецы всё знали. Он приходит, эту лампу меняет, колдует, что-то отрезает, что-то подпаивает, телевизор опять заработал – поработал несколько дней, и опять всё...

*Черников Владимир Андреевич,
1939 г.р.*

► **КОГДА ДЯДЯ ПОЛУЧИЛ ПРЕМИЮ – ПЕРВЫЙ ТЕЛЕВИЗОР, ТАКОЙ МАЛЮСЕНЬКИЙ С БОЛЬШИМ СТЕКЛОМ УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ,** и тогда только у него был этот телевизор, и по привычке соседи толпой приходили к нам и сидели. Когда уже все спать ложатся, бабушка говорила: «Будете уходить – захлопните дверь, чтобы защёлкнулась». У нас вообще бабушка очень хлебосольная была... Нас больше всего поразил тогда хоккей. Это настолько потрясало было! Были тогда какие-то соревнования в Канаде, и мы не могли представить, как это вот там толь-

ко что показывают, а здесь мы уже видим. Фигурное катание запомнилось больше всего.

*Кузнецова Элеонора
Орестовна, 1938 г.р.*

▶ **ПЕРВЫЙ ТЕЛЕВИЗОР Я УВИДЕЛ (НУ, МОЖЕТ, ОН НЕ ПЕРВЫЙ БЫЛ В ХЕРСОНЕ)** – это было связано с нашим портом. Мы из нашего мореходного училища выходили с лопатами и шуровали на строительстве улицы Перекопской, когда её заасфальтировали, опоры поставили. И я увидел этот крошечный ящик – показывает. А в то время в Херсонском мореходном училище открыли радио-специальность, стали учить этому, и в скорости в Херсоне пошёл первый троллейбус, херсонцы радовались от души.

Я знаю одного человека, который был любитель, не имел никакого образования, но в радиотехнике ковырялся. И он сделал радиостанцию, которая на весь Херсон транслировала эстрадные произведения. Так его тремя машинами ловили с локаторами! Он крутил современные произведения. По программе «Мелодия» один раз прокрутят – и всё, точно так же и по другим радиоканалам, а все ж хотели... Проходит два-три месяца, пока появится пластинка, а он на магнитофон это всё записывал... Объявлял порой, а порой просто включал всё это дело. Он в политику не лез. Потом он поступил в мореходку, окончил радиотехнический факультет и стал отличным специалистом... Но тогда тремя машинами его ловили, поймали, на первый раз предупреждение, потом штраф.

Подпольно некоторые слушали радиостанцию «Свобода» или «Голос Америки», особенно когда в продаже начали появляться ВЕФовские радиоприемники, некоторые из них были даже на эти станции настроены. По-разному относились, некоторые говорили: «Перестань дуристикой заниматься», а другие: «О, а я этого не знал...» Они же как строили свои программы: из десяти девять дают правду, а одну неправильную...

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

▶ **В 1931 ГОДУ ОТЦА УЖЕ НЕ БЫЛО. МЫ ЖИЛИ В ГОРОДКЕ СЕБЕЖЕ – ЭТО НА САМОЙ ГРАНИЦЕ**, 12 километров – и уже Латвия. Это был пограничный город, поэтому и снабжение было лучше, и как-то культура в первую очередь проводилась. И вот у нас начали

проводить радио по домам. У кого-то лучше, потому что трасса ближе, у кого-то неудачно. И вот моя мать раз-два – и у нас уже радио. В столовой поставили чёрную «тарелку». Очень чётко, ясно, отчётливо она всегда нам докладывала. Начиналось радио в 6 утра и заканчивалось в 12 ночи. И я помню, однажды я у мамы спрашиваю: «Мама, когда там Кремлёвские куранты будут бить?» А она: «Так это ж до 12 часов нужно подождать». Так вот я ждал до 12 часов, когда отбили куранты. Сразу радио выключили, и я спать пошёл.

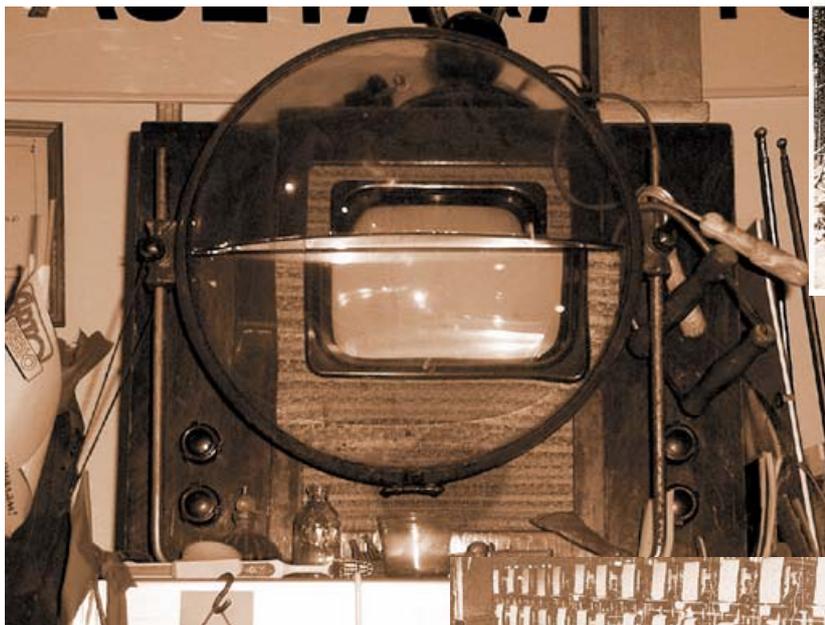
Мы слушали в течение дня. Начиналось в последних известий, потом была очень умная зарядка – был такой Гордеев. Этот человек начинал так: «На зарядку становись!» Музыка хорошая, и это было очень умно и красиво. Я не очень делал эту зарядку, но музыка играла, и в доме была хорошая атмосфера и настроение. Это были 30-е года. А у наших соседей радио не было. И вот я однажды (а мне всё было надо) сделал им радио: с нашего дома шли провода на другую улицу, и я залез на соседнюю крышу – там жили очень симпатичные евреи, отец был глухонемой сапожник, и у него дети, я с одним дружил, он был на два года моложе меня. И я ему говорю: «А у нас радио есть! Хочешь, я тебе сейчас радио сделаю?» И залез я на кры-

шу, у меня была проволока, я любил электротехнику в свои те годы, всякие батарейки, лампочки собирал, включал. И я оттуда спустил провода, зашёл к ним, принёс свой репродуктор, у них рты открыты – они слушают радио! Говорят: «Какой Игорь умный! Как это он сделал?» А мне было сколько – лет тринадцать... А потом случилось, что по всей улице радио не работало – оказалось, что я где-то что-то замкнул, и нас чуть не оштрафовали. Но, учитывая, что мы были ещё дети...

А потом начались 1932, 1933 года – это те годы, о которых говорят много о Голодоморе, но у нас этого не было. Конечно, было очень тяжело. Но моя мать была очень энергичная женщина... Новости были только о том, что строятся Днепро-ГЭС, выступали передовики сельского хозяйства, рабочие, которые перевыполнили всякие нормы, позже началось Стахановское движение – но это уже 1935-е годы. И тогда же у нас уже появились радиоприёмники, в электросеть включались. Только и разговоров было: «У вас какой приёмник?» – «У нас четырёхламповый»... Они быстро вошли в быт, были у всех и дома, и на работе. Концерты были интересные, позже появились песни Дунаевского – «Легко на сердце от песни весёлой...» А мы же молодые были, мы всё воспринимали. То, что сегодня по радио передали – я уже услышал, и все услышали, и уже обсуждаем. Но у меня был такой возраст, что меня это не сильно интересовало. Меня больше интересовало, что Олегу купили велосипед, а мне нет.

Мы слушали передачи – очень хорошие были передачи. В 1938 году начала работать передача «Театр у микрофона», и транслировали самые лучшие спектакли.

Мы пытались ловить разные волны, у кое-кого это получалось. Ещё до войны в Себеже мы часто ловили Болгарию, а в Болгарии были знаменитые певцы, которых запрещали, потому что были антисоветские. В Болгарии, в Софии жили знаменитые контрреволюционеры, и мы часто слушали ро-

мансы. Уже когда я был в Одессе (1936-1937 годы), мы слушали Лещенко, он был очень талантливый человек, но его запрещали, потому что, я помню, он пел какие-то частушки, и там пару раз упоминалось слово «Ленин». Поэтому и наши станции всё это глушили... Редко, конечно, удавалось послушать, но было интересно. Мы были уже студенты, мы это потом обсуждали. В моей среде никогда не было провокаторов. Ведь если бы пойти «капнуть» о том, о чём говорили – всё, привет семье, вас больше бы не было...

Телевизор я первый раз увидел на ВДНХ – Выставке достижений народного хозяйства в Москве, год это был где-то 1952. Я работал в Москве в Министерстве судостроительной промышленности, и вместе с большим начальством поехали мы на ВДНХ. Помню, мы так важно едем, а там же машины не пропускали, и начальник показал удостоверение – и нас пропустили. И мы зашли в какой-то павильон, и там я увидел телевидение. Авскорее я купил телевизор «КВН» с линзой – это было увеличительное стекло большего диаметра, его ставили перед маленьким экраном, и оно увеличивала. Наливали в линзу дистиллированную воду, но говорили, что лучше глицерин, потому что он прозрачнее. У наших соседей был глицерин. Я бегал по всей Москве, искал этот глицерин.

Цену на телевизор даже скажу: в то время это было 900 рублей, это когда зарплата у рядового человека была около 1000 рублей. В очередь за телевизором записывались и стояли всю ночь. Жена всю ночь дома переживала. И я сначала достал телевизор, потом доставал линзу, а потом бегал за глицерином по всем аптекам. Сначала в одной аптеке нашли, потом в другую ездили, чтобы полную линзу налить. В народе про телевизор «КВН» говорили, что это «Купил – Включил – Не работает». У нас в доме лифт был – шахта, обтянутая металлической сеткой, и она экранировала сигнал. Помню, мы антенны всякие покупали, и жена эту антенну носит по комнате, а сигнала нет, и она: «Да ну её к чёрту!» Бросила антенну, и телевизор шикарно заработал!..

Передачи по телевизору были интересные – все театры ставили свои постановки, и это сразу транслировалось по телевизору, и в театр идти не надо! Я даже помню, как балерина Плисецкая в моём телевизоре упала, это была прямая трансляция из Большого театра. Программа была одна, ка-

нал один. Но работа у меня была такая, что я приходил поздно, я был секретарём коллегии в министерстве, это ещё при Иосифе Виссарионовиче. Пришёл поздно, а когда коллегия, то и в 5 утра меня привозили, а рано утром помылся-побрислся – и опять на работу. Так что телевизор я почти не смотрел, это для семьи. Это уже после смерти Сталина стали мы с работы нормально приходиться.

Когда мы переехали в Херсон в 1957 году, тут телевидения ещё не было. Появилось через пару лет. У нас был директор завода Анацкий, и он был большой пурец. И я ему: «Иван Григорьевич, ну очень мне телевизор надо! Помогите мне!» И мы взяли машину, приехали в какой-то магазин, зашли прямо на склад, мне говорят: «Выбирайте!» Телевизор уже был более-менее, экран большой. Мы взяли этот телевизор, включить там было негде, привезли домой – а он не работает. Я этого Анацкого за горло: «Иван Григорьевич, спасай!» Приехал какой-то мастер, включил антенну – и всё пошло.

В Херсоне была одна программа – ретрансляция из Москвы, мы тут смотрели московские передачи. Потом сделали местное телевидение. Были две дикторши – Гусева и Расторгуева. Расторгуева до сих пор работает, но тогда две дикторши вели все программы. Был «час местного телевидения», новости читали на украинской мове и концерты показывали. По центральному телевидению, когда кто-то из правительства умирал, шёл балет «Лебединое озеро». В народе так и говорили: «О, балет. Кто-то умер!»

*Афанасьев Игорь Петрович
1918 г.р.*

КНИГИ

ПИСАТЕЛЬ № 1.

Советский агитационный фарфор – это целая энциклопедия. Персоналии, профессии, виды спорта, рода войск и прочая, прочая, прочая... Не обошел сей вид декоративно-прикладного искусства и художественную литературу.

Но, поскольку Александра Сергеевича можно было изготавливать минимум из бронзы, то Сашу Пушкина можно и из глины.

► **МОЛОДЁЖЬ ОЧЕНЬ МНОГО ЧИТАЛА.** Я вот вспоминаю, сколько я прочёл... У нас читали и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя, и Маяковского. А книжки «Дерсу Узала», «Освобождение Дальнего Востока от японских захватчиков».
Иванов Генрих Иванович, 1931 г.р.

► **В 1946 ГОДУ Я ВЫШЛА ЗАМУЖ, БЫЛА УЧЕНИЦА ВЕЧЕРНЕЙ ШКОЛЫ, 18 ЛЕТ МНЕ БЫЛО.** У меня муж военный, я переезжаю в Одессу, потому что его перевели. Там уже другая жизнь была: я закончила вечернюю школу и закончила училище культуры – второй послевоенный выпуск. Я аттестовалась на библиотекаря, но мы были широкого профиля специалисты. Я, например, и режиссуру изучала, и народное дело, и вокал, и хореографию – всё абсолютно входило. А специализировалась я на библиотекаря почему? Потому что муж переезжает, в новом городе всегда есть «красный уголок», и, значит, есть должность библиотекаря.
Жирнова (Аркаева) Тамара Георгиевна, 1928 г.р.

► **КНИГИ МЫ ЧИТАЛИ В БИБЛИОТЕКЕ. РЕБЯТА, КОНЕЧНО, ЧИТАЛИ ВСЕ ЭТИ «ВСАДНИКИ БЕЗ ГОЛОВЫ».** Очень хорошо я запомнил, что у нашего соседа (он был главным бухгалтером, у него был сын Евгений, он тоже любил читать, мы с ним дружили) очень хорошая подборка книг была. В то время вышла фантастика – «20 000

ль под водой» Жюль Верна, мы всё прочитывали... Потом играли в капитана Немо, в «Три мушкетёра», но я почему-то любил капитана Немо.
Черников Владимир Андреевич, 1939 г.р.

► **В НАШЕЙ СЕМЬЕ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛИ ЧИТАТЬ, ТОГДА ЖЕ НЕ БЫЛО НИ ТЕЛЕВИЗОРА, НИЧЕГО, ТОЛЬКО РАДИО – ТАРЕЛКА ЭТА ЧЁРНАЯ.** У нас часто читали книги вслух, и собирались все соседи, желающие послушать. Читали по очереди: кто-то один читает, а те вяжут, вышивают, шьют. Этот устал – передаёт другому, и вот так по кругу идёт эта книга. И у нас такие чтения были распространены долгие-долгие годы.

Уже в 60-е годы мой папа случайно встретился с одним из своих бухенвальдских друзей, одним из командиров своей подпольной организации – Валентином Логуновым. Тот жил в Рязани, издал свою книгу и предложил папе написать его воспоминания о Бухенвальде. Папа взял отпуск, закрылся в комнате, выходил только покушать, и писал, писал... Писал, курил и плакал, исписал толстую тетрадь. У папы очень почерк был красивый, и отвёз рукопись Логунову в Рязань. И Валентин писал, что вот книга уже набирается, вот-вот выйдет. А потом вдруг оттепель закончилась, и всё пропало, а у папы копии не было. И вся эта тетрадка, и весь набор, и всё-всё пропало. И папа с тех пор больше ничего никогда не

писал. Стихи даже в тетрадочку не записывал. Чирканёт – и кинет, а я подбираю и в папку складываю. Вот так закончилась наша «оттепель», когда папина тетрадка пропала.
Кузнецова Элеонора Орестовна, 1938 г.р.

► **РОДИЛСЯ Я 12 АВГУСТА 1923 ГОДА В СЕЛЕ СОВЕЛОВА В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ, В РОССИИ.** Я получил образование в начальной школе, затем в средней школе в селе Староюрьево. А в ноябре 1941-го года из 10-го класса пошёл на фронт, был призван в армию. Служил я в инженерных войсках, прошёл войну по дорогам России, Украины, Белоруссии, Польши, Германии...

Всё началось с 1937 года. Я тогда был учеником 5-го класса, и в это же время в феврале месяце отмечалась памятная дата – 100-летие со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина. У нас тогда был литературный вечер, преподаватель по литературе сделал доклад, потом выступали учащиеся, читали стихотворения Пушкина. И в тот год шло очень большое издание произведений Пушкина. И вот я был на том вечере, а потом достал несколько книг, связанных с творчеством Александра Сергеевича, и с этого времени начал собирать книги. Находил я их не только в селе, но и был районный центр, там я тоже находил. А потом, повзрослев, стал наезжать в Мичуринск, это недалеко от нашего села, 40

километров, там был книжный магазин, а в книжном магазине был даже отдел редких книг. Там я начал приобретать книги. К 1945-му году у меня сложилась уже хорошая библиотека. Во время и после войны часть этих довоенных книг погибла – тут и частые переезды, собирать хранить или перевозить эти книги представлялось трудно.

Книги издавались не только в мирное время, но и во время войны. Будучи на фронте, я одновременно выполнял обязанности книгоноши – такое поручение я получил от заместителя командира батальона по политической части. И вот к нам на фронт поступали книги, которые издавались большими массовыми тиражами – так называемые книги из фронтовой жизни, книги Шолохова, Константина Симонова, Александра Корнейчука. Тематика была разнообразная – и о наших полководцах, о Суворове, о Кутузове и о наших политических деятелях. В массовом порядке эта литература поступала и пользовалась большим успехом, но это были небольшие издания, они не превышали одного печатного листа – несколько страниц, тоненькие. «Василий Тёркин» издавался по частям, по несколько глав. Книги бесплатно раздавались; как правило, их приносили почтальоны вместе с периодикой, и несколько экземпляров попада-

ли к нам. Тогда меня вызывали и говорили использовать их в работе наших подразделений. Я шёл и вручал нашим агитаторам. А бывало, мы собирались и читали их: один читает – остальные слушают.

В Херсон я переехал в 1957 году по рекомендации товарища. Он сказал: «Если ты действительно хочешь достойно жить, тем более, если хочешь подкрепить своё здоровье – езжай на постоянное место жительства в Херсон, там благоприятный климат, река Днепр, недалеко моря, ну и всё остальное». В тот момент, как я приехал в Херсон, население здесь было 80 тысяч. Это уже при мне здесь начал строиться и начал работать Хлопчатобумажный комбинат, при мне началось расширение деятельности судостроительного завода. Никакого деления на «своих» и «чужих» не было, это же был Советский Союз, все были братские народы, все были братья, никого не ущемлял в правах.

Я из одной армейской среды попал в другую. В это время из Запорожья в Херсон переезжал Дом офицеров, и когда я здесь стал на учёт, мне порекомендовали обратиться к руководству Дома офицеров – возможно, они могли бы вас использовать на работе в своём учреждении. Я прибыл туда, побеседовал с руководством, меня зачислили вольнонаёмным заведую-

щим кабинетом самообразования офицеров, там я и работал.

В книжном клубе я не то что был – я создавал его. Когда я приехал в Херсон, мне нужно было приобретать среднее образование. Тогда я поступил в Херсонский культпросвет техникум, на библиотечное отделение. При Доме офицеров была библиотека, и эта библиотека тоже была в моём ведении. Так что я закончил с отличием техникум, а потом поступил на заочное отделение в Харьковский институт культуры. 5 лет я учился, тоже закончил с отличием. И уже когда я учился в Харькове, в 1966 году в Херсоне был создан клуб книголюбов. Впоследствии он стал называться Херсонский клуб любителей книги «Кобзарь», а почему он появился? А потому,

что такой клуб был в Харькове – это первый клуб книголюбов, и эти клубы были зачинателями на местах. Здесь, в Херсоне был образован «Дом книги» на площади Свободы – в создании этого клуба принимали участие общество «Знание», общество охраны памятников культуры и истории, и другие организации. В 60-е годы был широких размах издания книг, люди потянулись к книгам. Люди отстаивали около «Дома книги» целые ночи в очередях для того, чтобы организовать подписку, вот так вот. А редкие книги доставались... Даже и в Херсоне были редкие книги. Достаточно сказать, что такую книгу как «Бахчисарайский фонтан» Пушкина – его поэма, написанная в 1824 году, – я приобрёл в нашем букинистическом магазине на улице Суворова. Её сдал очень известный человек, который собирался покинуть Херсон. И он сдал не только эту книгу, но и сдал такую книгу как сборник стихотворений Блока «Стихи о России» с его автографом – вот в одно время я

приобрёл эти две книги.

Когда я выехал по долгу службы в Москву, в Санкт-Петербург, для меня это была питательная база. Книги я брал в основном для себя, причём то, что меня интересовало. Пушкиниана – основная тема, вот я и собираю по этой теме книги и другие предметы, связанные с Пушкиным – изобразительное искусство, филателия, получилось более 1000 единиц. Соревнования между книжниками я не замечал, потому что каждый сосредотачивался на какой-то теме. Я занимался Пушкинианой, а потом, когда уже у меня появились “Стихи о России” Блока – тут уже я начал собирать стихотворения Блока и его книги, и у меня тоже было более 20 прижизненных изданий Блока. В среде книголюбов без обмена не может быть, обмен существовал и существует, это вполне естественно. Мне в основном помогали наши херсонские книголюбые.

Книга «Мастер и Маргарита» была запрещена, но её люди приобретали – любыми путями приобретали. Так же и книги Солженицына доставали... Даже Есенин у нас до 50-х годов тоже был в запрете... И Ахматова попала тоже одно время под запрет, хотя это не контрреволюционная литература, она не призывала к свержению Советского Союза, но эта литература в те времена кого-то не устраивала. Тот же Зощенко и Ахматова – они не издавались, то есть запрещать – не запрещено было, но и приобретать... Первой книги Высоцкого не было – она была издана уже после его кончины...

У нас было в своё время общество коллекционеров, остатки этого общества по субботам собираются рядом с 20-й школой, но сейчас там в основном филателисты.

*Емельянов Михаил Андреевич,
1923 г.р.*

► ХРУЩЕВ ПРИЕЗЖАЛ В ХЕРСОН И В СКАДОВСК, НО ПОЗЖЕ... А ОТТЕПЕЛЬ КОСНУЛАСЬ ВСЕХ, ПРИ НЕЙ КАК-ТО ГОВОРИЛИ ПО ДРУГОМУ, СТАЛИ ДАЖЕ ДУМАТЬ ИНАЧЕ. У нас в городе (это не только в Херсоне, а везде было) где-то в 60-е

годы был большой взрыв книжного дела. Даже стали писать, что у нас в союзе самая читающая публика. Ну, на счёт самой читающей я не знаю, я не смотрел, кто что читает, но в основном это был дефицит. Когда книгами стали увлекаться, книжники появились, у нас был свой клуб, он и сейчас существует, есть нас человек пятнадцать. Менялись книжками, для торговли покупали, книжка была в ходу большом. Самиздат в Херсоне – это была мёртвая точка, самиздата в Херсоне не было. Для себя, может быть, кто-то что-то и переписывал. У меня, например, свои концы были, я в других городах получал книги, сам кое-что на машинке перепечатывал, но это было настолько скрыто мраком неизвестности... Я помню, у меня друг плавал, и он привез “Доктор Живаго” Пастернака – так это было такое... Как он её через таможену провёз – не знаю. Он мне дал её, она у меня долго была, но я её вернул. Вот таким образом как-то моряки провозили книги, но очень мало, потому что «железный занавес» был крутой. До 1956 года Ильф и Петров, Булгаков были запрещены. А после 1956 года разрешили, но и то не всё. “Золотой теленок” “12 стульев” вышли полностью, а “Мастера и Маргариту” один раз только напечатали в журнале “Москва” – и всё. Как отдельная книга она не вышла...

*Вайнштейн Эдуард Борисович,
1934 г.р.*

► ЗАКАТИЛОСЬ «СОЛНЦЕ ПЛАНЕТЫ». УШЁЛ ОТ НАС СТАЛИН - «ГЕНИАЛЬНЫЙ ВОЖДЬ, УЧИТЕЛЬ ВСЕГО ПРОГРЕССИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ЛУЧШИЙ ДРУГ ДЕТЕЙ И ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ». Наиболее истово верующие отрывались и... ничего не случилось. Жизнь пошла своим чередом.

Постепенно в нашу провинцию проникли первые лучи оттепели: в кинотеатрах прошёл кинофильм «Летят журавли», и люди увидели, что война была не только героическая, победоносная и освободительная. Появились опальные «Звезда» и «Ленинград». «Литературная газета», «Комсомолка» стали безумно интересными. И все вдруг узнали, что, кроме

Фадеева, Шолохова, Константина Симонова, ещё есть Ильф и Петров, Бабель, другие писатели и поэты. У многих на стенах вместо портретов Сталина и прочих вождей появились портреты Хемингуэя.

Из рук в руки передавалась повесть «Не хлебом единым». А потом в журнале «Москва» с благословения Твардовского вышел «Один день из жизни Ивана Денисовича». Чистые руки выкормышей «Железного Феликса» слегка разжались на горле интеллигенции.

Все щеголяли цитатами из Ильфа и Петрова. Бурно расцвёл жанр политического анекдота. Люди учились не пользоваться соцновоязом и говорить нормальным языком.

Всем захотелось читать. Информационный аппетит прорезался даже у тех, кто раньше не брал в руки даже газет. В Москве при переполненных залах проходили поэтические вечера, на которых блистали неизвестные до тех пор нервный Евтушенко, меланхолическая с «лёгкой шизой» Ахмадулина.

Все срочно бросились покупать книги. Книга вошла в моду и стала дефицитом. Миллионные тиражи расходились мгновенно. Народ СССР стал «самым читающим народом мира». В Херсоне в результате объединения двух маленьких магазинчиков «Политическая книга» и «Военная книга» на Суворовской – открылся огромный Дом книги на площади Свободы. Времена, когда можно было подписаться на собрания сочинений через неделю после объявления подписки, канули в прошлое. Теперь это был увлекательный многоступенчатый процесс.

Возле «Дома книги» началась новая жизнь, подчиненная суровым и непреклонным законам очереди. Тут был организован комитет добровольцев, которые взяли управление очередью в свои руки. Комитет возглавлял Юра Радин – худой и скандальный, обладавший опытом участия в «БСМ» (бригада содействия милиции).

О подписке на какое-либо «собрание сочинений» узнавали из газеты «Книжное обозрение», и начиналась процедура создания

очереди. Появлялась тетрадь, в которую записывались фамилии и присваивались личные номера.

«Не больше одного номера на одну фамилию, не больше одной подписки на один номер, на всех переключках быть непременно!». Никакие отговорки и оправдательные документы не признавались. Отсутствующих моментально вычёркивали из списков и номера подвигались вперёд. Проверки проводились в 12 часов ночи и в 6 часов утра. После оглашения правил у магазина оставались ночные дежурные (из стоящих впереди) - дабы не организовалась вторая очередь. Всё «действие» продолжалось в течение трёх-четырёх дней. Однажды я чуть свет пришёл на очередную переключку. Собирались толпа, в основном состоящая из мам и бабушек, заботящихся о повышении интеллектуального уровня своих отпрысков. И, естественно, толпа «базарных жучков». Над толпой стоял лёгкий шумок. Говорили о том, что где «давали» и что будут «давать». Особняком стояла небольшая группа херсонских книголюбов. У этих разговоры были только о книгах.

Моё внимание привлёк стоящий отдельно и не участвовавший в разговорах высокий худой человек в большой чёрной драповой кепке и рабочей телогрейке. Шея его была укутана вафельным полотенцем. Лицо со слегка раскосыми глазами, мощный лоб, говорящий о недюжинном уме. Он угрюмо стоял особняком, не смешиваясь с толпой. На лице его читалась отстранённость от всей этой базарной суеты.

Я, заинтересовавшись, подошёл к нему с каким-то незначительным вопросом. Он довольно вежливо ответил, и у нас завязался разговор. Заговорили о Куприне, и он мне задал вопрос: «А какое произведение Куприна Вам больше всего нравится?». Я, не задумываясь, ответил «Суламифь» и «Гранатовый браслет». Он улыбнулся и сказал: «А я люблю рассказ «Добрый доктор». Тут началась переключка, и наш разговор прервался. После переключки все разошлись по домам, прижимая к груди выделенный первый том подписки.

После этого я попытался узнать у херсонских книголюбов об этом человеке. Мне рассказали, что это инженер судоремонтного завода Михаил Иванович Горлов – страстный и знающий библиофил, по натуре редкий скандалист, антисемит и упрямец. Рассказали, как он поколотил переплётчика Кралича за «зарезанную» книгу (обрезанную больше, чем надо, в процессе переплета) этой же книгой по голове. И я подумал: «Что-то тут не так, ведь в случайном нашем разговоре он назвал своим любимым самый добрый святочный рассказ Куприна».

Наступила осень, а с ней и простуда. Первое средство от этой беды – парная. Решил я сходить в старую городскую баню на Пограничной. Захожу в парилку и неожиданно узнаю в ширококостной худощавой фигуре с багровой распыренной лысиной на верхней полке моего нового знакомого. Поздоровались, разговорились. После бани он пригласил меня к себе. Благо, что я и Михаил Иванович жили почти рядом. Время пролетело незаметно в очень приятной беседе, со «шкаликом» и крепчайшим чаем. Говорили обо всём – о книгах, о политике, о людях. Беседа затянулась далеко за полночь. Ушёл я переполненный восторгом от встречи с таким необыкновенным человеком. До этого знакомства у меня не было подобных друзей. Знание книг и литературы, меткость суждений, живая, чуть глуховатая, речь – всё это очаровало меня, тогда ещё очень молодого человека.

Впоследствии много вечеров мы провели с ним за дружескими беседами с неизменным крепчайшим чаем и «чекушечкой». Он очень гордился своим инженерным дипломом и своим наставником – знаменитым Крыловым, автором «Теории устойчивости и непотопляемости судов». Говорил: «Я, простой черемисин, учился у такого знаменитого учёного!».

Он был лаконичен и категоричен в своих суждениях. Однажды я пришёл к нему и увидел на столе книгу, о которой тогда много говорили – «Воспоминания и размышления» маршала Жукова. Я спросил, какого он мнения об авторе.

Ответ был как выстрел: «Дундук!» и показал на фотографию в книге, где маршал на даче сидит на скамейке, спинка которой выше его головы. Михаил Иванович спросил меня: «Как вы думаете, зачем такая высокая спинка?». Я в недоумении пожал плечами. «А чтобы снайпер не попал в бесценную маршальскую голову!» – был ответ.

Однажды Михаил Иванович вытащил из своих загашников тоненькую книжечку в четверть листа писчей бумаги, отпечатанную на машинке в простом картонном переплёте. Хитро улыбаясь, изрёк: «Барков. «Лука Мудищев» и рассказал о том, как ему со своими друзьями-студентами Ленинградского кораблестроительного института удалось переписать в Русском музее поэму Баркова, которая экспонировалась в витрине под стеклом. Они сделали просто – разделили всю поэму на строчки, и каждый выучил свои строчки наизусть. Потом пришли в общежитие и записали.

Рассказывал Михаил Иванович о борьбе за честь своей покойной жены – учительницы младших классов, которую травили в школе за то, что она не поставила надлежащую оценку недорослю одного из обкомовских чиновников. Показывал целую папку писем во все партийные инстанции, на которые получал одни отписки. Писал даже после её смерти, но увы...

Как-то он мне сказал: «Эдуард, надеюсь, Вы будете идти за моим гробом». Но не довелось. Вскорости он разделил свою прекрасную библиотеку и, оставив сыну часть книг, уехал к дочери в Киев. От него я получил всего одно письмо. В нем была горькая фраза: «Прав был Ж.Ж. Руссо, который отдавал своих с Терезой детей в сиротские приюты – по крайней мере, из них выходили хорошие мастеровые». А вскорости до меня дошли слухи о том, что Михаил Иванович вышел из дому за молоком и по дороге скончался.

Не пришлось мне идти за гробом. Мир праху его...

*из книги Э.Вайнштейна
«МОИ ПОБАСЕНКИ»
глава «СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО»
(Воспоминания о М.И. Горлове)*

СЛОВАРЬ СЕМИДЕСЯТИЛЕТКИ

от **А**

до **Я**

Вечер **МЕЦЛЯ**

СССР

ЗАГРАНИЦА

ЗОНТИК С ВОСТОКА

В 50-60 гг. поступавшие в СССР китайские товары с этикеткой «Дружба» были особо ценимы как раз в силу своего качества и прочности. Теперь же, к сожалению, словосочетание «китайский ширпотреб» воспринимается однозначно с противоположным смыслом. Любая вещь из-за границы для большинства граждан оставалась предметом роскоши, даже если к роскоши она никакого отношения не имела.

фото из архива семьи Кедровских

фото из коллекции Н. Гоманюка

▶ **ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА Я УЧИЛСЯ В ХЕРСОНСКОМ МОРЕХОДНОМ УЧИЛИЩЕ.** После училища комиссия, назначали, кто куда пойдёт. Я мог пойти дальше учиться в высшее мореходное училище, но по глупости мне захотелось работать пойти. Мне представилось право выбрать пароходство, я говорю: «Балтийское, Ленинград». Так я пошёл на работу.

Плавали мы в Арктике, и после Арктики обшивку нужно было менять, сорок листов. И мы пошли на ремонт в Антверпен, на судоверфь, и там месяца три мы ремонтировались. Зашли в Мурманск, приходит капитан, говорит: «Вас срочно вызывают в Ленинград в пароходство». Собрался, приезжаю, захожу к начальнику училища. Там другой человек, кроме начальника училища. Начальник училища выходит, этот человек говорит: «Владимир Петрович, есть предложение Вас во внешнюю разведку направить». Ну а тогда же была советская власть, тогда сказать «нет, не хочу» – такого не было, иначе ты являешься уже не защитником отечества, раз есть такое решение.... Говорит: «Вот вам билет, завтра в пароходстве рассчитаетесь».

Внешняя разведка – это зарубегье. Мне нужно было учиться быть разведчиком. Приехал я в Москву. В Москве меня сразу у

вагона встретили машиной. Поселили меня отдельно. Разведчиков готовили абсолютно отдельно, никаких групп – ничего. У бабушки поселили – пожилая женщина, у неё была трёхкомнатная квартира, она должна была меня и кормить, и стирать – это всё лежало на ней. Ей платили за это, видимо.

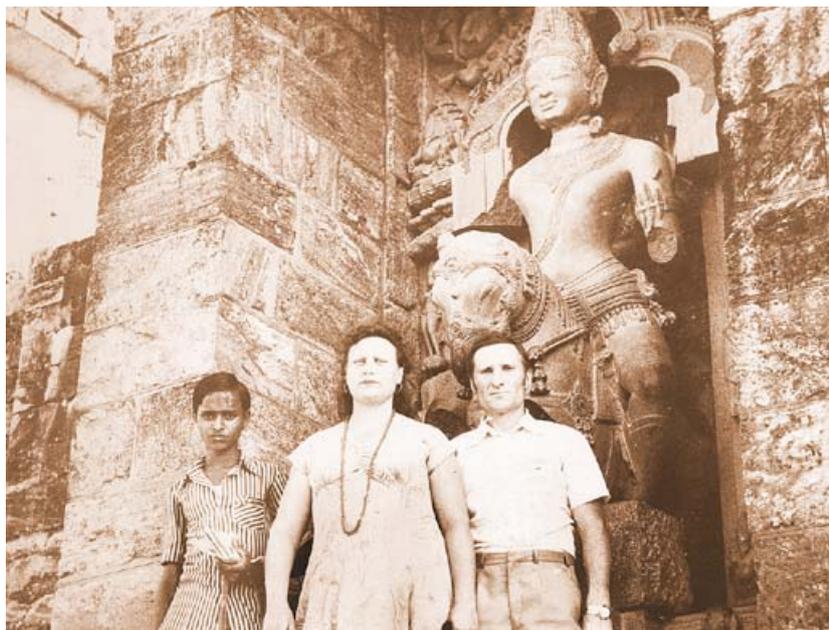
Там я занимался. Я попросился выехать в Херсон на неделю – жениться. Меня отпустили. Приезжает через несколько дней мой куратор (а я только одного человека из них знаю, он информировал меня – что надо делать), он говорит: «В 2 часа ночи приедет машина, и будем решать окончательно Ваш вопрос». Приехали. Помещение такое, лампа – абажур так сделан, что по краям не видно лиц тех, кто сидит, а я в центре, и я вижу только своего куратора. А я после войны ещё двадцать лет воевал во сне, и первый вопрос, который он задал: «Владимир Петрович, Вы знаете, что Вы во сне разговариваете?» Я говорю: «Да, знаю» (мне ребята говорили). Он: «А Вы знаете, что разведчик, когда он говорит сонный, то он говорит только на своём родном языке? Следовательно, вы не годитесь на эту работу». За мной только наблюдали, в войну же отличился, был награжден Орденом Ленина, был представлен к званию Героя Советского Союза, искали таких людей, которые были спо-

собны что-то сделать... Мне говорят: «Владимир Петрович, Вы можете вернуться назад на работу». А я уже сорвался и говорю: «Я бы хотел получить свободное решение своей жизни...» Если проследить мою жизнь, она была всё время под влиянием, мне хотелось дальше что-то самому. И мне говорят: «Владимир Петрович, как хотите, это ваша воля». И я уехал в Херсон, женился. Херсон мне нравился как город, я же тут учился...

Когда я приехал в Херсон из Москвы, я пошел работать в инфлот. Инфлот – это агентство по агентированию в иностранный флот. В то время я уже знал относительно английский язык, это мне сильно помогло. Затем я работал диспетчером, лет шесть работал, а в 1957 году я стал начальником агентства. Это работа сложная юридически, потому что все вопросы по иностранному флоту, который заходил к нам, решает агент – контракты, деятельность, грузовые операции, аварийные случаи...

А в 1964 году вдруг меня вызывают в пароходство, предлагают на работу за границу, в Алжир. А в Алжире тогда шла ещё война, гражданская, против французов, а советское государство помогало национальному освобождению. Мне предложили работать представителем министерства морского флота СССР в Алжире, при-

фото из архива семьи Кедровских

шлось согласиться, и я поехал. На мне там была вся организация по обработке нашего морского флота, все вопросы решал я через свои иностранные агентские службы. Закончил я там службу в 1969 году, в 1972 году меня вызывают в Москву, говорят, что есть мнение... Если так говорят – уже не откажешься. Говорят: «Есть мнение, чтобы Вы поработали во Франции, в Париже». Поехал я на работу туда, там проработал семь лет – это в то время, когда самые большие сроки были два года, столько мог проработать советский человек за границей, а потом должен был вернуться. А мне пришлось семь лет работать. Я был два года старшим представителем, затем по заданию ЦК мне нужно было создать коммерческую организацию по агентированию нашего флота – создать акционерное общество. Два года спустя я его создал, никому не удавалось до меня этого сделать, французская администрация очень сложная, я очень тщательно изучал вопросы, как это можно сделать. Я нашёл двух партнеров – одного крупного финансового и одного крупного по судоходной линии во Франции. Через некоторое время по судоходной линии получил отказ, французы не пустили. Тогда президентом Франции только что был избран Жискара Дестен, у него был финансовый советник, и через него я создал фирму. Юри-

дически я создал эту компанию, но практически я не был готов работать как капиталист, то есть знать финансовое дело, экономику. Я пришёл к нашему министру морского флота и говорю: «Я не готов к этой работе». А он: «А ты думаешь, я был готов? Пришёл – и сразу министром стал. Вот и ты пойдёшь». И я там пять лет работал, создал прекрасное акционерное общество. И я всё время возвращался в Херсон. Меня тянули работать в Москве, но я полюбил очень Херсон, а карьера меня не соблазняла. Закончил в работу в Париже и вернулся в Херсон снова.

...Только приехал сюда – вызывают в Москву и направляют в Бельгию. А там было самое крупное коммерческое дело при советской власти. Четыре компании у меня было в Антверпене, четыре в Голландии (а в Голландию не пускали наших советских), две компании в ФРГ, в Японии одна компания и одна компания в Сингапуре – вот у меня хозяйство какое было. И там я тоже проработал семь лет. Вернулся – мне уже было под 60, дальше меня хотели снова, но я сказал: «Нет, 18 лет за границей – это большой срок». Я с женой был и маленькой дочуркой, старшая дочь без нас росла, а младшая с нами. И здесь я снова там же работал, и в 1997 году я ушёл на пенсию, потому что начал сдавать слух. Я и сейчас ещё фактически работаю,

но не так, как раньше – нельзя назвать это работой, я референтом у директора.

*Казначеев Владимир Петрович,
1928 г.р.*

► Я СЛУЖИЛ, Я БЫЛ В МОЛДАВИИ ПРИЗВАН, А В ЭТОТ МОМЕНТ КАРИБСКИЙ КРИЗИС, и всех нас прямо с полком туда транспортировали... Это была первая наша миролюбивая... в 62-63-м, я был в 64-м... Это было первое миролюбивое наше участие в таком... Рядом с Америкой, поддержать коммунистические идеи, поэтому я там в некоторых стихах своих так и пишу что... Запомнилось и хорошее и плохое. Плохое то, что всё-таки служба была тяжёлая, климатическая разница, всё время чешешься, постоянная потливость. Там не просто жара, там влажность повышенная, ужас. И, как бы ни было, родные места – это родные места. И когда ты стоишь в оцеплении, а там кусты и потёмки, растительность, где-то что-то зашевелится – тебя сразу гнетёт, думаешь – какая-то зараза... Причём доходило иногда до абсурда, мы учили кубинцев...

Мы больше 40 человек привезли, здесь захоронены. Были увечья, были ранения. Вы поймите, там войны как таковой не было. Были какие-то непонятные вылазки, наших ребят для оцепления приглашали... Были смерти миролюбивого характера, наши участвовали... Был тайфун, страшная была ситуация... Я застал один из них – вы не представляете... Ветер который всё ломает ни с того ни с сего, ветер, который всё крушит. Прячешься за каменные строения, потому что невозможно, деревянные опрокидывает, туалеты опрокидывает, бараки опрокидывает, срывает шифер, и он летит на 60-70 метров. И после какого-то часа вот этого – ни звука, тишина... И так тихо-тихо минут 10, а потом ливень шквальный, вода поднимается на глазах на полметра, и всё, что разрушено, уносит. И вот наши ребята на бронетранспортёрах помогали эвакуироваться народу с затопленных мест. И так получилось что бронетранспортёр накренился, и погибли как кубинцы,

так и наши. Четыре человека были похоронены, кладбище было очень ухоженное.

Вообще очень интересный народ: «Руссо компанеро! Руссо компанеро!» Интересно, что у нас говорят сигареты – у них сигары, у нас сигары – у них табак.

В город нас вывозили как поощрение за хорошие показатели. Мы дежурили, а остальное время смотрели мультики постоянно Диснеевские – там же раньше был курорт американский, они всё это захватили, национализировали, и каждый день по многу раз рассмотрелся я этих Диснеевских... И там у нас была военная подготовка, и за отличные показатели нас в награду в воскресенье вывозили на море, в специально отведённые места, где охранялось кубинцами, чтоб никаких не было эксцесов. Нас туда вывозили, и мы, по сути дела, купались. Зайти в воду без обуви было невозможно, там были акулы, но мы ограждены коралами, между кораловыми рифами и берегом где-то метров 200-300... Но все подходы были в морских ежах, и если станешь на ежа (а он ломкий) – если сломался, то беда, начинаешь выковыривать, а это не то что иголкой высунул и идёшь дальше... Потом пришлось одевать наши сандалии, вьетнамские. Иногда и во вьетнамских рубашках, в китайских брюках. Многие наши увлекались – ныряли и собирали ракушки, они очень редкие, водились только в Каррибском бассейне. И вот они их доставали, а потом эти ракушки кидали в муравейник, муравейник их чистил. Из ракушек делали всякое, они же очень большие.

Нас иногда возили в музей. Я на Кубе был в музее Наполеона в Гаване – мы стояли возле Гаваны, нас специально вывозили... Там все вещи Наполеона. Этот музей остался ещё с тех времён, когда это было американское. Нас могли привезти к Капитолию на машине, предупредить и распустить – идите со старшим по пять человек в группе. Я заинтересовался «Баккардией», и мы с другом пошли, где-то бутылочку мы купили. Вечером заснуть невозможно, потому что там эти лягушки и мошки, и вот если ты

лёг и не заснул в течение 5-10 минут, то всё, ты весь в поту. Ты встанешь, бежишь к воде, окунаешься, охлаждаешься водой, и бежишь (даже не высухаешь) – бух, и засыпаешь, а когда заснул – тебе легче. И мы с другом решили, что никто не заметит, и перед сном взяли эту бутылку «Баккарди», влили в неё водку и как отпили... Она тёплая, противная, мы так её и вылили, и выбросили бутылку. Вот эта была ситуация. Офицеры, конечно, выпивали... Предшественники наши хорошо пили. Они ходили более свободно, даже в нашей форме...

Я привёз ракушки, привёз наклейки – тогда их было много, всё было обклеено – и чемоданы, и всё... Открытки, сигареты, вся табачная продукция пропитана этим сахарным тростником. Здесь я приехал, покупаю эти же сигареты, а уже не то. Я там страшно обожаю кока-колу, такая вода прекрасная, а здесь совсем не то. Там были ларьки, и мы получали 3 рубля, и могли купить сгущённое молоко – так то было сгущённое молоко...

*Левченко Николай Алексеевич,
1945 г.р.*

► В 60-Е ГОДА РАЗРЕШИЛИ ВЫПИСЫВАТЬ ЖУРНАЛ «АМЕРИКА» – большущий красивый журнал, на мелованной бумаге, красивые картинки. Это было как окно в иной мир. Можно было выписать его в СССР, это был не подпольный журнал, это был официальный журнал. Кто нам помог его выписать, я не помню, но факт в том, что один год мы имели этот журнал, зачитывали его все мои знакомые, все мои подружки приходили читали. О Джоне Кеннеди там было подробно написано... Что нас поразило: я тогда училась в медицинском институте, и один выпуск журнала был посвящён медицинскому образованию, и одна статья посвящена медицинскому училищу. Было написано, что там медицинских сестёр учили музыке, живописи, архитектуре, литературе. Мы так удивились, у нас этого не было, зачем? А там объяснили: потому что медик встречается с людьми разных специальностей, и он должен быть в курсе всякой специальности. Пусть он не

будет знать досконально, но должен иметь представление, это поможет в диагностике больного. Но мы журнал «Америка» всего один год выписывали.

*Кузнецова Элеонора Орестовна,
1938 г.р.*

► МЫ РАБОТАЛИ НА ПОЛЯРНОЙ ГИДРОМЕТЕОСТАНЦИИ, НА САМОЙ ГРАНИЦЕ С ФИНЛЯНДИЕЙ

– вот так застава, потом наша станция, потом ещё застава. У меня работники были такие! Был писатель латышский самый знаменитый – Вилис Лацис, он там был Верховного Совета председатель, потом их разогнали, и его сына прислали мне на работу. У нас была там девушка, которая работала наблюдателем на посту, ей финны границу открыли. И мы пешком через границу ходили в Советский Союз в магазин, нас там пропускали без всякого пропуска.

В Финляндии мы работу выполняли – обслуживали стройку. А я, кроме того, был на учёте в разведке, я пару шпиончиков выявил. С Финляндией у нашей разведки были договора – по идее, они к нам шпионов не засылали. А вот Швеция (это страна НАТО была) посылала шпионов, постоянно там ходили – как с тележками ходят («кучмовозы» они называются), так и эти шпионы ходили. Один случай такой был. Я ехал в отпуск. Еду я в купе, и вот ночью пришёл парень – курносенький такой, в очках, чисто русский, вылез на третью полку, я на второй. Он закурил, разговаривать начал, говорит: «Я учусь, занимаюсь». Я его спрашиваю: «А Мусинова знаете?» Он: «Нет, не знаю». Есть нюанс такой: если вас спрашивают, знаешь такого-то или не знаешь, вы обязательно подумаете. А этих шпионов учат так, что, если спрашивают о ком-то, надо сказать «нет». Он слишком быстро сказал. А второе – он просто не мог его не знать, потому что он там был мастером леса. Я тогда второй подбросил вопрос, вторую фамилию назвал, он начал размышлять, мои подозрения подтвердились. Он ответил, что и этого вроде не знает. Но его в это время уже «пасли», он от меня утром перебрался дальше. Потом

...иногда...
...иногда в лесок уходит...
...будет, что ведут еуши...
...где сеетидоро едемает...

Тучокой елови
...
...как екорость...
...и пенее всеер...
...Тучетит по в...
...Тучет не зор...
...Одно иишь и...
...
...Нел и з...
...юблене...

ЖОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ:

ПРОЙДЕНО: 41974,7 МИЛИ.

1970 ГОД

— 1973 ГОД.

Встретились с Москвой...
...и Москвой...
...и Москвой...
...и Москвой...

Встретились с Москвой...
...и Москвой...
...и Москвой...
...и Москвой...

...улице...
...гасаго...
...звале...
...ем...
...век...
...в них...
...сердцу...

...Нел и з...
...юблене...
...о...
...них уе...
...ет все...
...и-но...
...сердцу...
...в...
...- вет...
...- зли...
...любов -

...это все...

фото из архива семьи Кедровских

мы встретились с ним в вагоне-ресторане, он опять что-то молот про то, что немцы газы не пускали в Крыму. Его взяли в Петрозаводске, причём брали так, что и на крыше стояли, и под вагоном. Были о нём осведомлены. Когда его выводили, он на меня посмотрел с укоризной, но я тут были ни при чём.

Я участвовал в выявлении, нас учили, как выявлять, индивидуально с нами работали. Меня приглашали в разведку, я же работал на границе, но я не пошёл. Какой же я разведчик, если я в обморок падаю? Но разведчики были мои друзья, и я с финнами дружил тоже.

*Лонский Сергей Иосифович,
1925 г.р.*

► КОГДА Я ПЕРВЫЙ РАЗ ВЫШЕЛ В МОРЕ (ЭТО БЫЛО МЕЖДУ ОСТРОВИМ ЗМЕИНЫМ И РУМЫНИЕЙ), СМОТРУ – ПЛАВАЕТ КАКОЙ-ТО ПРЕДМЕТ. Когда ближе подошли, вижу – чёрт подымается с рогами... Ко мне подходят: «Что там?» Я: «Чёрт плавает с рогами!» Быстрее к капитану, он в бинокль посмотрел, остановили корабль, сказали стоять и наблюдать. Оказывается, всплыла мина. Из Сева-

стополя пришёл быстроходный катер, и они её ликвидировали. Второй раз смотрю – плавает какой-то тюлень. Подошли – большой предмет плавает, и сверху как бархат, прямо как шерсть. Достали, обсушили, сверху срубили, смотрим – а там великолепная мука высшего сорта, под коркой всё сухое.

В первый раз я попал в предместье Токио, один раз я был в Японии. Обычно в ходе инструктажа перед выходом на берег членам экипажа говорят, что это за город, как куда пройти. Потом обычно на всех судах открывается и закрывается граница, приходят власти, официально оформляют и рассказывают обстановку в данном городе, чего опасаться. Вот, например, мы были в Неаполе, и нам сказали, что возле рынка есть часть такая, где маленькие магазинчики, и там бывает воровство, поэтому держитесь правой стороны. И вот в этот момент там было воровство, и мужчина достал пистолет и стрелял по вору, итальянец стрелял в итальянца, приехала полиция пограждански одетая...

Если были какие-то непри-

ятные взаимоотношения, то капитан сразу сообщает, потому что капитан – это представитель власти. У нас был случай в Мраморном море, когда над нами пролетел истребитель на 10-метровой высоте от мачты, это нарушение международных правил, поэтому об этом сразу сообщается – как наши сообщают, так и ихние. Мы, когда пришли в Японию, впервые увидели, что такое капитализм и что такое хозяин-банкрот: крупнейший металлургический комбинат, тянется на километры, и нам сказали, что хозяин банкрот. Вагонетка как шла наверх с грузом – так и осталась стоять. Паровоз шёл, тянул вагоны – так и оставили его, только вороны летают над ним. Мы были поражены этим. Когда была сильная агитация, чтобы уезжать из страны, но когда люди побывали там и увидели, что это такое, то все дома живут.

*Дорохов Анатолий Петрович,
1935 г.р.*

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

Мастерская «ЖИВАЯ ИСТОРИЯ»
 Проект Херсонского городского Центра молодёжных инициатив «Тотем»

▶ НЕ ТОЛЬКО СЛУШАТЬ, НО И СЛЫШАТЬ

Работа клуба «Диалог поколений» началась с тренинга для инициативной молодёжи. Не секрет, что современные молодые люди не умеют (и часто не хотят) слушать не только родителей, но и вообще старших людей – мол, их жизнь уже в прошлом, а мы живём здесь и сейчас, и нам нет дела до того, что было раньше... Оказалось, что участникам клуба «Диалог поколений» действительно нужно учиться слушать, задавать верные вопросы, научиться терпению и уважению. Взамен мы услышали истории, уникальные как жизнь каждого человека и, в то же время, отражающие судьбу целого поколения, прошедшего через самые трагические события 20-го века.

«ЖИВАЯ ИСТОРИЯ» НА УЛИЦАХ ХЕРСОНА

Для того, чтобы привлечь херсонцев к участию в работе мастерской «Живая история», мы сделали настоящую передвижную инсталляцию из старых чемоданов, на которые наклеили фотографии из семейных архивов людей, которые были вывезены на принудительные работы в Германию, выжили в концлагерях, в оккупации, восстанавливали Херсон после войны. На улицах люди подходили к интересной конструкции, общались с волонтерами, брали буклеты клуба, а ещё могли услышать уже записанные истории, которые звучали прямо из передвижной конструкции.

ЖУРНАЛИСТЫ ПОМОГАЮТ

С самого начала проекта «Диалог поколений» журналисты херсонских СМИ поддерживали его своим вниманием и публикациями. В пресс-конференциях проекта приняли участие не только инициаторы проекта – активисты Центра молодёжных инициатив «Тотем», но и женщины, которые в годы войны были вывезены на принудительные работы в Германию: они рассказали истории своей жизни и то, как для них важное внимание современной молодёжи. Наиболее активными медиа-партнёрами проекта стали херсонские газеты «Гривна», «Вгору», молодёжная газета «Бивни».

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА

Одним из запоминающихся событий проекта «Диалог поколений» стала экскурсия в Цюрупинск, в дом уникальной художницы Полины Райко. Там активистов и волонтеров проекта встретила Надежда Андреевна Свиридко – первый смотритель музея Полины Райко. Надежда Андреевна проработала 40 лет учительницей, пережила оккупацию и поделилась с нами своими воспоминаниями.

МУЗЕЙ ТОТАЛИТАРИЗМА

Экскурсии в «Музей тоталитаризма», который в Херсоне создал Витал Трибушной в частном доме по улице Энгельса, всегда производит сильное впечатление. Уже много лет его создатель собирает разные предметы, связанные с коммунистическим режимом. Витал считает, что нужно критически относиться к коммунистической истории и рассказывает о собственном опыте общения с советским КГБ. Что современная молодёжь знает о тоталитарном режиме в СССР? Что сегодня мы думаем о фигурах Ленина, Сталина? Можем ли просто вычеркнуть эти страницы или всё же должны помнить уроки истории? «Музей тоталитаризма» всегда провоцирует дискуссии – и это всегда новые мысли, новый опыт, переосмысление истории и её влияния на жизнь людей сегодня.

ВЕРБАТИМ

Два спектакля по воспоминаниям херсонцев подготовил Центр им. В.С. Мейерхольда. Документальный театр (вербатим) позволил молодёжи пережить судьбы людей старшего поколения. Женщины, рассказавшие в клубе «Диалог поколений» о принудительных работах в Германии, услышали свои истории со сцены и узнали себя в молодых актрисах спектакля «Качели». После спектакля его режиссёр Андрей Май поблагодарил их за жизненный подвиг, а зал аплодировал им стоя.

ФОТОВЫСТАВКА

23 августа – Европейский день памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. К этому дню в Центре молодёжных инициатив «Тотем» мы организовали выставку фотографий из архивов херсонцев – участников проекта «Диалог поколений». На одной стене можно было увидеть разные жизненные пути, разные судьбы – и наших девушек в Германии, вывезенных на принудительные работы, и херсонцев, переживших концлагерь Бухенвальд, и тех, чьё детство прошло во время войны. Эти фотографии стали частью альманахов «Живая история», которые вы держите в руках.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ – ВЕТЕРАНАМ

Первыми получили альманах «Живая история» наши ветераны. 9 мая 2010 года они получили не только памятные медали из рук городского головы, не только традиционные цветы от детей, но и альманахи – свидетельства того, что современная молодёжь бережно и с уважением относится к их жизненному опыту.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ – ДЕТЯМ

Встречи со свидетелями истории проходили не только в клубе «Диалог поколений». По просьбе Херсонской школы-интерната им. Т. Шевченко мы организовали встречу с Раисой Кузнецовой – одной из самых активных участниц проекта. Она рассказала о своём детстве, которое прошло во время войны, и о своём отце – докторе Оресте Кузнецове, который был одним из активистов движения сопротивления в одном из самых страшных концлагерей для военнопленных – в Бухенвальде, а после возвращения на Родину был репрессирован. Семья ждала его из ГУЛАГа, дочери росли без отца. Пример мужества, жизненной стойкости – вот что могут дать воспитанникам интерната такие встречи.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ – ВО ВСЕХ БИБЛИОТЕКАХ

Альманахи «Живая история» можно найти во всех библиотеках города. Особенно хочется отметить Херсонскую библиотеку для детей и юношества, которая пригласила активистов проекта «Диалог поколений» на встречу с библиотекарями, среди которых было много молодёжи, и районную библиотеку Киндийки, в которой уже 35 лет работает Вера Михайловна Бундуки – одна из тех, кто дал интервью для создания альманаха. В Киндийке специально для презентации альманаха «Живая история» подготовили встречу с пожилыми людьми и стенгазету о тех людях, которые из Киндийки были вывезены на работы в Германию.

НАД АЛЬМАНАХОМ РАБОТАЛИ:

Александр Юдин

Устин Данчук

Елена Афанасьева

Николай Гоманюк

Людмила Кушнир

Дизайн: Максим Афанасьев

Выражаем благодарность за помощь в реализации проекта «Диалог поколений»:

Кузнецовой Элеоноре Орестовне -
автору книги «Доктор Орест»
Подольской Лилии Степановне -
автору книги «Детская больница:
люди и судьбы»»

Вайнштейну Эдуарду Борисовичу -
автору книги «Мои побасенки»
Дяченко Сергею Андреевичу

Подольскому Евгению Евсеевичу
Центру им.Вс. Мейерхольда

Херсонскому высшему
профессиональному училищу
сервиса и дизайна,
психологу Андрею Недбайло

Всем, кто принял участие в создании
альманахов «Живая история»

Районной библиотеке пос.Киндикка

Особая благодарность:
ВБО «Турбота про літніх в Україні»

На обложке:
Афанасьев
Игорь Петрович
фото: Алекс Томек

ЦЕНТР МОЛОДЁЖНЫХ
ИНИЦИАТИВ «ТОТЕМ»
ХЕРСОН
2010

тираж: 500 шт.
распространяется бесплатно.

TREFFPUNKT МІСЦЕ ЗУСТРІЧ
DIALOG: ДІАЛОГ

